

Разочарованный
~~thinks fr th mms~~

Екатерина Тарасюк

Екатерина Тарасюк

Разочарованный

(Thanks Fr Th Mmrs)

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9444440
Разочарованный (Tnks Fr T Mmrs): ИП Э. Б. Ракитская (R) Э. РА ;
Москва; 2014
ISBN 978-5-00039-112-9

Аннотация

Тлевший пепел, смешанный с золой, неприятно скрипел. Из ретрансляторов доносилось шипение сломанного радиоселектора. Все, что находилось в кабинете, после пожара обуглилось и потемнело. Не полностью сгоревшие тетрадные листки разлетелись по всему классу. Тонкий удовой запах пылью поднимался вверх, паучьим коконом сжимая легкие. Дневной свет пробирался сквозь закопченные стекла окон, напоминая огни ночной автострады.

Марк, сложив руки домиком, вальяжно сидел на единственном чистом стуле и пренебрежительным взглядом наблюдал за тем, как Ева выводила на доске знакомые до судороги слова: «The Поэт». Ее глаза были полны тревоги, и она с надеждой посмотрела на юношу, затем на дверь, за которой слышались шаги и тяжелое сбивчивое дыхание.

Кто из них лучше сумеет рассказать, почему у школы Зверя всегда была плохая репутация?

Содержание

Разочарованный (Tnks Fr T Mmrs)	6
Ноль – ноль	8
Ноль – один. На руинах школы	16
Ноль – два. Как запечь ногу, сохранив витамины	40
Ноль – три. Город на Костях	89
Ноль – четыре. Hair back, collar up, jet black, so cool	148
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Екатерина Тарасюк

Разочарованный

(Tnks Fr T Mmrs)

«That's bad medicine»¹,
– Марк Зильберштейн.

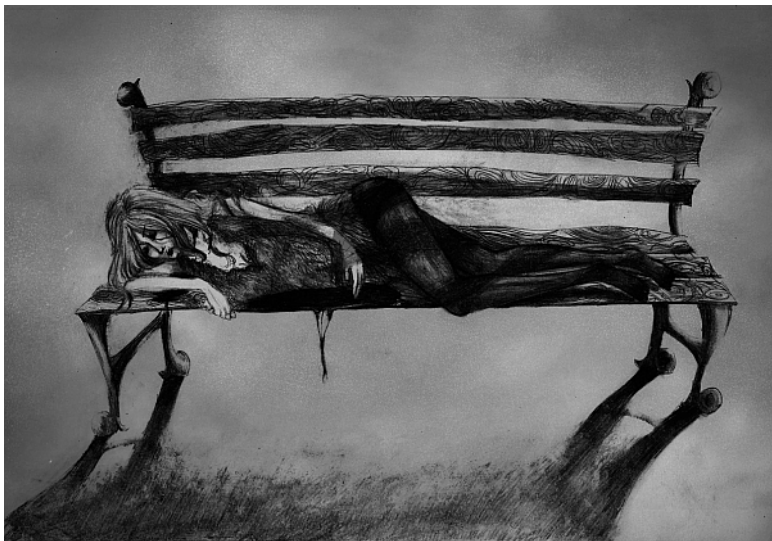
¹ Это плохое лекарство

Разочарованный (Tnks Fr T Mmrs)

ТОМУ, КТО НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ.

*I was alone falling free,
Trying my best not to forget.*

(Placebo – «Meds»)²

² Я был одинок в свободном падении, Изю всех сил пытаюсь не позабыть...
Placebo – «Таблетки»

Ноль – ноль

Сентябрь. 2009 год.

– Итак, пациент семнадцать, – доктор в круглых очках включил шипящий диктофон, сохранившийся, видимо, с советских времен. – Помните ли вы, каким образом оказались здесь?

– Разве у меня нет имени? – усмехаюсь я, чувствуя неприятную горечь в горле.

– Вы все еще не уверены в своем прошлом, почему тогда я должен быть уверен в вашем имени? – у психиатра были черные волосы и борода с проседью. Я недовольно цокаю языком и, закинув ногу на ногу, губами зажимаю кулон, который до этого теребила моя рука. Он выключил диктофон. – Хорошо, давай начнем сначала, – мужчина заметно смягчился, хотя такая тактика ему вовсе не нравилась, что было видно по его лицу. – Что ты помнишь из своего прошлого?

– Что я помню?... Хм. Все и одновременно ничего, развожу руками, но чувствую, будто что-то меня сковывает изнутри. Что-то сковало мою душу, а заодно и язык. – Если бы у меня были все воспоминания, то меня бы здесь не было, – но это ошибка. Очередное мое заблуждение. – Раньше мне казалось, что правильно будет мне вам задавать вопросы, поскольку о моем личном деле многие наслышаны, только не я... Теперь я в смятении, ничего не понимаю.

– Почему?

– Иногда у меня возникает ощущение, что меня подменили. Кажется, будто кто-то другой живет в моем теле. Что я – вовсе не я, или, например, что меня никогда не существовало, я лишь чье-то изображение в этом мире. Временами сомневаюсь, что мое дело, на самом деле, мое. Оно действительно настолько насыщенное?

– Более чем. Но, понимаешь, я не столько хочу узнать о твоём прошлом, сколько узнать именно тебя, какой ты человек, чтобы потом доказать или, наоборот, опровергнуть написанное о тебе в картотеке. Видишь папку? – доктор кивнул в сторону своего дубового стола, заваленного бумагами. – Если наш сеанс пройдет успешно, и ты мне все расскажешь, то, возможно, я сдам в архив заведенное на тебя в прошлом дело.

– Что же, док, – стараюсь выглядеть спокойней, – валяйте. Диктофон вновь затрещал. Этот хруст напоминал мне, как в лесу ломались ветки под ногами. Как хрустели кости, как они ломались, подобно веткам в лесу... как мороз дробил кости.

– Приступим. Разговор с пациентом семнадцать. Прошу, расскажите, что значит для вас любовь?

– Любовь? – минутная пауза. – Нашли, кого спрашивать. Мне почти незнакомо это чувство, я смутно помню... – поджимаю губы, – это незабываемо. Такое можно испытать лишь раз. Лишь к одному человеку, кем бы он ни был.

– Расскажи мне о нем.

Июнь. 2007 год.

Впереди лишь яркий свет. Я чувствую его, как он слепит мои глаза, сжигая их. Очертания туманны, по щекам бегут слезы, словно от лука или слезоточивого газа. В едких контурах углядывается белый коридор, словно свет в конце бесконечного туннеля. Позади меня мрак. Ноги изранены. Осколками?... На освещенном белоснежном полу видны мои кровавые следы. У меня не было ни малейшей возможности дотянуться до какой-нибудь двери, правда, у меня не было уверенности, что эти двери на самом деле существовали. Мои руки скованы смирительной рубашкой. Все движения были крайне неловкими и ломаными, будто производимыми невидимым кукольником, работающим со сломанной марионеткой. Мне не страшно, не должно быть...

Обессиленно падаю на колени.

Из слепящего яркого сияния появился высокий человек в медицинском халате. От него пахло хирургическим отделением. Запах лекарств смешивался с приторным запахом озона. Его лицо скрыто под марлевой повязкой, а глаза за толстыми линзами очков. Его руки в тонких голубоватых перчатках тянутся ко мне...

Мне не страшно.

Октябрь. 2007 год.

Это было самое обычное утро. Ева проснулась с бешено колотившимся сердцем за минуту до звонка будильника. Ее грудь тяжело вздымалась, отходя от кошмарного сна, заставившего ее понервничать. Было сумрачно, несмотря на то, что времени было около половины восьмого. Она нисколько не торопилась и, лениво потянувшись на кровати, поднялась, пройдясь до окна по холодному паркету. Сонно скользя босыми ногами, она уперлась руками в подоконник с цветами и посмотрела на улицу. Туман спускался с холма и приносил ощущение тревоги. С высоты седьмого этажа земля была едва различима. Девушка представила то, как ей придется выходить из подъезда, в холод, тем более, когда ничего невидимо. Разумеется, она теплее бы оделась, да внизу видимость стала бы лучше, но, так или иначе, для нее погода могла стать уважительной причиной для того, чтобы опоздать на пробный экзамен по русскому языку... «Черт!» – воспоминание молнией ударило девушку. Ей надо было быстрее собираться, иначе она опоздала бы на тренировочный ГИА!

Метнувшись на кухню, она поставила вариться какую-то кашу, затем пошла умываться. В полумраке нащупав зубную щетку и пасту, она почистила зубы. Ей казалось, что собиралась она очень медленно, пришлось ускориться. Ева вернулась в свою комнату и по-быстрому переоделась в свободный свитер и джинсы, но почти сразу спарилась, впрочем, решив, что в школе в очередной раз прохладно, она не стала переодеваться во что-то другое. Позавтракав, девушка под-

вела глаза серым карандашом и оставила его в прихожей.

На часах было пять минут девятого, когда Ева закрыла за собой дверь квартиры и нажала на кнопку вызова лифта. В тот же момент она услышала на улице вой сирены. Практически машинально она посмотрела на окно лестничной площадки. Там лишь периодически отражался то синий огонек, то красный. «Скорая помощь?» – промелькнула тревожная мысль в ее голове, но школьница не заострила на этом внимания и спокойно зашла в кабину лифта, кляцнув по кнопке первого этажа острием ключа.

Тяжелая подъездная дверь была уже открыта, когда Ева выходила из здания. Первое, что она заметила – вокруг скамейки собралась небольшая толпа. Второе, что она смогла увидеть из подъездной двери, и что она увидела, повергло ее в шок. Бедняжка даже прикрыла рот ладошкой. На скамейке перед ее домом лежала девушка. Мертвая.

У нее была идеально ровная белая кожа. Ярко покрашенные фиолетовыми тенями глаза с блестками, темно-бордовая помада. Пепельные кудри, разбросанные по плечам, местами были в запекшейся крови. Она была почти как живая, если бы не глубокий порез на шее. Незнакомка была очень красивой, но покрашенной слишком вульгарно. Одета соответственно. Ей было не более двадцати пяти, да и то боевая раскраска добавляла лет. Горло было перерезано аккуратно, не оставив ни капли крови на ее одежде.словно сам Джек Потрошитель выполнил эту работу. «Он перерезал горло слева

направо, одновременно наклоняя голову вправо...»

Тайная страсть Евы – изучение биографий серийных убийц. Странно? Об этом увлечении девушки никто не знал, даже ее близкая подруга Кира не догадывалась, что та настолько хорошо информирована. Раньше девушка читала разные книги по данной тематике, изучала статьи в сети. И да, Джек Потрошитель был ее любимчиком, как бы это странно ни звучало. Только сейчас, когда прочитанное воплотилось в реальность, и Ева увидела жертву своими глазами, она по-настоящему испугалась.

В просвете между людьми Ева увидела, что у убитой на ключице была татуировка дракона, под которым виднелась нечеткая надпись на латинице. Толпа сомкнулась.

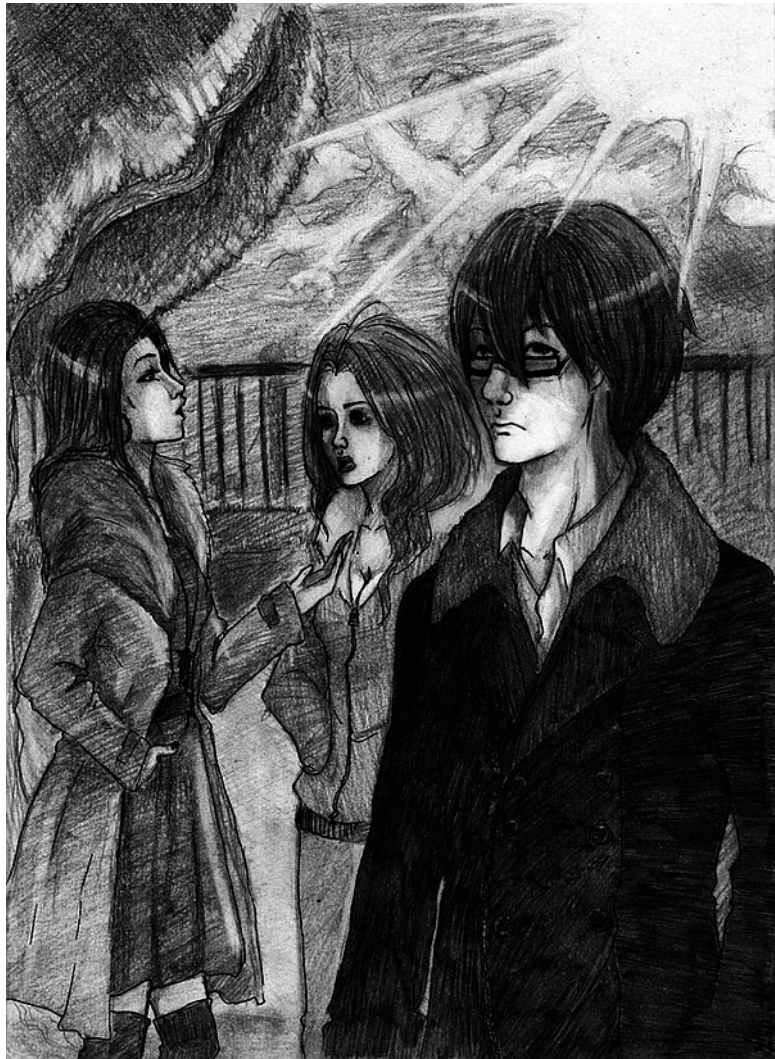
Затем Ева почувствовала нечто новое.

В воздухе витал неприятный запах, из-за которого Ева невольно поежилась. Нет, вовсе не смерти, как вы могли подумать. Это было нечто резкое, заставлявшее кровь закипать в жилах... Это был нагнетавший запах страха. Он сравним с тем кошмаром, будто к горлу приставлен холодный стальной клинок с застывшей кровью на лезвие.

Девушка осторожно посмотрела вперед и заметила человека с фотоаппаратом. Он прицелился, и вспышка ослепила ее.

«Кто все эти люди?» – спросите вы. Что ж, пожалуй, начало вышло у меня неправильным. Боюсь, без небольшой предыстории вам и дальше будет сложно понять то, о чем я

повествую. Начнем с самого начала.

Ноль – один. На руинах школы

*A terrible mistake was made
The weight would break the backs
Of ten strong horses tried to save
The castle in the fray*

(Mirah – «Special Death»)³

1 сентября. 2007 год.

У школы Зверя всегда была плохая репутация. Задолго до того, как все узнали об очередном происшествии осенью 2009 года. Говорят, в ней обитают призраки. Стены за десятки лет пропитались легендами и страхами поколений. Даже сейчас, когда кабинеты и коридоры пусты, а пол начищен до блеска, то, затаив дыхание, можно услышать шепот тех, чьи души навсегда остались где-то здесь.

Первое сентября для средних и старших классов проходило на стадионе, поле которого летом покрыли plastic grass. Малыши же из начальных классов собирались во внутреннем дворе школы (мы его всегда называли «карманом»), откуда их потом должны были проводить учителя. Раньше, чем остальных учащихся. Со сменой директора начался неслы-

³ Была совершена ужасная ошибка. Тяжесть может подорвать спины Десяти сильных лошадей, пытавшихся спасти Замок в битве. Mirah – «Особенная смерть»

ханный набор в первые классы – сейчас их стало три, и не думаю, что кто-нибудь стал бы соблюдать старую добрую традицию, когда одиннадцатиклассники брали первоклашек за руки и отводили их в актовый зал.

– Похоже, первого звонка у нас не будет, – с печалью в голосе сказала Ева Романова, ученица девятого «А» класса. Она посмотрела на мрачное небо своими болотно-зелеными глазами и, поежившись, застегнула куртку до подбородка. – Кажется, дождь начинается.

Рука Евы порядком затекла, и бедняжка устала ждать возвращения классной руководительницы – Анны Александровны, учительницы русского языка и литературы, – пока та в срочном порядке узнавала, перевелся ли к ним кто-то в класс. В школе Зверя, как и в нашей стране, многое делалось через одно место, – когда рано утром учительница пришла на работу, завуч по воспитательной части спросила ее, готова ли та к приему новеньких. В ходе разговора выяснилось, что перешло несколько больше ребят, чем предполагалось в конце прошлого учебного года, и теперь Анна Александровна разбиралась с тем, правда ли это. Ева улыбнулась, вспоминая Влада, ее приятеля из «Б» класса, который хотел перейти к ним. Да, это был неплохой парень, симпатичный внешне, с превосходным чувством юмора и жизнелюбием. Они были в отличных отношениях, вероятно, Ева также нравилась ему.

– Хочу курить, – пробурчала Кира Саванова, подруга Евы, стоявшая рядом. Ее любимый цвет – красный. У нее были

огненные короткие волосы, клубничного цвета пальто до колен и бордовые резиновые сапоги на небольшом каблучке. Ева удивленно вскинула брови, посмотрела на нее, та ей в ответ смущенно улыбнулась. – Ну, а что? Я чуть не опоздала! Не было времени даже на быстрый перекур.

– Хрен, завернутый в газетку, заменяет сигаретку, – усмехнулась Ева и посмотрела на дорожку, ведущую к полю. – О, Ань Сань идет, разозленная вроде. Неужели Егор успел что-то натворить?

Кира пожала плечами. Учительница вернулась к своему классу и, встав перед Евой, недовольно проворчала:

– Где же этот урод? – эта фраза заставила девчонок переглянуться и посмотреть по сторонам в поисках виновника. Видимо, дело было не в том самом Егоре, который последние четыре года являлся головной болью всех учителей. Возможно, еще какой-то новенький опаздывал, или Влад все-таки перешел и немного задержался?

– Привет, Ева, – со стороны параллельного класса подошел Влад. У него были светлые, небрежно взъерошенные, волосы и голубые глаза, которые внимательно изучали девушку. – Рад тебя видеть, Кира, – вежливо улыбнулся юноша. Затем он посмотрел на классную руководительницу. – Здравствуйте, Анна Александровна.

– Здравствуй, Влад, – отвлеченно отозвалась та. – С твоими документами все хорошо, скоро сможешь перейти в наш класс.

– Да? Странно. Мне Галина Николаевна сказала, что я с этого дня учусь у Вас, – озадаченно сообщил парень.

– Значит, там что-то напутали. Вас же несколько человек перевелось, – вспоминала женщина, задумчиво прищурившись. – Тебя вижу, Настю вижу, а этого придурка нет.

– А что, неужели кто-то еще перешел? – от неожиданности Ева неуклюже оступилась и локтем случайно задела Киру. Подруга недовольно покосилась на девушку, и та, в свою очередь, невинно улыбнулась и пожалала плечами.

И точно в тот момент на горизонте появилась та самая проблема, которая опаздывала уже на пятнадцать минут. Ева с негодованием посмотрела на спешивший силуэт у школьных ворот. Она нутром почувствовала, что это был тот, кого все ждали. В черном пальто, в высоких сапогах и обтягивавших серых скинни. Он носил очки в толстой оправе. Резкие черты лица с острыми скулами не прибавляли ему привлекательности. Ева нахмурилась, попытавшись вспомнить, кем являлся этот человек. Она смутно припоминала, что он был из «Б» класса, а еще, кажется, у него с речью было что-то не так...

Парень шел по лужам большими шагами. На плече у него висела тонкая кожаная сумка, которая постоянно соскальзывала, и он ее каждый раз поправлял, при этом раздраженно вздыхая.

– Здравствуйте, – четко произнес парень, почти по буквам, грубоватым голосом.

– Твою мать, Марк! – сильнее разозлилась Анна Александровна. – Как можно так опаздывать? Ты хоть представляешь, что могло бы произойти, если бы ты не пришел вовсе?!

Точно! Ева вспомнила его. Марк Зильберштейн, чудаковатый немец. Кажется, девушка когда-то даже общалась с ним, наверное, в первом классе, пока его не перевели в параллель, которая была проще с точки зрения требования учителей. Насколько она знала, то причиной послужило то, что он плохо знал русский язык.

– Простите, что задержался, – в речи Марка чувствовался тот акцент, который он усиленно скрывал.

– У тебя что-то случилось? – учтиво поинтересовался Влад, глядя на своего одноклассника. Парень всегда относился ко всем с уважением, старался не ввязываться в конфликты и драки.

Взгляд Марка метнулся в его сторону и стал мгновенно надменным и презрительным:

– Я просто не хотел приходить.

Влад обессиленно вздохнул и сообщил, что пойдет к бывшей классной руководительнице, Галине Николаевне – учительнице по географии, чтобы выяснить, с каким классом ему находиться. Оказавшись в толпе рядом с Кирой, Еве хотелось поговорить о том, что будет после такого внезапного пополнения. Но вместо этого Саванова наклонилась к приятельнице и, прямо на ухо, прошептала:

– Этот маньяк пожирает тебя глазами, – это было настоль-

ко зловеще, что девушка слегка напряглась. Она попыталась как можно незаметнее посмотреть на Марка. Вблизи были заметны небольшие шрамы на его щеках, ближе к носу. Следы на коже напоминали царапины, с течением лет ставшие практически незаметными. Лишь яркий дневной свет выдавал их. Определенно, Марк уже тогда не понравился Еве, и она не хотела иметь с ним ничего общего.

Когда начали называть те классы, которые могли отправиться в школу, Анна Александровна забрала у ученицы табличку. Директор тем временем все что-то путала, и вышло так, что девятый «А» одним из последних покинул стадион. Влад так и не пришел к ним, но Ева получила от него SMS-сообщение, что, мол, скорее всего, он присоединится со следующего дня. Это была неплохая новость.

– Так, Влад придет к нам завтра, – радостно сообщила девушка подруге. Но также это услышал шедший неподалеку Марк. «Уши греет», – подумала Романова и сделала небольшой шаг в сторону от него. Марк обреченно закатил глаза, усмехнувшись, и как-то невнятно прокомментировал восторг.

– Шикардос. Так, может, позовем его сегодня пройтись? – предложила Кира. Ева пожала плечами и, улыбнувшись, согласилась.

Оказалось, что Анна Александровна уже составила план посадки, учитывая всех новичков, ну, кроме Влада. Конечно, сначала классу всегда доверяли рассестись «по любви»,

как говорила учительница по математике Майя Ивановна, но в этот раз все накрылось из-за вечно болтавшего Егора. Он говорил всегда и везде, вне зависимости от того, кто находился поблизости. Вернее, как все вышло: Марк решил в полном одиночестве спрятаться за пятой партой у стены. Он убрал выданные учебники в большой красный пакет с белой надписью «Твоё». По доброй воле с Егором никто не захотел сесть, и он сам пристроился к недружелюбному новенькому. Тот, в свою очередь, был молчалив, не желая разговаривать вообще. Тем временем, Анна Александровна диктовала правила заполнения дневника на этот год.

– Можно сокращать имена учителей? – спросила Сурикова со второй парты. У нее были длинные шоколадного цвета волосы и рябая кожа. Увидев ее, Марк поморщился и что-то буркнул, похоже, по-немецки выругался.

– Да, конечно, – разрешила учительница, не посмотрев на класс.

– Тогда я вас запишу как Анна Александр, – улыбнулся Егор, вполоборота сидевший к Зильберштейну.

По классу прокатился смешок. Анна Александровна усмехнулась и продолжила диктовать необходимую информацию.

Ева слушала рассказ Киры о том, как та провела лето. Что-то о походах в соседнюю деревню, поездке в лагерь с «Эдельвейсом». Девушка не вслушивалась в названия, но это никак не помешало уловить ей соль: Кира нравилась какому-то Ан-

дрею, но та начала встречаться с Олегом, у которого до этого был роман с Лизой, которая стала девушкой Кости, с которым целовалась Кира в поезде на второй полке, из-за чего очень расстроился какой-то Андрей. Вечная молодость. Кто все эти люди? Когда Ева во всем разобралась, она кивнула и оглянулась. Марк сидел, уткнувшись носом в тетрадь, а Егор что-то ему говорил и, судя по всему, неприятное. Казалось, что еще немного, и немец ему врежет.

Шум в классе нарастал, и учительница сделала, по ее словам, последнее замечание перед тем, как рассадить всех по-своему. Кира и Ева разом притихли. Маловероятно, что их могли оставить сидеть вместе.

Предельной выходкой стало то, что Егор совсем достал Марка. Немец резко залепил тому пощечину и, встав, начал собирать свои вещи в сумку:

– Я не хочу быть с ним сидеть, – произнес он и посмотрел на Анну Александровну.

– Научись разговаривать. Ты чо, нерусский? – засмеялся Егор, нисколько не обратив внимания на удар.

– Меня зовут Марк Отто Зильберштейн. Я из Берлина. Мой язык родной германский, – перечисляя, парень загибал пальцы. Кто-то в классе поправил его на «немецкий», – мне нужно учить русский и жить в России, это очень непросто, и я не намерен бесплатно и добровольно общаться с таким, как вы, – он вновь повернулся к Егору и указал на него. – Спроси меня, сколько я русский, я объясню проще и не здесь.

Кто-то в классе даже восхитился такому отпору, но в массе своей Марк опять никому не понравился. Почему опять? Анна Александровна припоминала, как руководительница параллельного класса рассказывала о том, что Марк – проблемный ребенок из-за своего дрянного характера. Ему невероятно сложно найти общий язык с людьми, особенно со сверстниками. Прежде с ним никто не дружил, его не любили, поэтому он стремился как можно лучше учиться и перейти в другой, более продвинутый, класс, будто от этого могло что-то измениться. «А» класс был не намного лучше «Б», но там были нормальные люди вроде Евы и Киры, так что у учительниц не было сомнений, что с Марком еще не все потеряно, и Анна Александровна, не зная толком Зильберштейна, списала все на «трудный возраст».

Но, как ни крути, свой класс Анна Александровна любила и не хотела, чтобы у него начались еще большие проблемы из-за новичков. Учительнице было около двадцати пяти лет, и она была одной из самых молодых в школьном коллективе. Ранее она сама училась в школе Зверя, теперь же, получая второе высшее, она работала учителем. Ученики ее очень любили и пытались не осложнять ей карьеру, но были «Егоры»...

– Егор, пошел за последнюю парту, – с этого все и началось. Анна Александровна вышла из-за стола и оглядела класс, затем взяла со стола распечатку.

– Ну, блин, Анна Санна, – возмутился Егор. Все могло

принять и другой оборот, возможно, между мальчишками даже могла начаться драка, но буря обошла стороной. Временно.

Вскоре Кира «переехала» от Евы. Девчонки не особо расстроились – к тому моменту они уже успели обсудить самые важные события за лето. С соседом красноволосой повезло больше – ее посадили рядом с Димой, который постоянно болел.

Еве Марк не понравился с первого взгляда, и какого ей было узнать, что теперь он должен сидеть с ней. Но сам Марк, кажется, был очень даже доволен таким раскладом. Тогда у девушки проснулась определенная ненависть к однокласснику, который в первый же день выпендрился.

– И так сидеть на всех уроках, – произнесла учительница, после чего начался вводный урок в программу девятого класса.

Сперва Марк вел себя достаточно тихо, только изредка поглядывал на Романову, которая безуспешно старалась не замечать его.

– Ты Ива, ja⁴? – спросил шепотом Марк, когда Ева записывала в тетрадь дату.

– Ева, – тактично поправила девушка, – но, в общем, ты прав.

– Я знаю, – украдкой кивнул он. – Это... Привет. Ты меня, наверное, не помнишь... Я Марк. Марк Зильберштейн, –

⁴ Ja – да (нем.)

смутившись, представился юноша. Конечно, у Евы же память как у золотой рыбки – около трех секунд – и она уже забыла грандиозную речь нового одноклассника.

– Мы с тобой учились вместе в первом классе, верно? – неуверенно предположила девушка, полагая, что ответ близок к истине.

– Да-да. Мы были за одной партой.

– Приятно, что ты меня не забыл, – в ответ парень благожелательно кивнул. – Что вы там с Егором не поделили? – дружелюбно поинтересовалась Ева. Ей не хотелось демонстрировать неприязнь и тем самым портить первое впечатление.

– Не подумав, он говорит много лишнего, – и следом за этим он глянул на задиру, после чего добавил: – Причем, насколько мне известно, он всех достает, ja?

– Есть такое, – подтвердила Романова. – У вас с ним еще хорошо закончилось.

Марк вновь кивнул и начал что-то записывать в тетрадь по русскому. До девушки не сразу дошло, что классу выдали упражнение. Она зачарованно смотрела, как Зильберштейн аккуратно записывал предложения из учебника. Ева стала быстро списывать у него, даже не задумываясь о грамматике и орфографии, тем временем полностью погрузившись в свои мысли.

На такой ноте начался новый учебный год, который Ева распланировала чуть ли не до мелочей. Она будет заниматься с репетиторами, учить материалы к экзаменам. Ева мо-

рально готовилась к следующему уроку – английскому, на котором она точно не пересечется с подругой, поскольку та находилась в другой группе, изучавшей немецкий. Тогда Еве стало очевидно, что Марка она также не увидит, он же немец и, вероятно, захочет где-нибудь поговорить на родном языке. Значит, на уроках английского у нее получится больше времени проводить с Владом, который будет заниматься с ней в одной группе. Да, такой расклад ей однозначно больше нравился.

– Как пишется слово «облоко»? – внезапно спросил Марк, отвлекая девушку от сладких мечтаний о Владе.

– Об-ла-ко, – по слогам продиктовала та в ответ.

– Danke schön⁵, – и он опять уткнулся носом в тетрадь.

Урок русского языка прошел невероятно сонно. Записав домашнее задание с доски в дневник, Ева поспешила собрать вещи и покинуть кабинет. В коридоре было многолюдно, и, с трудом пробравшись сквозь толпу, Ева зашла в соседний кабинет, который был совершенно пустым. Девушка уселась на свое место за первой партой перед учительским столом и разложила перед собой школьные принадлежности. Именно в этом году ей предстояло стать особенно внимательной, поэтому на уроках нельзя было отвлекаться. Перспектива не самая приятная, но отступить некуда.

Достав телефон из кармана, Ева поглядела на часы. Как правило, она всегда приходила раньше всех. Пунктуальность

⁵ Danke schön – большое спасибо (нем.)

Марка окончательно дала трещину и утонула как Титаник в глазах единственного ценителя немецкой педантичности, когда тот в очередной раз опоздал. Он остановился возле двери и, задумавшись, устоял на свободные места. Лукаво усмехнувшись, парень снял сумку с плеча и подошел к Еве.

Из суеверия она никогда не сидела на первом варианте, так как считала, что второй ей приносит удачу. Все ее места были расположены возле прохода. И, стоило ей увидеть ожидавшего Марка, как она недовольно встала со стула и пропустила юношу к окну. Тот хмыкнул, проходя к своему новому месту, и, усевшись на него, Марк сказал нечто невнятное насчет привычек.

– Почему ты не в группе немецкого языка? – вполголоса поинтересовалась Ева, когда Марк достал из сумки относительно небольшой плеер вместе с наушниками.

– Было бы несправедливо к моим одноклассникам, немецкий я знаю лучше учителя, – без улыбки заявил Зильберштейн. – Не хотелось бы мне разочаровываться в том, как здесь учат *mein*⁶ язык. Невелика потеря – стану лучшим в английском.

Романова поняла, что с одноклассником будет не так просто находиться в одном обществе. Он был грубоватым, несколько нахальным, чрезвычайно самоуверенным. А еще у него была, благодаря акценту, своеобразная манера речи,

⁶ Mein – мой (нем.)

которая кого-то могла раздражать, а кому-то казаться забавным лепетом.

Взгляд Марка довольно часто останавливался на Еве, пристально изучая ее. Она была красивой, очаровательной девушкой. Нежные утонченные черты лица, должно быть, мягкие, наощупь, губы. Длинные волнистые шоколадные волосы еще ни разу не знали краски. Она была красива природной красотой, такой, о которой можно было только мечтать. Казалось, они с Владом действительно друг другу подходили, вот только лишь некоторые могли поспорить насчет этого, но пока она не догадывалась, кем могли быть эти спорщики.

Таким образом, Марк и Ева весь день просидели вместе. Анна Александровна первое время точно следила бы за рассадкой, поэтому они должны были быть соседями по парте. Иногда немец что-то комментировал в присутствии соседки, но уже после та стала замечать, что кроме нее тот больше ни с кем не заговорил.

На большой перемене после пятого урока Кира и Ева сидели у столовой на парапете, за которым размещалось некое подобие зимнего сада.

– Ты Влада не видела? – спросила Ева, попивая апельсиновый сок. Уже которую перемену она хотела повстречать своего приятеля, чтобы позвать на желанную прогулку, но безрезультатно.

– Не-а, – пожала плечами та. – Дай попить, – подруга протянула красноволосой бутылку с соком. – Спасибо. А вооб-

ще можно спросить у Юры, они вроде друзья.

– Это тот странный? – предположила Романова, Кира в ответ кивнула. – Да ладно? Никогда бы не подумала, что они общаются. Я бы сказала, что типаж Юры ближе к Марку. Вот они бы дополнили друг друга стопроцентно.

– Точно, они оба какие-то странные, – согласилась Кира и засмеялась.

В это же время Марк сидел на лавке на третьем этаже рядом с кабинетом алгебры, где должен будет пройти последний урок. Нацепив старые наушники, парень слушал Placebo и наблюдал за окружающими. Громкость он поставил самую высокую и практически перестал следить за часами. В одиночестве ему было невероятно комфортно, так, будто музыка служила барьером от внешнего мира. Единственное, чего ему хотелось больше всего, так это оказаться дома и не видеть всех этих недалеких, посредственных людей. Марк нахмурился, обозлившись на собственные мысли, но стоило ему увидеть Еву, которая с Кирой проходила мимо него, он успокоился. Не так все плохо в этой чертовой школе Зверя. Парень стянул наушники за провода и, обмотав ими плеер, выключил проигрыватель и посмотрел на дверь, возле которой собрались одноклассники. Через полминуты прозвенел звонок, и Марк поспешил за Евой, которая что-то активно обсуждала с Кирой. Во время урока Саванова незаметно пересела за спины ребят и начала донимать подругу вопросами.

– На территории школы запретили курить, – Ева цитировала сообщение от Анны Александровны, – и за этим будут следить. На сей момент никаких серьезных последствий это не возымело.

– Блин, ну... – протянула Кира. – Эт самое... Что за дискриминация? Отойдем немного.

– Пошли к руинам школы, – хитро ухмыльнувшись, предложила Ева. – Давно мы там не были.

– Точно, – подтвердила Кира. – Как раз после уроков, да?
– Бинго! – по-детски захлопала в ладоши Романова.

Какое-то время Марк задумчиво молчал, слушая их разговор, но затем, когда подруги замолкли, сказал:

– Red Head⁷, Ива, – своеобразным способом обратился к девушкам Марк. Кира удивленно вскинула бровь, что считалось ее фишкой. У нее были яркие черные брови в виде домиков. – Вы не будете возражать, если я прогуляюсь вместе с вами? – и девчонки переглянулись.

Сама того не заметив, Ева мысленно начала рисовать портрет Марка, который каждым своим словом или действием почему-то стал интриговать. Девушке было невероятно сложно охарактеризовать его. Начитавшись книг по психологии, обычно Ева в легкую справлялась с подобной задачей, но Зильберштейн был не так-то прост. Еще совсем незнакомый мутный персонаж, и, чтобы узнать его лучше, она бы, возможно, пообщалась с ним.

⁷ Red Head – Красная Башка (англ.)

– Да, конечно, – одобрила Red Head, исподлобья посмотрев на Еву. – Ты не против, Иви? – передразнила подругу та.
– Хорошо.

И тогда, казалось, урок начал протекать во много раз быстрее. Ева вернулась в реальный мир, когда на доске появилось домашнее задание.

В тот год в школе Зверя первое сентября было сделано полноценным учебным днем. Ева устала из-за недосыпа, и ей хотелось как можно скорее лечь спать, но отменять назначенную прогулку было поздно, тем более, Кира будет курить.

Итак, а теперь небольшое пояснение. В семье Романовой все всегда курили, а сама она не хотела становиться зависимой от вредной привычки. Ей просто нравился запах табака. С эстетической точки зрения она считала это красивым действием. Возле раздевалки Ева быстро нацепила свою бежевую куртку.

Марк застегнул пальто и перекинул сумку через плечо, взявшись после за ее ремень. Где-то было сказано, что так делают только неуверенные в себе девушки. Хм. Марк? Дольше всех собиралась Кира, которая минут пять возилась с молнией, радуясь, что скоро покурит. В то время немец молчал, ничего не говорил, и Еве стало интересно – курит ли он. Внешне судить об этом сложно, поскольку он не был похож на тех, у кого рано возникают гадкие пристрастия; в плане воспитания, должно быть, он не был таким. Вот Кира совсем другое дело: она не походила на прилежную ученицу с пято-

го класса, но училась довольно прилично, особенно ей давалась математика.

Руины старой школы находились по соседству. Они были обнесены забором, высотой около трех метров. Участок лет пять никем не был охраняем и совсем зарос. Городские власти потеряли к нему интерес. Кира и Ева очень любили сюда приходить, например, в конце мая. Девушки скучали по тому времени, когда они гуляли по любимому району с фотоаппаратом.

Покинув пределы родной школы, ребята направились к развалинам. И вроде шли они вместе, но, с другой стороны, Марк шел немного поодаль от подруг, спрятав руки в карманы. Взглядом изучал землю под ногами. В его глазах можно было прочесть необъяснимую тоску, причины которой были известны лишь ему одному.

Еве было не по себе от молчания своих попутчиков, и, более не выдержав тишины, она заговорила:

– Говорят, то была школа то ли 900, то ли 859, – Марк заинтересованно посмотрел на Романову, а Кира кивнула, подтверждая факт. – Там в 1995 году произошел взрыв... или даже пожар, никто точно не знает.

– Смотря на характер развалин, смею предположить, что это был взрыв, после которого начался пожар, – высказал свою точку зрения Марк и покачал головой. – Правда... почему?

– Не знаю. Если покопаться в школьных легендах, думаю,

можно найти что-нибудь, и, как мне кажется, это «что-нибудь», – Ева пальцами показала кавычки, – непременно связано со школой Зверя, – зловещим шепотом добавила она.

– Школа Зверя? – удивился парень. – Никогда не силы... – и тут Романова оборвала его:

– Наша школа. У нас ее так называют. Насколько я знаю – из-за номера, – мягко пояснила она, и парень послушно кивнул, – но мне кажется, что даже за названием кроется какая-нибудь тайна, очередная легенда, о которой толком никто не знает.

– Verstehen⁸.

Только не было досказано, что, согласно местной мифологии, этот взрыв пришелся именно на первое сентября двенадцать лет назад.

В эту субботу все ученики выглядели особенно подавленными, но никто не подавал вида.

Из-за ночных дождей на улице уже создавалось ощущение осени. Ева взобралась на невысокий бордюрик и, руками поддерживая равновесие, обходила лужи. Время от времени ее рука опускалась на плечо Киры, которая шла по сухому краю. В отличие от них Марк шел прямо по лужам. У его сапог была высокая подошва.

Ворота Школы-на-Руинах, как ее называли в районе, отворились от сильного порыва ветра. Первые опавшие листья поднялись и пролетели над головами ребят. Ева вздрогну-

⁸ Verstehen – понятно (нем.)

ла, проникнувшись местной аномальной атмосферой. Про заброшенную школу ходило историй чуть ли не больше, чем про школу Зверя. Байки про пожары и взрывы, досужие вымыслы всезнающих горожан, да что душе угодно, могло дополнить и без того многочисленные городские легенды. Многие, кто учился в той школе долгое время, сходили с ума, поэтому почти не было людей, кто отучился там от начала до конца. Об этом рассказывала мать Киры, которая проучилась там год, будучи девятиклассницей. Тогда было три девятых класса, тридцать человек из которых перешли на время реконструкции из школы Зверя в ту, что now ruined⁹. Заведение было неплохим, конечно, не таким престижным, каким в далеком прошлом являлась школа Зверя. Кроме того, в Школе-на-Руинах вместе учились обычные нормальные ребята и сумасшедшие личности. Разве все вместе это good¹⁰? Нормальные же ученики сходили с ума. Даже Жанна – мама Киры – одна из самых адекватных людей, а их было немного, которых знала Ева – говорила, что иногда там слышался гул, так и оставшийся многими незамеченным.

– Ура, наконец-то я покурю! – все радовалась красноволосая, когда нынешние девятиклассники остановились перед разрушенным крыльцом.

Лучше всего сохранился первый этаж. В некоторых комнатах стены были почти целыми. Виднелась лестница на вто-

⁹ Now ruined – ныне разрушен (англ.)

¹⁰ Good – хорошо (англ.)

рой этаж, дышавший на ладан. От третьего этажа совсем ничего не осталось, как и от крыши. Повсюду птичий помет и разлагавшиеся голубиные тушки.

«Интересно, а что в подвале?» – мельком подумала Ева, заметив в тени люк, уходивший куда-то под школу. Тогда ей показалось, что именно с ним связана очередная городская легенда, о которой еще пойдет речь. Единственное, что могу сказать наверняка – Ева казалось правильной.

Кира сунула сигарету в зубы и, вопросительно посмотрев на подругу, протянула той пачку Winston. Точно в тот же момент Марк протянул Романовой Marlboro. И вроде следовало отказаться, но ей отчего-то показалось безумно милым, что Марк тоже предложил ей закурить. Пачка была красно-белого цвета, и табак, судя по запаху, был крепок. Ева взяла сигарету в руки и с непониманием покрутила ее перед лицом. Марк усмехнулся и забрал ее обратно, после чего прикурил две одновременно, заботливо вернув девушке дымящуюся сигарету.

Закурив, Кира посмотрела на часы, которые брат привез ей из Италии:

– Ой, – охнула она, – скоро пойду домой, у меня же сегодня танцы – надо подготовиться, а то если опоздаю, Саша меня приберет, – пояснила Саванова. Саша была ее тренером.

– Удачи, Red Head, – затягиваясь, произнес Марк. У него были тонкие длинные для парня пальцы, как у пианиста или вора-медвежатника. – Ив, – он повернулся к Романовой, –

думаю, мы еще погуляем?

– Да... конечно, – согласилась та, удивленно посмотрев на подружку, которая лукаво улыбалась.

Вскоре на руинах школы стало еще более жутко. Сделав затяжку, Ева с непривычки закашлялась. Кира курила довольно-таки медленно, вдумчиво, полностью погрузившись в свои мысли. Саванова выглядела как молодая дама полусвета тридцатых годов прошлого века, – для полноты картины ей не хватало к сигарете мундштука; Ева же старалась покурить как можно быстрее, чтобы запах не впитался в волосы.

Через несколько минут Red Head собралась с силами и пошла домой готовиться к спортивным танцам, которыми она занималась пятый год. Ребята хотели ее проводить, но та отказалась, аргументировав это как: «Я от вас устала, да и вообще, я вас не знаю, люди».

С уходом Киры наступило неловкое молчание. Такое, что Марк, несмотря на то, что после школы, как правило, выкуривал одну сигарету, потянулся вновь за Marlboro.

– Не кури много – вредно, – заботливо сообщила девушка, хотя понимала, что сказала полную чушь. Никто уже не прислушивался к социальной рекламе борьбы с курением. Марк, чего следовало ожидать, проигнорировал ее слова и закурил, ухмыляясь. – Почему ты решил перейти к нам? Ну, именно в девятом классе, практически перед экзаменами. А не за год до этого или уже после?

– Так было надо, – отрешенно отозвался парень. – Я даже не думал, что кто-то обратит на это внимание.

– Влад сказал почти то же самое.

– Берднев? – с неким недоверием уточнил Марк.

– Да-да, он самый, – активно закивала Ева. – Правда, он рассказывал, что больше никто не перейдет, кроме него и Насти.

– Прелестно, – фыркнул немец.

– Слушай, а ты когда-нибудь слышал легенду о центрифуге, которая никогда не остановится? – воодушевленно поинтересовалась девушка, осмотревшись. Молчание в столь загадочном месте ее гнело. Вокруг никого не было, словно все люди спрятались по домам. Несмотря на то, что Марк так и не ответил на заданный вопрос, они не закончили тему.

Показалось, что что-то где-то щелкнуло, будто механизм огромных часов с шестеренками. Затем оглушительно запищало. Именно так бы звучал ультразвук. Ева ничего не услышала, но с тревогой, для нее необъяснимой, начала оглядываться, а Марк от боли плотно закрыл уши руками и зажмурился. Из рта выпала недокуренная сигарета.

– Что такое? – встревожилась Ева, кинувшись к однокласснику. Тот склонился над землей. Романова крепко взяла его за плечи, помогая устоять на ногах. – Марк, что с тобой?

Для парня мир сходил с ума чуть ли не на глазах – все плыло, рябило, то появлялось, то исчезало. Сердце сжалось в ко-

мок разрывавшегося страха. Это было заложено на инстинктивном уровне. Опасность. Напряжение внутри нарастало, но все прекратилось также быстро, как и началось. Марк неуверенно выпрямился, опустил руки и огляделся. Взгляд у него стал затравленным. Таким его Ева впоследствии видела лишь единожды.

– Молодежь, валите отсюда, а то в ментовку позвоню, – прокричал ребятам за забором мимо проходивший мужчина пятидесяти лет.

Ева автоматически потянула Марка за рукав. Его состояние почти стабилизировалось, когда они покинули Школу-на-Руинах.

– Центрифуга никогда не остановится, – шепотом произнесла Ева и отвела взгляд. Когда они оказались за воротами, немного помедлив, девушка отпустила рукав одноклассника. – С тобой все в порядке? Что это было?

– Сгоревшая школа или взорванная бензоколонка всегда как-то так влияет на меня. Несколько раз падал в самолете и то спокойней себя чувствовал! А стоит мне приблизиться к чему-нибудь поломанному, так моя голова готова разрушиться! Как будто само здание – я, – оправдывался Зильберштейн. – Я недавно подумал... Может, тебя своими силами транспортировать к дому?

Ноль – два. Как запечь ногу, сохранив витамины

*You're just a sad song with nothing to say
About a lifelong wait for a hospital stay
And if you think that I'm wrong
This never meant nothing to ya*

(My Chemical Romance – «Disenchanted»)¹¹

Октябрь. 2007 год.

Прогресс – дело странное, особенно если дело касается школы Зверя. Новым директором постепенно внедрялись своеобразные новшества – например, торжества, которые ранее никто не праздновал. Об этих переменах все, даже учителя, узнавали в самый последний момент, когда срочно нужно было подготовить какой-либо номер. Но, пожалуй, начнем с эпизода, когда в класс перешел Влад. Позднее, чем планировалось, но тоже было неплохо, во всяком случае, так решила Ева.

Анна Александровна разрешила ему сесть на любое свободное место, поскольку план посадки должен был изме-

¹¹ Ты – просто песня без смысла: О жизни, в ожидании госпитализации. Если ты думаешь, что я не прав, То это для меня ничего не значит. My Chemical Romance – «Разочарованный»

ниться после осенних каникул, на которые в школе были определенные виды.

– Привет, Ева, – радостно подсев к Романовой, поздоровался Влад. Он был одет в полосатую синюю толстовку, джинсы и идеально белые кеды. От юноши всегда пахло чем-то напоминавшим скошенную траву. То, как пахнет от человека, для девушки играло огромную роль – она была тем еще парфманьяком. – Свободно?

– Вроде как... да, – девушка на мгновение задумалась. По сути, Марк всегда опаздывал, вот ему и наказание за это. Как говорится: «Кто не успел, тот опоздал».

– Отлично, – улыбнулся Влад, но тут дверь кабинета распахнулась, и на пороге показался Зильберштейн (он выглядел настолько сурово, что ему не хватало топора).

Стиль Марка всегда казался немного странным. Необычным. Даже в помещениях он носил сапоги, и каждый раз они были разными. В этот раз обувь была черной лаковой, прошитой красной строчкой. Скинни были расцветки городского милитари. «Похоже, он не знает, как должны одеваться нормальные парни», – с легким укором подумала Романова, продолжая изучать внешний вид одноклассника. Марк, как молодая девушка, никогда два дня подряд не приходил в одном и том же. Поверх черной майки была надета клетчатая красная рубашка. Парень не совсем вписывался в коллектив девятого «А» класса. Зильберштейн мало с кем пересекался, лишь с Евой, поскольку та была соседкой по парте, и изредка с Кирой, так как та была подругой Евы.

– Берднев, – возмущенно начал Марк, – какого ты тут делаешь? С Ивой сижу я, – заявил немец и поставил на парту свою сумку, но та оказалась слишком тонкой и завалилась на бок.

– О Марк... Божественный луч света разозлен, прости нас, непокорных, – натянуто улыбнувшись, выговорила Ева и отвернулась от одноклассников.

– Вы прощены, – с абсолютным равнодушием произнес парень. – А теперь будь добр, свали.

– Не кипешуй, Марк. Я не только уступлю тебе твое место, но и не затрону твои сложности с сарказмом, – Влад лукаво улыбнулся. – Эй, Кира?

– Что? – откликнулась девушка, и ее глаза встретились с серьезным взглядом Влада. Совсем немного они играли в гляделки, но потом девушка сдалась и засмеялась.

– Я сяду с тобой?

– Садись, конечно, – разрешила Кира. – Дима все равно болеет.

Тем временем Ева с некой завистью наблюдала за ребятами, пока Марк разбирает содержимое сумки. На тот момент в классе почти все собрались, не хватало только Анны Александровны, которая в последнее время была загружена предстоящими экзаменами своего класса. В кабинете царил гам, всем было весело, несмотря на постепенно приближавшийся первый пробник.

– А почему у меня тяжелые отношения с сарказмом? – через несколько минут поинтересовался Зильберштейн, переварив полученную информацию.

– Потому что не всем везет со мной как тебе, Марк, – хмыкнула Романова, доставая учебники.

Уроки с Марком всегда проходили разнообразно. На русском он обычно спрашивал, как пишется то или иное слово. На литературе он часто едко комментировал произведения и рассказы учительницы из жизни (временами на литературе мы отходили от темы урока и обсуждали что-то другое). Будучи кошмарным циником, Марк частенько раздражал Еву. Он предвзято относился к людям, позже Романова предположила, что помимо этого он является мизантро-

пом. По характеру он был схож с учительницей по биологии и химии, Ниной Матвеевной, уроки которой ему, в принципе, нравились, но если была бы возможность, он с радостью стал бы прогуливать все подряд. Единственным предметом, на котором Зильберштейн вел себя примерно и был образцом для подражания, была химия. Ему нравились химические уравнения, но больше всего он любил опыты. Его глаза загорались детской радостью, когда Нина Матвеевна говорила: «А сейчас мы посмотрим, как то-то и то-то вступают в реакцию». Вместо «то-то» мы, естественно, что-то подставляем, хоть H_2O или даже H_2SO_4 . Кстати, хотелось бы сказать буквально несколько слов об этой чудо-женщине.

Стаж работы Нина Матвеевны был уже лет так двадцать. В седьмом классе училась ее младшая дочь, Анечка, которая была поразительно похожа на мать. Нине Матвеевне было около сорока-сорока пяти лет, у нее были каштановые волосы, судя по всему, крашенные, с тонкой мелированной прядью. У каждого учителя школы Зверя была своя, скажем так, мулечка, у Нины Матвеевны, например, было требование справки за минимальный пропуск – три дня. Будучи в ее классе, пришлось раз и навсегда уяснить – никогда не пропускай ее уроки, тебе же лучше будет.

Впрочем, Еве определенно нравилось то, как обычно начинался урок химии: «А сейчас Зильберштейн нам расскажет...». Это чрезвычайно классно быть не хуже учителя.

Через какое-то время Романова смирилась, что сидит с

Марком, но вскоре он стал кидать в ее сторону нелестные комментарии и замечания.

– Как пишется «здесь»? – в привычной для себя манере спросил немец. Для Евы урок, где надо было много писать, без вопроса от Марка, переставал быть нормальным. Закатив глаза, Ева ответила:

– Здесь. В начале «з».

– Спасибо. Кстати, у тебя интересный почерк, – как-то заметил парень, и только Ева хотела поблагодарить его, как Марк продолжил: – В одной книге я видел, что такой бывает только у шизофреников.

– Спасибо, Марк. Куда бы я без тебя. Твои слова так много для меня значат, – с сарказмом сказала Ева, но юноша принял ее слова за чистую монету:

– Пожалуй, ты была бы самой милой больной, кто я видел, – виновато ответил тот.

– Маркуш, познакомься с сарказмом, – с натянутой улыбкой произнесла девушка. – Я смотрю, ты превосходно находишь общий язык с психбольными.

– Пф. В следующий раз предупреждай хотя бы, – раздосадовано буркнул Марк.

– Мне что, надо показывать табличку «Сарказм» каждый раз, когда я открываю рот? И да, «кого я видел», хорошо?

– Да, – кивнув, хмуро согласился одноклассник. – Постой. У тебя есть табличка «Сарказм»?

Вот с чего мы начали разговор; прогресс – дело тонкое,

сейчас поясню. Время близилось к очередному пробнику ГИА по русскому языку, а за ним осенние каникулы, на которых планировалась поездка классом в другой город. Ева переживала, как она сдаст тестирование, а у Марка не было сомнений, что он завалит. К своим результатам он относился стоически. Конечно, в таком случае ему не видать поездки, но она, по его мнению, не стоила того, чтобы из-за нее надрывать здоровье и мозги.

За долгое время Марк впервые пришел раньше соседки по парте. Его это немного озадачило. Первая мысль, которая его посетила, была о том, что, мол, она могла заболеть; нервы, нервы... В классе все знали о серьезном отношении Евы к подготовительным курсам и экзаменам. Также Марк понимал, что Романова ни за что не стала бы прогуливать.

– Марк, ты не видел Еву? – высоковатым голоском спросила Татьяна, одноклассница. У нее были осветленные волосы и стройная фигура. Училась она прилично и с пеленок дружила с Кирой.

– Опаздывает, – пожал плечами Марк.

– Да нет же! – недовольно воскликнула Таня. Она была старостой с пятого класса, и все ее «ценили» за болтливость и лисью хитрость. Считалось, что ей вообще нельзя доверять. – Я когда в школу шла, услышала у поликлиники сирену. Ева же там живет?

– Ну, да, а мой дом напротив, – озадаченно сообщил Зильберштейн. – Никакой аларма не было...Погоди, ты намека-

ешь на то, что с Ивой могло что-то случиться?

– С Ивой? – недоуменно переспросила блондинка.

– Ну, Евой, хотя намного лучшее звучит Ива.

– Понятно, – кивнула староста. – Ладно, тогда если Романова внезапно нарисуеться, передай ей, что пришел ее Avon.

– Окей, Blondie¹², – согласился Марк и подмигнул, затем совсем тихонько добавил, чтобы никто не услышал: – Каким-то вы шлаком пользуетесь.

Смущенно захихикав, Таня отошла к своим подружкам. Не то чтобы она была в восторге от немца, но ей было приятно любое внимание от противоположного пола, в то время как Марк не воспринимал всерьез своих одноклассниц, равно как и прочих девушек, поэтому старался держаться от них как можно дальше; думаю, еще не пришло его время.

Минут через десять должен был начаться пробник, и только тогда дверь распахнулась – в класс вбежала Ева. Ее всю трясло, она запыхалась из-за бега.

– Хей, Ива, тебе Avon пришел, – первым делом сказал Марк, когда Ева уселась на свое место. Она продолжала дрожать. – Я, конечно, не против быть твоим секретарем, но я считаю, что для меня это слишком неблагодарное дело, я достоин большего.

– Я о нем совсем забыла... – отрешенно произнесла Ева, не обратив внимания на попытку Марка пошутить, и крикнула через весь кабинет старосте. – Татьяна, я тебе завтра

¹² Blondie – Блондиночка (англ.)

деньги принесу.

– Ладно, только не забудь, – отвлеченно ответила та.

Марк наблюдал за встревоженной девушкой. Она трясущимися руками доставала учебники из сумки. Сегодня у нее был более спокойный, умеренный макияж, не такой яркий, какой бывает обычно. Но из-за моросившего дождика он слегка размылся в уголках глаз.

– Что за сирены? – поинтересовался парень, стараясь поймать перепуганный взгляд собеседницы.

– Откуда ты...? – начала было удивляться девушка. – Впрочем, неважно, – устало вздохнула она.

– Ты что-то увидела? – настойчиво предположил Марк.

– Около моего подъезда нашли мертвую падшую, – горько ответила Ева. – Я, конечно, наслышана, что наш район не самый благополучный, но никогда бы не подумала, что столкнусь с этим лично.

– Кто такие падшие?

– Булгаков так называл куртизанок, иными словами проституток, – пояснила девушка.

– Проститутка? – переспросил юноша.

– Ну, да, обычная, совсем мертвая, подъездная путана, – кивнула одноклассница. – Если честно, не хочу об этом говорить.

В дальнейшем Ева не распространялась насчет увиденного утром. Она пыталась сосредоточиться в написании пробника, но ей до сих пор было не по себе.

После прослушивания текста для изложения, оставшиеся четыре урока прошли в идеальной тишине. С полной уверенностью в том, что отписавшихся учеников отпустят домой после тестирования, они уходили в раздевалку; возле выхода их встречал охранник дядя Ваня, который сообщал, что директор издала приказ о том, что после пробников не отпускают, как то было раньше.

По расписанию следующим уроком должно было быть ОБЖ, но учитель сжалился над измученным классом и разрешил ничего не делать. Кира и Ева закончили одновременно. Они вместе спускались на первый этаж, в кабинет 114.

– Seriously? Мертвая проститутка? – поразившись, переспросила Кира. Подруга активно закивала, почувствовав, как к горлу подступал ком. Вспоминая, где находился труп, девушка невольно поежилась – она вновь услышала тот резкий аромат свежей крови, смешанный с нервировавшим ноздри запахом адреналина. Это было и ужасно, и очаровательно – все в одном флаконе. Она не могла точно передать все свои ощущения словами, ведь единственная ее цель – забыть об этом утре.

– Абсолютно! Совсем мертвая, – позже Романова решила рассказать о том, о чем она не стала говорить Марку. – Знаешь, это, наверное, очень странно... Нет, это определенно странно! Не пойми меня превратно – я где-то уже видела эту девушку, ее лицо мне было поразительно знакомо.

Кира усмехнулась.

– Что?

– Я просто представила, что Марк бы сказал на эту фразу, – Ева вопросительно посмотрела на подругу. – Девачка, я смотреть, ты хорошо знать, где ффодятся шилюхи.

– Конечно, он противный, но не настолько же! Хотя...

Точно в тот миг мимо них проходил Марк, в своих любимых наушниках-чебурашках, которые вручную были выкрашены в черный цвет, а поверх колпаков были нарисованы красные кресты. Парень не слышал разговора девчонок, хотя нутром ощутил, что говорили о нем. На какое-то мгновение ему захотелось подслушать их, он даже потянулся к наушнику, но остановился, припомнив меткое выражение: «Меньше знаешь – крепче спишь».

Однако Ева больше никому не говорила об утреннем инциденте, даже Владу. После школы она хотела рассказать обо всем родителям, впрочем, впоследствии делать этого не стала, представив их реакцию на то, что их чадо могло увидеть такой ужас практически на пороге дома. Впрочем, ее отец и так работал в милиции, лучше ей сделать вид, что она ничего не видела и не знала о произошедшем убийстве. Кроме того, на ее нервы теперь сильно воздействовало ожидание результатов пробника.

В 114 кабинете было очень холодно. Вновь прибывшие поспешили закрыть все окна и занять наиболее удобное место. Третья парта среднего ряда приглянулась Кире и Еве. Марк огорченно вздохнул и сел перед подругами, достав тет-

радь из сумки. Тонюсенькая зеленая тетрадка, самая обычная, в клеточку, только на обложке черной ручкой что-то было изображено. Спросите, имеет ли это какое-то значение? Определенно имеет, о чем я расскажу позднее.

На уроке не было ничего интересного. Кира все время о чем-то рассказывала – то о своей любимой группе МетафетоМиР, более известная как ММР, то об очередной своей влюбленности, но Ева толком не слушала ее, уплывая в какие-то свои мысли.

Далее по расписанию была геометрия в 106 кабинете.

Ева по-быстрому занесла туда свою и Кирину сумки и пошла в столовую, где на переменах всегда можно было найти полкласса.

Кира все еще стояла в очереди, в то время как Ева заметила одиноко сидевшего за столом Марка. Ссутулившись, он вяло ковырял содержимое тарелки (честно говоря, не знаю, что это было, но боюсь, оно когда-то было живым, но позже перемолотым). Девушка, радостно улыбнувшись, села напротив него. Зильберштейн медленно поднял на нее взгляд и вскинул бровь.

– Приятного аппетита, – пожелала Ева.

– Ммм... Спасибо, – неуверенно поблагодарил он. Должно быть, хотел сказать «danke».

– Битте, – улыбнувшись, произнесла девушка с чистым русским говором.

Подумав немного, Марк весь сморщился, и его передер-

нуло.

– Прошу, не надо, – жалобно вымолвил он и, взяв тарелку, покинул стол.

Садившаяся рядом Кира усмехнулась и поставила поднос с едой перед собой.

– Марк какой-то странный, – немного обиженно пробубнила Ева. Она переживала, когда на ее дружелюбность отвечали с пренебрежением.

– Он немец, чего ты хотела?

– По-твоему, все немцы странные? – усмехнулась Романова. – Тогда они чем-то похожи на китайцев.

– Эй, я все слышал, – хмыкнул Марк, отнесший тарелку в мойку и проходивший к выходу.

– Если бы все немцы были такими, думаю, в Германию никто бы не ездил.

Итак, а теперь вернемся к тому, с чего мы начинали главу. Прогресс – дело странное, особенно в школе Зверя. На следующий день девятый «А» класс на первом уроке вновь собрался в кабинете русского языка и литературы. Ева сидела и заполняла дневник. За пять минут до звонка в класс ворвался Марк. Он громко хлопнул за собой дверь, и вместе с ветром по помещению пронесся запах шипрового одеколona одноклассника. Еве он понравился.

– Я смотрю, ты сегодня рано, – прокомментировала появление немца Ева. – Я боялась, что ты не придешь вовсе.

– Эмм... – растерявшись, промычал Марк.

На белом листе, который Ева взяла в руки, большими печатными буквами было написано «Сарказм».

– О, verstehen. Великолепная идея.

Приближался конец октября, по школе прошел слухок, что новое руководство планировало устроить Хэллоуин. С костюмами, как у американских школьников. Несмотря на это, у Евы, любительницы триллеров, было иное представление о том, как она проведет этот день после занятий. В среду она с радостью засела бы дома вместе с обожаемыми фильмами ужасов, приготовив попкорна или, что еще лучше, заказав пиццу. Это придало бы ей силы для того, чтобы пережить последнюю сложную неделю перед каникулами. Тогда ей казалось, что эти всего лишь пять рабочих дней для нее будут хуже зомби-апокалипсиса, а просмотр фильмов на Хэллоуин будет чем-то вроде спасительной соломинки. Но, так или иначе, ей нравилось ощущение приближения заслуженного отдыха.

Саванова весь день была подавленная. Вероятно, на нее повлияло известие о том, что вокалистка ее любимой группы была найдена убитой. Тогда Еве не придавала этому значения, что сделала напрасно.

– Я кушать хочу, – пожаловалась Кира перед началом урока.

– Ты хоть когда-нибудь не хочешь есть? – засмеялась Ева.

– Да. Когда я хочу спать, – невозмутимо ответила Саванова. – Правда, во время учебного года эти два понятия стано-

вятся едиными, – опечаленно вздохнула красноволосая.

Марк недовольно закатил глаза, что-то процедив на немецком. Парня всегда раздражали бессмысленные разговоры, несмотря на то, что он был любителем поговорить.

– Что на этот раз не так? – вежливо поинтересовалась соседка по парте, которая постепенно привыкала к заскокам одноклассника.

– «Кушать» применимо только к женщинам и детям, – с умным выражением лица разъяснил Зильберштейн.

– Откуда тебе знать, немец окаянный? – усмехнулась Кира, веселившаяся почти с любой реплики одноклассника. – Погоди, на что это ты намекаешь?

– Не вмешивай сюда религию, – буркнул Марк. – И для справки, я гностик, а не католик.

– Верить или нет, но мне как-то пофиг, – равнодушно сказала Кира и перевела взгляд на Еву. – Ладно, я умываю руки, – сообщила Саванова и метнулась на свое место.

Звонок на урок оказался настолько неожиданным, что Марк, вздрогнув, подпрыгнул на месте. «Псих-одиночка», – ухмыльнулась Ева и упорядочила вещи на парте. Вскоре в кабинет зашла Анна Александровна, все ученики практически одновременно встали, лишь Марк остался верен своему стулу. Учительница с укоризной посмотрела на девятиклассника и спросила:

– Твоя задница слишком тяжелая для того, чтобы подняться, Марк? – по фамилии ученика она не называла, веро-

ятно, из-за того, что ее было слишком долго произносить и проще обратиться по имени.

Парень недовольно фыркнул и медленно поднялся. Затем всему классу позволили сесть. Влада в школе не было, поэтому к Кире подсел Егор, который, стоило ему встретиться взглядом с Марком, зловеще улыбнулся и махнул тому украдкой рукой. У них не наладились отношения после первого сентября. Между мальчишками шла тихая война, тогда о ней еще никто даже не догадывался.

– Итак, у меня несколько объявлений, – учительница подошла к своему рабочему столу и взяла листок А4 в файлике. – Во-первых, ваши оценки за пробный ГИА по русскому языку. Напоминаю, что те, кто получили оценку ниже тройки, могут позабыть о поездке на каникулах.

– Написали как, хорошо или совсем плохо? – подала голос Сурикова, когда все напряженно замолчали.

– Я ожидала, что будет лучше, особенно после того, как мы на предыдущем уроке подробно разобрали часть С. Но, в целом, неплохо. Некоторые меня даже порадовали.

Марк угрюмо посмотрел по сторонам, надеясь, что не единственный завалил пробник. Ему никак не хотелось оказаться самым «слабым» в «сильном» классе. Огласили его результат:

– Зильберштейн. 28 баллов. Четыре.

От удивления парень даже открыл рот. Так четко пройти. Он был в шоке. Значит, вероятно, еще не все потеряно с по-

ездкой. Ева также не могла поверить своим ушам – человек, который выражается так неправильно, как Марк, не мог поучить четыре. Девушка призадумалась.

– Романова. 41 балл. Пять.

– Маэстро, – шепнул парень девушке.

– О, зэр щён, – ехидно улыбнулась Ева. Насколько она помнила, то Кира говорила, что по-немецки это упрощенный вариант благодарности.

В конечном счете, сдали двадцать пять человек из двадцати девяти. Намного лучше, чем на прошлом пробнике по математике.

Следующим объявлением стало то, что в среду проводится вечеринка Хэллоуин, против которой была настроена Галина Николаевна, истинно верующая православная женщина. Дресс-код – тематические костюмы, вход для ребят старше восьмого класса. Такие условия устраивали всех посетителей данного мероприятия. Прогресс – дело странное (неожиданное), но в школе Зверя, где уже сформировались свои традиции и обычаи, с каждым разом он был все страньше и страньше.

Желавшие отправиться в поездку должны были остаться после урока и написать заявление на имя директора, мол, они подтвердили свои знания на последнем пробнике, и на каникулах их ничто не будет держать в школе; у неудачников каникул не было в силу того, что им предстояло вновь писать тестирование по русскому языку. Вызвалось десять человек,

на двоих меньше, чем предполагалось. В списке желавших оказались Ева, Марк и Кира. Егор бы сам с радостью отправился в другой город, но он не прошел по баллам, да никто из учителей и не взял бы за него ответственность. Помимо Егора еще хотел ехать Влад, по баллам он проходил – у него была твердая четверка, но он не пришел даже на подачу заявления... Романову это несколько озадачило, но в тот момент она не придавала этому значения.

Кроме класса «А» в поездку также собирались ребята из параллельного, но на их счет еще ничего не было известно.

– Леш, чего ты толкаешься? – возмутилась Кира, когда ее брат-близнец, старше ее на двадцать минут, пихнул ее.

Ребята писали заявления, и, когда Ева сдала свое, Анна Александровна попросила ее и Киру задержаться. Некоторые одноклассники покинули кабинет, но остались Марк, переписывавший свое заявления набело, и Леша, собиравший вещи в сумку. Саванов был, как считали в классе, самым лучшим знатоком физики. Они с сестрой до мозга костей были технарями, но друг с другом никогда не ладили. Общим у них были мама, жилплощадь, фамильная схожесть. У обоих яркие голубые глаза; только если у Киры они были более синими, то у брата более серыми.

– Кира, Ева, вы в курсе, что завтра Хэллоуин? – начала учительница. Девчонки одновременно кивнули и переглянулись. – И кто-нибудь из вас собирается туда идти? – подруги отрицательно покачали головами. – А надо, поскольку будет

проводиться конкурс костюмов и...

– Я знаю, что пойдут Таня, Лена, Сусанна, а, значит, Лиза... – задумчиво перечисляла Ева, прервав учительницу. – Простите.

– ...и конкурс на самую красивую пару. Завуч по воспитательной работе утром отловила меня и сказала...

– Та, что белобрысенькая? – уточнила Кира, теребя прядь своих волос. – Извините.

– Да, именно она. Так вот, от каждого класса должно быть представлено по паре...

– То есть вы хотите, чтобы мы были парой на этом шабаше? – поинтересовалась Кира и взяла Еву под локоть. – Дык мы ток с радостью!

– Конечно, Кирюш, – усмехнулась Ева, закатив глаза.

– Кирюш? – потрясенно переспросила Саванова. – Мда... Но я в любом случае завтра не смогу. Утром мне надо будет готовиться к соревнованию, а в пять уже само выступление.

– Тогда поговоришь с Лешкой, чтобы он составил пару Еве? – спросила учительница.

– Не пойду я на танцы, – сказал тот, пройдя между девочками к учительскому столу и оставив на нем свой подписанный листок. Затем Саванов покинул кабинет.

– Я с ним поговорю, – решительно сообщила Кира и ринулась за братцем. – Леша, стоять!

«Прощай мой замечательный киномарафон», – с печалью подумала девушка и обреченно посмотрела на рассуждав-

шую Анну Александровну. С Лешей ей никак не улыбалось быть парой, может, на примете был кто-нибудь еще?

– Точно! – радостно воскликнула Романова. – А что насчет Влада?

– Влада? Так он еще больнице, – сказала учительница. Ева этого никак не ожидала и расстроилась еще больше. Теперь ей надо было непременно узнать о том, что случилось с ее приятелем, а то выходило некрасиво, что она ничего не знала, несмотря на то, что они дружили. – Ева, что в этом сложного? Отбудете номер, потом оценку вам поставлю либо на русский, либо на литературу.

– Просто Леша все равно не согласится, – пожала плечами та, опустив взгляд.

– А за пятеру я бы порвал этот маскарад, – заявил Зильберштейн, все это время сидевший в классе. Романова о нем совсем забыла. Парень подошел к столу и оставил заявление, выведенное тем же самым аккуратным почерком. У Евы от него зарябило в глазах. – Помните, если все настолько плохо, всегда можно попросить того, кто рядышком. Иначе на что язык?

– В любом случае все плохо, – устало прошептала девушка.

Таким образом, Марк стал запасным вариантом, если у Киры не получится уговорить Лешу. Объясню, почему такая глупая ситуация в классе. Большинство мальчишек хорошо общались с Егором, поэтому с ними ни о чем нель-

зя было договориться. Также были и вменяемые ребята, но с ними разговор всегда складывался сложно. На них было невозможно положиться. Разумеется, был бы Влад в школе, его бы моментально привязали к Романовой, но поскольку тот в больнице – последней надеждой стал Леша, причем исключительно из-за того, что Кира имела на него влияние.

Правда, Саванова сразу прекратила все разговоры с братом, стоило ей узнать, что в пару Еве сунули Марка, который в итоге стал полноценным партнером.

На следующий день, тридцать первого октября, в школе было необъяснимо тихо. Не было ни Киры, ни Суриковой, ни Егора... Ладно, насчет Суриковой все было понятно – Таня рассказывала, что та готовилась к Хэллоуину (хотя лично я считаю, что ей даже костюм не нужен, чтобы занять первое место). Ева Романова была расстроена известием, что ее друг, Влад Берднев, попал в больницу с аппендицитом, и выпишут его только дней через пять. Ученица планировала в пятницу после уроков навестить приятеля, но пока она была понурой и ходила по школе неприкаянной до тех пор, как не столкнулась с Таней, и не разговорилась с той о мальчике-десятикласснике, который нравился старосте и прочим девчонкам в школе. На школьном мероприятии он должен был стать ведущим.

Марка и Еву отпустили после пятого урока во время большой перемены. Не то чтобы подразумевалось, что благодаря этому у них будет больше времени подготовиться, просто из-

за того, что раньше никто этого не мог сделать – контрольная по алгебре, лабораторная по биологии, чтение докладов по географии и разбор какого-то произведения на литературе. Ах, ну да, была еще физкультура.

– Ты не представляешь, насколько я устала от Марка, – раздраженно выдохнув, произнесла Ева. Переодевая балетки на сапоги, она глянула на одноклассника, ждавшего ее около выхода и крутившего в руках пачку сигарет. Директор, немного задрав голову, с осуждением смотрела на него. У нее были волосы цвета спелого баклажана, представляете?

– Брось, это всего лишь дискотека, – отмахнувшись, сладковато мяукнула Таня. Так уж вышло, что после ненавязчивой беседы девчонки все время ходили вместе. – Вы же не одни будете.

– Да, но быть в паре с Марком мне как-то не хочется, – недовольно фыркнула Романова, наморщив носик.

– Это точно, – согласилась одноклассница и поправила края розовой майки.

Зильберштейн терпеливо дождался подругу по несчастью (но, по-моему, этот Хэллоуин был ему только в радость), и они вместе вышли из школы. Охранник сначала не хотел их пропускать, но Анна Александровна проконтролировала, чтобы их выпустили – она как раз стояла рядом с директором. Ребята поспешили покинуть территорию школы настолько быстро, насколько могли. Марк, как обычно, провожал Еву до дома, но, если прежде он молчал по дороге

из школы, то сейчас у него началась, скажем так, словесная диарея. Юноша предлагал всевозможные варианты образов, которые легко создать за короткий срок; рассказывал, что хорошо разбирается в мэйк-апе и может помочь, но девушка усомнилась в его способностях и мысленно посмеялась, при этом Марк активно жестикулировал, объясняя, как может выглядеть наряд или как лучше всего порвать колготки и прочую одежду.

– Создай рецептурную книгу, думаю, у тебя это изумительно получится, – умиленно усмехнувшись, предложила Романова. По необъяснимым причинам ее радовал говор одноклассника. Ева остановилась перед своим подъездом. Могу поспорить, ее бы провожали до квартиры, если бы она не попрощалась, обрывая человека на полуслове.

– Ага, и о чем я там буду писать? – удивился Зильберштейн. – Как при помощи грима имитировать шрам от ожога или то, как правильно запечь ногу, сохранив витамины?

Положив свою сумку к себе на колено, девушка встала на одну ногу и что-то начала искать, после чего она достала смятую табличку «Сарказм».

– Если всерьез решишь, то начинай хотя бы с этого, – ухмыльнулась она и протянула листок однокласснику. – Не за что.

– Эмм... – растеряно промычал тот в ответ. – Но я серьезно хорошо разбираюсь, как мазать грим, а уж тем более макияж... Как бы странно это не звучало.

– Марк, – измученно улыбнувшись, начала Ева, – слушай, я, конечно, очень ценю твой энтузиазм, – лукаво произнесла она, незаметно отступая к подъездной двери, – но мне это неинтересно. Нет, я правда очень рада, что ты во всем этом так хорошо разбираешься, дерзай! Но маскарады и костюмы, наверное, совсем не мое, – а вот это уже было абсолютно искренне.

– Но я действительно хочу помочь тебе собрать костюм, – настаивал Марк. – Я сам не любитель Хэллоуина, но, тем не менее, готов к нему.

– Ну, если ты так хочешь... – заметно смягчилась Романа. – Заходи ближе к трем, квартира 124, позвонишь по домофону, – девушка направилась к подъездной двери и, открыв ее магнитным ключом, посмотрела на Марка, оставшегося выдержано дожидаться ее ухода. – Поднимайся на седьмой этаж.

С этими словами Ева зашла внутрь, с легкостью поднявшись по ступенькам к лифту. Дома было принято, что проверять почту – ее обязанность, чему она следовала каждый день. Открыв почтовый ящик, девушка собрала все, что там было: реклама, письмо от дальних родственников, счет за электричество. Выбрасывая бесполезную макулатуру, в конце небольшой стопки девушка заметила странный клочок бумаги, затесавшийся в рекламу. Развернув его, она увидела нечто вроде послания, выведенного до безобразия аккуратным почерком:

«Следующего раза не бойся. Это еще не конец. Мы с тобой еще увидимся, а пока я за тобой присмотрю. Р. S. Т. П.»

Постскрипtum вызвал у Евы улыбку, поскольку она когда-то слышала от одноклассников, как расшифровывается «ТП», но так как это нарушает все рамки цензуры, я умолчу об этом (кто-то мог знать, кто впервые слышал – Интернет в помощь). Единственным, что тогда напрягло девушку, был резкий аромат, которым исходило письмо. Запах металла, скотобойни... И точно в ту же секунду Ева вспомнила, где она прежде слышала этот запах. Убийство той девушки.

Романова торопливо выбросила послание к остальной макулатуре и, забрав письмо с уведомлением, поспешила к лифту. По пути к квартире Ева прокручивала в голове недавние события: «Наверное, Кира решила подшутить. Как раз я только ей все рассказала об убийстве, значит, да, точно, это она! Ее же сегодня и в школе не было, она могла спокойно подложить записку. Где она научилась так мастерски менять свой почерк? Ладно, я ей это припомню... Интересно, а что там с Владом? Как его самочувствие? Приду домой – непременно ему позвоню!»

Таинственная записка мгновенно исчезла в потоке мыслей, связанных с Бердневым. Ей очень хотелось позвонить Владу, услышать его голос, но она боялась, что таким образом лишь потревожит его. Закрыв за собой входную дверь, Ева поспешила скинуть с ног узкие сапоги и неудобную курт-

ку, отправившись в свою комнату переодеться в домашнюю одежду. Она собрала волосы в хвост и поставила на плиту разогреваться вчерашний суп. Теребя в руках сотовый, девушка время от времени смотрела то на часы, то на экран беззвучного телевизора, где в сотый раз шла реклама всем надоевшего «Дома-2».

Терпение Евы было на исходе – она больше не могла сидеть сложа руки. Налив в тарелку суп, девушка не могла собраться с мыслями, чтобы сесть и спокойно поесть. Какие-то невнятные образы постоянно крутились в голове. Прошло чуть меньше часа, и Ева успела переделать все заданные на четверг уроки, позже она стала мерить шагами диагональ кухни. Ее ничто не могло успокоить – ни нежные бежевые тона, в каких был оформлен квартирный общепит, ни время, постепенно приближавшееся к трем. Закусив губу, она нерешительно набрала номер Влада, выученный ранее наизусть, и, прислонив телефон к уху (она еще долго не могла решить, к какому), считала гудки. Первый... второй... третий...

«Из-за того, что с Владом что-то не так, я не могу спокойно поесть!» – взволнованно подумала Романова, поражаясь, что прежде никогда не волновалась из-за человек, который был ей симпатичен. Ранее она не задумывалась о том, что может настолько увлечься каким-то парнем.

На четвертом гудке запиликал домофон. От неожиданности Ева едва удержала телефон в руках, вовремя подхватив его в воздухе, но, так и не дождавшись ответа, сбросила вы-

зов и поспешила к домофону. Сняв трубку, девушка прислушалась.

– Ты не поверишь! Я заранее подготовил весь грим, решил не брать с собой ничего лишнего. Тебе прихватил белила, а себе взял краски для бодиарта. Для лица они тоже годны. Правда, я взял с собой те, что на спиртовой основе – они держатся дольше, чем те, что на водной, – воодушевленно тараторил Марк, которого было легко узнать по голосу.

– погоди, давай ты мне все лично расскажешь. Ради этого я тебя встречу, – улыбнувшись, Ева потянулась за курткой. – Подожди пять минут, скоро спущусь. Только прошу, не садись на скамейку, хорошо?

– А что с ней такого? – в его вопросе прозвучало недоумение.

– Главное не садись, я потом тебе все объясню.

– Scheisse¹³! Ну, ладно, – недовольно пробурчал парень, и девушка, схватив с зеркального столика ключи, в тапках выскочила из квартиры, закрыв ее только на один замок. В подобные моменты, когда сломя голову нужно было куда-нибудь бежать, она частенько забывала переодеть обувь.

Спуститься не было проблемой, но каждый раз открывать подъездную дверь становилось непростой задачей – то заклинит, то примерзнет, то вообще сломается. Уперевшись плечом в металл, Романова толкнула его вперед и чуть ли не вывалилась на улицу, вовремя ухватившись за ручку. На

¹³ Scheisse – дерьмо (нем.)

улице похолодало, смеркалось. Малолюдно. Отличное начало для Хэллоуина, впрочем, для встречи с Зильберштейном тоже в самый раз.

Марк проигнорировал просьбу одноклассницы и уселся на середину бледно-зеленой скамейки, поставив рядом громоздкий чемодан, какой обычно бывал у стилистов в салонах красоты. Также у его ног стояло два черных пакета. Переминаясь с ноги на ногу под козырьком, Ева вопросительно посмотрела на Зильберштейна, в ожидании того, что он что-то скажет. Любитель маскарадов настолько увлекся какой-то игрушкой на телефоне, что не замечал того, как его пробуривали суровым взглядом. Простояв так с минуту, Ева подлетела к Марку и резко схватила пакеты, стоявшие на земле. Не ожидав такого, парень испугано сдернул наушники через капюшон. Те упали ему на колени. Дерни он чуть сильнее за провод – все, капут раритету. Черт знает, как ему это удалось, но он остановил девушку, когда та заходила в подъезд:

– Прости, Ива. Из-за музыки я тебя не заметил, – взяв девушку за плечо, он развернул ее к себе.

– Ты не только меня не заметил, – раздраженно начала Ева, – но и проигнорировал мою просьбу!

Марк подскочил за своим чемоданом и, взяв его, подбежал обратно.

– Ладно, пошли, – обессиленно произнесла Романова, скрываясь внутри подъезда.

– Хорошо... Так почему ты просила не садиться там? –

почувствовав свою вину, Марк немного присмирел и понизил голос.

Зайдя в лифт, Ева немного помедлила, прежде чем назвать истинную причину непонятного немцу запрета:

– Позавчера именно на этой скамейке нашли убитую девушку, – зловеще прошептала Романова ему прямо на ухо. – Тебе понравилось там? Если хочешь, можем вернуться и поискать какие-нибудь следы ее пребывания здесь или какой-нибудь фрагмент ее трупа...

Слова, казалось, произвели превосходный эффект – особенно при помощи тона, благодаря которому в фильме ужасов могли на персонажа нагнать страх. Так и в этот раз: ощутив свой триумф и заткнув Марка на какое-то время, Ева, улыбаясь, развернулась к дверям лифта и считала секунды до их открытия. Выйдя из кабины, она потянулась в карман куртки за ключами, но через мгновение она заметила, что Марка не было рядом. Она заглянула в лифт и обнаружила его в состоянии глубокого транса.

– Марк, что с тобой? – озадачилась «шутница», которая никак не могла представить, что небольшое преувеличение произведет на кого-то настолько сильный эффект. Уж точно этим человеком не должен был оказаться Зильберштейн.

– Я сидел там, где лежала покойница, – отрешенно ответил тот, переведя затуманенный взгляд на Еву.

– У тебя некрофобия? – помимо прекрасного знания биографий многих серийных убийц, девятиклассница была ве-

ликолепно осведомлена насчет всевозможных фобий. – Или верминофобия?

– Верми... что?

– Боязнь инфекций, болезней, ну, и так далее, – потянув юноше руку, отмахнулась она. – Пошли, трусишка.

Дома было тепло, можно было отогреться. Только пол был, как всегда, холодным, и, пройдя в прихожую, Ева поставила пакеты и метнулась к шкафу за тапками для гостя. Привычка, не более. Все еще пребывая в шоке, Марк застыл на пороге и крутил головой. После он робко шагнул на коврик, прикрыл за собой дверь, и, сообразив, как работает замок, закрыл ее. Изумленно осматривая помещение, Марк заметил зеркало и самодовольно кивнул, увидев собственное отражение. Определенно, он считал себя великолепным. Страх или нечто иное постепенно отступали, но все равно что-то продолжало тревожить. Поставив чемодан на пол, парень завозился с молниями сапог, которые давно требовали смазки.

Пока одноклассник осваивался, Ева поставила кипятиться на плиту большой пузатый чайник и, задумчиво посмотрев на нетронутую пиалу супа, переставила ее ближе к раковине. Поздновато она вспомнила о трапезе, а при госте было бы слишком неловко обедать. Так уж сложилось, что девушке было неловко есть при других людях – ей сразу начинало казаться, что вторгаются в ее личное пространство.

– Чай, кофе? – с кухни спросила Ева, когда Марк медленно расстегивал пуговицы пальто. – Тебе с сахаром, или руки

с мылом помоешь?

– Я пью только кофе. Обожаю только кофе, – развязывая черно-белый шарф в клеточку, сообщил о своем припадке Зильберштейн, внимательно радуясь своему отражению. – Сахара... Наверное, лучше одну ложку, хотя я пью с сукразитом.

«Диабетик?» – подумала девушка, когда искала на полках кухонного шкафа упаковку с заменителем. Спросить прямо она не решалась, поэтому оставила это на потом. В конце концов, ей же с ним не детей заводить, так что какая к черту разница? Встав на носочки, Ева достала с верхней полки посудного шкафчика две кружки. Скоро должен был засветить чайник.

– Ты видела ту дохлятину прямо там? Когда ее нашли на скамейке? – не успокаивался школьник, аккуратно обойдя тапки и застыв в проеме, уставившись карими глазами на очевидца. – Как это было?

– Потрясающе, – невесело усмехнулась Ева, накладывая себе сахар в чашку с фотографией «Зачарованных». Точно две ложки.

– Черт, не стоило мне садиться, – ошеломленно произнес парень. – Гадость, – его передернуло.

Удивленно вскинув бровь, Романова повернулась к Марку и с насмешкой сказала:

– Никогда бы не подумала, что ты настолько брезглив. Да ладно тебе, расслабься, – она дружелюбно улыбнулась. – Ко-

нечно, пока туда никто не садится, но вскоре все об этом забудут.

– Забудут. И что? Я-то не забуду, – немец скрестил руки на груди и усмехнулся. – Мы с мамой как раз сегодня обсуждали это, когда я помогал донести ей сумки из магазина, – невозмутимо сказал Марк, но потом смутился, поскольку вспомнил о том, что прежде никогда не вдавался в подробности жизни вне школы. Он ненавидел рассказывать о себе, во всяком случае, правду. – Да еще и промерз к чертям собачьим, – отвлеченно добавил он, переводя тему.

То, что Марк помогал своей матери, Ева отметила где-то в своих мыслях – немногие дети ныне это делают. Для подростков становилось чем-то удивительным даже нормально поговорить со своими родителями, не то, что просто проявить внимание. Марк ей в этом плане почему-то импонировал. В глазах Евы он выглядел загадочной персоной, о которой толком никто ничего не знал.

– Суп? – пройдя на кухню, Зильберштейн выглядел почему-то шокированным. – Как можно есть этот шлак?

– Ах, ну да... Ты ведь немец, так? – поставив сахар обратно на полку, улыбнувшись, уточнила девушка. Парень недоуменно кивнул, хотя точно помнил, что не раз об этом упоминал. Может, у нее действительно память как у золотой рыбки? – Ну, я забыла просто, вы же немцы, любите жареная сосиска, квашеная капуста и музыкальный горох, – потянувшись за баночкой сахарозаменителя, усмехнулась девушка.

– То, что я немец, ни о чем не говорит, – сварливо заметил он. – Тогда ты, если русская, то должна торчать от борща, черной икры и водки. Где медведь с балалайкой и ушанкой?

– Маркуш, – приторно ласковым голоском пролепетала Романова, – во-первых, борщ – блюдо украинской кухни, никак не русской. Нашим принято считать уху. Во-вторых, черная икра не в тренде, в-третьих, водку было принято пить только зимой, чтобы не замерзнуть.

– А как же греться у атомного реактора? – присев на стул, Марк скрестил руки на груди и закинул ногу на ногу.

– Да иди ты! – хихикнула девушка и убрала со столешницы ненужные вещи обратно.

Внезапно она неловко задела контейнер с лекарствами, и тот повалился вниз. Моментально среагировав, Марк рванул за падавшей аптечкой и буквально в миллиметре от пола успел ее подхватить.

Выпив чай и кофе, ребята начали собираться на школьное торжество, назначенное на пять часов вечера. Поскольку кухня оказалась наиболее освещенной комнатой, то было решено начать подготовку именно там. Загадочный чемодан стилиста был поставлен на стол, после чего Марк, достав из кармана свободной полосатой толстовки ключ, отпер замки и открыл его. Содержимое было разделено ровно на две части: справа хранилась обычная косметика, а слева средства для создания театрального грима.

Образ Евы – девушка легкого поведения с перерезанным

горлом. Изначально ей не хотелось примерять ампула жертвы; она пыталась это объяснить, стараясь как можно меньше вдаваться в подробности. Но мы – то с вами знаем, что дело было в том убийстве.

– Мне кажется, что люди посчитают, что это – моя скрытая натура, – оправдываясь перед одноклассником, всплеснула руками та. – Может, лучше что-то более нежное? Не хочу, чтобы кто-то подумал, что я распутница, тем более, мертвая.

– Ты не хочешь, чтобы люди посчитали тебя изображающей жертву недавнего преступления? – Марк достал какие-то тюбики из чемодана. Похоже, что-то типа белил. Ева удивленно посмотрела на немца – неужели он настолько точно уловил ее мысль? Впрочем, юноша не обратил внимания на взгляд одноклассницы и продолжил заниматься своим делом: – Мертвая шлюха – самое простое, что я смогу сделать менее чем за полчаса.

– Да, но... что, если тот, кто убил ту проститутку, то убил из-за того, что она падшая? – в ее слова проник страх, цеплявший Романову на протяжении нескольких дней. Всякий раз, выходя из дома, она следила за тем, чтобы не выглядеть вызывающе.

– Не сцы, Маруся, – похлопав Еву по плечу, ухмыльнулся Зильберштейн. – Я Дубровский.

– Ты умеешь читать? – с притворным восторгом спросила девушка. – Серьезно? Надо отпраздновать!

– Я говорю это все к тому, что у нас не Штаты, где в Хэл-

лоуин происходят массовые убийства, вернее, я думаю, что там так... да и ты же не одна будешь, а со мной, – устало выдохнув, Марк поставил один из пакетов на стул, после чего достал оттуда топор и замахнулся. – На самом деле, я хотел взять битую, но мне показалось, что топор в России будет как-то каноничней, – тогда Ева задалась вопросом – зачем Марку бита? Он даже не был похож на бейсболиста.

Образ Марка – убийца с топором, чье лицо разрисовано «под череп». Белилагодились не только девушке, но и ему самому. При нанесении макияжа Марк выглядел крайне неуверенно – казалось, что он боялся прикоснуться к девушке. Его руки дрожали, он то и дело осматривал получившийся результат, опасаясь, что мог совершить ошибку. Еве даже показалось, что она услышала, как быстро билось сердце Марка. «Наверное, переживает за результат», – оправдала знакомого Ева.

Когда с гримом Евы было покончено, Марк приступил к своему. Напарнице он не позволял вмешиваться в процесс, объясняя тем, что она может все испортить. Единственное, в чем пригодилась ее помощь, так это нарисовать небрежный контур глаз. Именно небрежный, как подчеркнул юноша, поскольку Ева точно не сумеет нарисовать четкий контур глазниц. По сути, это могло бы ее обидеть, но она была благодарна однокласснику за воодушевлявшие речи... и топор, который он собрался волочить прямо по улице.

С помощью ножниц черные капроновые колготки были

порваны уже на ногах девушки, которая чуть ли не пищала от того, как Марк ими управлялся (в одной руке он держал сами ножницы, в другой открытый прозрачный лак для ногтей на тот случай, если что-то будет нужно подклеить). Создать наряд Евы оказалось не так просто, как представлялось ранее. Марку было проще – переделался в рубище, и все, готово.

Если брать во внимание, что для России Хэллоуин не является праздником широких масс, то представьте, какова была реакция прохожих на учеников из школы Зверя, шедших на местный карнавал. Скажем так, большая часть школьников направлялась к учебному заведению в добровольно-принудительном порядке, как любила говорить Анна Александровна. Сейчас такими фальшивыми праздниками толком никого не заинтересуешь, поэтому учителям пришлось пойти на хитрость, чтобы привлечь подопечных к внеклассной деятельности. Положительная оценка, которую классные руководители ставили по преподаваемым ими предметам, служила необходимой мотивацией (очень жалко тех, у кого классный руководитель – физрук; получить пятерку на физкультуре – левое дело). Естественно, подобная схема использовалась не первый раз и не первый год. Сколько же приходится тратить сил, чтобы соответствовать требованиям прихотливого директора!

Ведущим вечера единогласно был выбран ученик десятого класса Юра Айерченко (ударение на предпоследний слог),

который на тот момент являлся президентом школы. Абсолютно бесполезная должность, кстати. Ни почета, ни уважения, ни работы. Что касается самого Айерченко, то он был ярким представителем молодежи – иссиня-черные волосы, разноцветные – если быть точнее, то зеленые и красные – линзы, и, плюс, он носил пирсинг нижней губы. Встречался с самыми привлекательными девушками школы, как, например, с одной француженкой, но это уже совсем другая история, о которой я расскажу позже. Юра был умным и осторожным человеком. Он относился к тому типу людей, которые никогда не пойдут в подвал под тревожную музыку.

Итого на мероприятии появилось примерно сорок персон. Для начала неплохо, не так ли? Многие даже постарались придумать себе образ.

Воодушевленный уличным вниманием Марк готовился к страстному приветствию от одношкольников, поскольку он, чего и следовало ожидать, единственный додумался прийти с реквизитом, но так уж вышло, что он моментально влился в толпу.

Перед началом конкурса на самую лучшую пару к ребятам подошел ведущий; на этот раз один его глаз благодаря склеральной линзе приобрел черный белок (чувствуете игру слов?) и кроваво-алую радужную оболочку. Также на его лице была белоснежная марлевая повязка.

– Гутен абенд, Зильберштейн, – с пренебрежением бросил Юра, после на пятках развернувшись к спутнице немца.

Кажется, он был бы не прочь за ней приударить. – Ты Ева Романова, верно?

Наслушавшись вдоволь о репутации ловеласа, Еве хотелось поговорить с Юрой, чтобы разобраться, какой он на самом деле человек. Она была моралисткой и многие свои действия совершала без задних мыслей, если вы понимаете, о чем я, впрочем, ей в глубине души все же было интересно, обратил бы десятиклассник на нее внимание как на девушку, но не успела Ева и пикнуть, как Марк опередил ее:

– Она самая, – хмуро поджав губы, подтвердил Марк. – Собственно, чего тебе надобно, Айерченко? – он сделал шаг вперед, и со стороны казалось, что таким образом он будто отгораживал Еву от неприятеля.

– Всего лишь хотел пожелать удачи, – привставая на носочки, Юра убрал руки за спину. – Впрочем, не думаю, что такому неудачнику как ты, она поможет, – добавил он и покинул их.

Дождавшись, когда Айерченко отойдет на расстояние, чтобы ему ничего не было слышно, Ева рывком развернула Марка к себе и со злостью посмотрела на него. По правде говоря, она не особо переживала из-за неудавшегося разговора и оскорбления немца, но для нее Марк не был тем человеком, с которым стоило прекращать конфликт в зародыше, поэтому Романова не собиралась себя никоим образом сдерживать:

– Что это сейчас было? – четко выговаривая каждый слог,

процедила она. Спорить девушка любила, чего уж скрывать, а покричать еще больше. Больше всего ее злили какого-либо рода ограничения, не имевшие за собой достойного основания. Рожица «мертвой шлюхи» была проработана идеально, на какое-то мгновение Марк даже испугался, но понял, что сделал качественную работу и был горд собой.

– Ты о чем, Ива? – искренне удивился Марк. – Если ты о нашей «дружеской» беседе...

– Ты мне не дал даже слова сказать! Может, я хотела с ним познакомиться? – продолжала на повышенных тонах девушка.

– Ты что, совсем сумасшедшая?! С ним же трахается все, что движется!

Разумеется, Романовой даром не был нужен ведущий, но ругаться с Марком ей пришлось по душе и невероятно понравилось. Сразу накатил прилив энергии, и эмоции переливались через край.

– Слушай, то ты под педрилку косишь со своим: «макияж – то, а грим – это», – девушка красноречиво жестикулировала, – то пытаешься изобразить из себя альфа-самца.

– Shut up¹⁴, молоденькая самка, – сначала Марк невольно улыбнулся, но затем посерьезнел. – Понимаешь, когда твоя мать работает гримером в театре, а потом стилистом в захудалом салоне, то сложно не знать элементарного! Если ты красишь хуже, то в этом совершенно нет моей вины, – па-

¹⁴ Shut up – заткнись (англ.)

рень опустил топор рукояткой вниз, прижал рукоять к своей ноге и сдернул капюшон. Прежде Ева не могла представить себе ссоры с Зильберштейном. Теперь ей стало немного не по себе, особенно учитывая тот факт, что, как-никак, но у него был с собой топор, а парень был очень зол. Хорошо, что он не подумал тоже самое, что и Ева, – может, проблема на самом деле в тебе?

– Так вот почему ты не захотел красить ногти черным лаком, – попыталась пошутить Ева, но попытка оказалась неудачной.

Эта был их самый первый серьезный конфликт. Таковых было немного, но, к сожалению, в будущем они были и не раз.

– Да пошла ты на хер, Ева! – отчаянно крикнул чуть ли не на весь зал Марк, и пришедшие посмотрели на ссорившихся подростков. Сделав несколько глубоких вдохов, он успокоился и продолжил: – Я уже давно пожалел, что перешел в ваш класс. Я рассчитывал, что хотя бы ты будешь вменяемой, менее стереотипной, но, увы, я ошибался. Auf Wiedersehen¹⁵, – махнув рукой, выдержано попрощался Зильберштейн и поспешил удалиться из зала.

Марк выскочил как ошпаренный из здания и уселся на крыльце школы. Ему было начхать на холод и то, что он может простудиться и заболеть – это последнее, о чем он мог подумать в те минуты. Его бесило все вокруг: люди, ме-

¹⁵ Auf Wiedersehen – до свидания (нем.)

сто, атмосфера – он всем сердцем ненавидел эту проклятую постановку, в которой ему приходилось играть роль. Машинально потянулся за пачкой сигарет, в которой лежала и красная зажигалка Cricket с колесиком.

Тем временем Ева увядала в одиночестве. Малышке лишь хотелось немного повздорить, но задевать чьи-либо чувства она точно не планировала. Правда, в ту секунду она по привычке думала лишь о себе – что же будет с конкурсом? Неужели придется срочно искать нового партнера или бежать просить прощения у немца?

– Вы поссорились? – к Еве подросла Таня, одетая в костюм волшебницы, но больше это смахивало на развратную ведьму. Сжечь бы ее на костре.

– Похоже на то, – в голове Романовой был полнейший ерлаш из-за его фразы о том, что он ее воспринимал совсем другим человеком. – Что делать?

– Из-за чего хотя бы? – вмешалась в разговор Сурикова. Без понятия, какой у нее был наряд... пусть Винни Пух.

– Да из-за ерунды, на самом деле... Случайно задела тему его перехода и матери. Похоже, он не любит о ней говорить.

– Кажется, Марк и живет-то только с матерью, – шепча друг другу, сплетничали Сурикова и Таня. – Отец либо умер, либо в тюрьме... В общем, нет у него отца.

И внутри Евы что-то щелкнуло. Нет, она не прониклась сочувствием или жалостью, просто больше ей не следовало слушать бессмысленный треп. Более правильной тратой вре-

мении стал бы поиск Зильберштейна. Девушка хотела закончить конкурс и, при этом, не упасть лицом в грязь. До начала мероприятия оставалось около десяти минут, и Ева поспешила за Марком, чтобы успеть к началу. Интуиция у нее была развита посредственно, но в катастрофические моменты Еве не было равных – она становилась лучше любого экстрасенса.

Марк, сидевший в то время на крыльце, поджег вторую сигарету и втянул дым в себя, живописно представляя, как он губит его легкие и здоровье в целом. Ему нравилась тема саморазрушения.

– Лишь только я тебя увидел и тайно вдруг возненавидел бессмертие и власть свою, – отвлеченно, вполголоса, шептал Марк, изучая забор закрывавшегося детского сада. Родители, задержавшиеся на работе, забирали своих детей.

Перестав воспринимать себя ребенком где-то с пяти лет, Марк попытался стать максимально самостоятельным, насколько это было возможно. Он один ходил в детский сад, в семь лет его даже не провожали в школу. Матушка с большими надеждами отдала его в гимназический класс, но из-за того, что русский язык давался плохо, мальчика перевели в обычный, где он только в средней школе взялся за ум. Сложные отношения и недопонимание со стороны сверстников научили его главному – он сам себе стал лучшим другом.

– Марк? – беспокойно позвала Ева, выскочив на улицу с курткой на плечах. Она всматривалась во тьму школьного

двора, но боялась спуститься на ступеньки, потому что, подобно раскату грома, до нее дошла ее неправота.

Немец повернулся вполоборота и заметил взволнованную мордашку Евы, выглядывавшую из-за угла. Романова щурилась, не в силах справиться с ночной темнотой.

– Ты здесь?

– Я, – Зильберштейн сунул сигарету в рот и уставился на одноклассницу. Переминаясь с ноги на ногу, та нерешительно спустилась на первую ступеньку и виновато опустила взгляд.

– Ты сильно злишься?

– Мне уже плевать, Ева.

– Неужели я наконец-то стала Евой? – ухмыльнулась Романова. Марк на нее мрачно глянул, и улыбка сползла с ее лица. – Ладно. Раз так... Марк, прости меня, пожалуйста. Я погорячилась...

– «Сь» и «ся» – постфиксы, образующие обратные глаголы. Прежде говорили не, допустим, «погорячилась», а «погорячила себя», – лишенным эмоций голосом произнес Марк. – Погорячила ты себя, хорошо, что не извиняешь себя.

– Откуда узнал? – расслабилась Ева, поинтересовавшись с улыбкой.

– Стал посещать факультатив Анны Александровны. По четвергам, восьмым уроком, – затушив сигарету, сообщил парень. – Она сказала, что мне просто повезло во время пробника.

– Это же хорошо, что подфартило. Я верю, что к экзаменам ты будешь знать русский лучше меня, – показав большой палец вверх, заверила девушка, но потом стыдливо опустила взгляд. – Если честно, мне бы не хотелось терять какое-никакое общение с тобой из-за такой ерунды. Я все-таки думаю, что ты не такой плохой парень, каким ты себя выставляешь.

Марк удивленно посмотрел на девушку, временно утерев хладнокровие. Затем самодовольно усмехнулся:

– Знаешь, я уже давно понял, что лучший способ разрешить конфликт – это идти на контакт, ибо такие стереотипные люди, как ты, подумают что-то свое. Я порядком устал от того, что на меня наговаривают.

– Слышал о такой штуке, как первое впечатление?

– Разумеется, а что?

– То было не более чем первое впечатление. Оглянись, посмотри, где мы живем, – в доказательство Ева развела руками, но, как назло, никого в округе не было. – Есть и положительные моменты. Но вот ты сейчас, кстати, тоже со своим первым впечатлением обо мне, и как оно?

– Легкое разочарование.

– Разочарование?

– Разочарование, – вновь кивнул Марк. – Обидеть меня невозможно, а разозлить сложно... Поразительно, что ты смогла все это сделать разом, – он поднял на нее взгляд. – Самая правильная эмоция, помимо гнева, – это разочарование.

– Не очаровывайся тогда, – тепло улыбнулась Романова. – Ну что, мир?

Зильберштейн посмотрел на протянутую руку девушки и, потратив на обдумывание меньше минуты, взялся за нее и вскочил на ноги.

Конкурс на лучшую пару прошел невероятно быстро и просто; Ева же предполагала, что он будет состоять из разных парных состязаний, но вместо этого все пары были вызваны на сцену, где их внешний вид оценивали жюри и зрители. Каждому участнику пришлось описать свой образ в нескольких словах. Ева представила образ одной из пяти канонических жертв Джека Потрошителя, известную как Мэри Келли. Поскольку та была самой привлекательной из всех убиенных, Романова выбрала именно ее (на самом деле, Келли была убита иным образом – расчленена, но, боюсь, кроме Евы об этом никто не догадывался, а ассоциация с каноничными жертвами у нее пошла именно после утреннего «привета»). Марк представился «психом с топором»; к тому времени его маска расплылась.

В зависимости от того, насколько громко хлопали зрители, выставлялась оценка, плюсовались баллы жюри, все суммировалось, и в итоге объявлялся победитель. Громче всего, правда, хлопали звонким комментарием Айерченко, нежели участникам шоу, но, тем не менее, приз зрительских симпатий достался ученикам десятого «А» класса, но вот объявили общий результат и... та-да-да-та... Марк и Ева заняли

призовое место!

Стоило участникам первого конкурса покинуть сцену, попросили подняться тех, кто участвовал в соревновании на самый лучший костюм. Победил Винни Пух, но я не помню, кто это был... Ладно, предположим, это была Сурикова.

Затем было нечто вроде дискотеки, причем сразу зазвучали медленные композиции. На Марка и Еву повесили ленты, на которых серебристыми буквами было выведено «Король Хэллоуина» и «Королева Хэллоуина», но ребята ради забавы поменялись ими.

– Потанцуем? – весело предложил «Королева», и, не успела девушка ответить, как он взял ее под руку.

Все было превосходно. Ева для себя даже решила, что будет далее стараться понимать Марка без ошибок, чтобы больше не возникало таких нелепых ситуаций. И Марк сам был более чем доволен. На часах было полседьмого, мероприятие заканчивалось около семи. В этот вечер Еве стало приятно общество Марка (хотя, может, злую шутку с ней сыграл алкоголь, подлитый в пунш), пока внезапно не зазвонил телефон.

Торопливо достав его из кармана, скрытого в сером свободном платье, Ева прочитала запись на дисплее:

– Влад... – и посмотрела на Марка, отпуская его. – Я отойду, скоро буду, – она ответила на входивший звонок, и ее губы растянулись в трепетной улыбке. – Привет, Влад, ты как? Как самочувствие? – Ева отходила в сторону выхода, увле-

ченно разговаривая с Бердневым.

Разочаровано проследив за ней взглядом, Марк пожал плечами и подошел к открытому окну, откуда тянуло приятной прохладой.

Меманфемокіне

С прем'єрою свого нового альбому MMP
Never Give In

Ноль – три. Город на Костях

*I did my best to try and be
A mirror of society
But we both know the mirror's cracked
And everybody's in the act*

(Sick Puppies – «So What I Lied»)¹⁶

Ноябрь. 2007 год.

Взглянув в угол монитора, Ева устало зевнула, увидев, что время близилось к двум часам ночи. Она лениво размяла руки и открыла вкладку в Интернет-браузере с очередной страшной историей. С минуты на минуту должен был позвонить Марк, который вместе с ней поедет на вокзал. Их ответят родители Ивы, которые любезно согласились помочь матери Марка, не сумевшей взять выходной для проводов сына. Отправление было в четыре утра, и девушка не представляла, как все это время она сумеет бодрствовать, но, тем не менее, у Киры были свои планы на время в пути.

Необъяснимо, но факт(!) – Марк позвонил вовремя (вероятно, дежурил у телефона со скачущим будильником и будыжником, если вы понимаете, о чем я). Встреча была назна-

¹⁶ Я старался изо всех сил, чтобы стать Отражением общества, Но мы оба знаем, что зеркало разбито, И все втянуто в игру. Sick Puppies – «Ну и что, я солгал»

чена через пятнадцать минут возле подъезда Романовой. С тоской прощаясь с домашней утварью, Ева, напоследок, зашла в любимую соцсеть, где поставила статус: «Поездка;)», после чего отправила Владу дружескую открытку с пожеланиями о скорейшем выздоровлении. Не дождавшись ответа, девушка хотела выключить компьютер, но краем глаза заметила, что ей пришла заявка о добавлении «в друзья» от некого Артема Лукьянова, но Ева решила после возвращения рассмотреть все уведомления в соцсети.

Романовой было невероятно обидно, что друг не поедет вместе с классом – его выпишут из больницы точно в тот день, когда ребята прибудут в Город на Костях.

Кстати, что касается больницы, то Ева все-таки навестила там Влада. Вместе с ней были Кира, которая с радостью составила подруге компанию, а также друг Берднева из «Б» класса, Стас, который, между тем, приглянулся Кире, и, поскольку, он тоже ехал с ними, она решила, что не упустит свой шанс во время поездки.

Все же вернемся к главной теме нашего разговора, нет, я не буду в сотый раз повторять, вернее, третий, мол, прогресс – дело странное. Отнюдь. Прогресс – дело необыкновенное. Допустим, у нас с вами есть телефон. Обычный такой сотовый телефон. И знаете, что с ним могут сделать какие-то там террористы? Вы не поверите, но, благодаря отправленному на такую вот штуку сообщению, детонируют бомбы. Не шутите с прогрессом, мои дорогие, иначе он пойдет против вас.

Ева практически окоченела, пока ждала Марка на улице. Родители Романовой прогрели машину, а сама девушка, убрав дорожную сумку Adidas в багажник, вернулась к подъезду. Она переминалась с ноги на ногу, и, обняв себя, старалась согреться, периодически поглядывая на часы. Зильберштейн опаздывал. Внезапно Романовой захотелось плюнуть на все и уехать, забыв про новоиспеченного «приятеля», коим начал именоваться парень, но стоило ей об этом подумать, как она увидела на другом конце детской площадки смутный силуэт в знакомом пальто, который постоянно поправлял спадавший ремень сумки.

В свете фонарей, которые освещали площадку в зимнее время, Ева рассмотрела, что сапоги Марка были идеально начищены, а голову украшала серая ушанка. На удивление, в ту ночь он был без очков, с которыми прежде не расставался. Скажу больше – даже на Хэллоуин он был в очках, впрочем, это нисколько не помешало ему стать королевой бала.

– Оу, здрасьте! – радостно прохрипел Марк, махнув девушке рукой. Только она хотела в ответ поздороваться, как Марк прошел мимо нее. Ребятам бы следовало сесть в давно нагретую машину, но вместо этого Ева удивленно наморщила лоб и продолжила ошарашено наблюдать за таинственной походкой этого странного немца. Черт знает, сколько бы он так шел, но, достигнув подъездной двери, Марк резко остановился и поднял палец к небу, обернувшись и посмотрев на Еву: – Кажется, я должен был встретиться с тобой?

– Здравстенафиг, – ухмыльнулась Романова, одергивая пуховик нежно-голубого цвета, едва ли прикрывавший поясницу. – Знаешь, для склероза как-то рановато, Маркуш.

– Прошу меня простить, фройляйн Ивангелина, – Марк снял ушанку и поклонился, вновь поправив спадавший ремень сумки.

– Вот скажи честно, – Романова улыбнулась, прищурившись. – Ты когда-нибудь перестанешь коверкать мое имя?

– Зачем? – искренне удивился немец. – Понимаешь ли, Ивушка, – Марк посмотрел вдаль и мечтательным голосом продолжил, – в этом есть своеобразный... романтик! – не в силах подобрать слова, для убеждения парень ковырнул рукой в воздухе, надеясь, что это помогло бы передать все его эмоции. Затем его губы неожиданно расплылись в улыбке, а глаза засияли, как показалось Еве, детским счастьем: – Смотри! Снег пошел.

Подняв глаза к небу, Ева увидела снежинки, мерцавшие на свету, и одна из них упала ей прямо на нос, она улыбнулась.

– Это Сид и Ненси просыпали на небе кокаин, – отвлеченно произнесла Романова, выставив ладонь под падавший снег. – Пошли, нас родители ждут. Мало того, что ты опоздал, так и сейчас на пару без дела языком чешим.

Одноклассник проигнорировал ее реплику, увлеченно втянувшись в беседу:

– Чертовы наркоманы, – с презрением бросил Марк, из-

менившись в лице. – Не понимаю, чем вам, девчонкам, они так нравятся...

– Да ладно тебе, Марк, – беззаботно пожав плечами, отозвалась девушка. – Просто вспомнилась цитата.

– Все равно ничего не понимаю в вашей бабьей романтике.

– Эх, ладно, пошли, Годзиллка, нас уже давно ждут.

Опоздать на вокзал было невыполнимой задачей – ночные дороги напоминали пустыню, и Ева созерцала огни столицы. В тот момент ей казалось, что исчезло желание уезжать; она вспомнила свою давнюю мечту собраться с друзьями в центре на Красной площади под Новый Год и отпраздновать с боем курантов. Улыбаясь своим мыслям, она погрузилась в дрему и положила голову на плечо Марка, сама того не заметив. До этого парень внимательно листал плеер в поисках нужной композиции, но Ева его отвлекла, и он с удивлением посмотрел на нее, вопросительно вскинув бровь.

Естественно, Марка несколько не впечатляла нелюбимая им столица, а уж тем более его поражали те, кто испытывал к ней какой-либо пиетет.

– По-твоему, я напоминаю подушку? – вполголоса спросил Марк, чтобы этого не услышали родители девушки, которые о чем-то разговаривали.

– Ты слишком костлявый для подушки, – смущенно отозвалась Ева, моментально выровнявшись, будто ничего не было. Для себя она решила, что в следующий раз будет меч-

тать осторожней, а то, мало ли, подумает о Владе и на эмоциях обнимет Зильберштейна. Такого счастья ей не надо было. – Кстати, чем занимаешься?

– Музыку хочу послушать.

Романова наклонилась к Марку и заметила, что на заставке стояла картинка с неразличимыми надписями, напоминавшими граффити. Затем Марк поспешил нацепить наушники на шею и включить песню. Когда на дисплее вывелось ее название, девушка прочитала его вслух:

– «Disenchanted»¹⁷.

– Действительно, – напряг зрение Марк, после добавив: – Странно, я хотел включить совсем другую песню.

– Хм... Почему ты сегодня не надел очки? – поинтересовалась Ева, всматриваясь в выразительные миндалевидные глаза одноклассника. Раньше она никогда не замечала этого из-за очков.

– Зачем? – удивился немец и выключил музыку. – Читать я вроде не собираюсь, я их зачехлил.

– Я просто подумала, что ты мог забыть их... – задумчиво произнесла девушка, на что Марк надменно усмехнулся (он, да что-то забыть? никогда). Затем вновь потянулся за наушниками, чтобы спокойно послушать музыку, но Ева снова отвлекла его. – Слушай, может, вместе музыку слушаем? Я ведь даже не знаю, что тебе нравится, хотя, наверное, следо-

¹⁷ «Disenchanted» – «Разочарованный» (англ.), песня группы My Chemical Romance.

вало бы.

– А какую музыку ты слушаешь? – словно заинтересовавшись, спросил Марк.

– Ну, например, мне нравится Сплин... – неуверенно ответила Ева. – А тебе?

– Мне точно не нравится Сплин, а тебе, боюсь, не понравится моя музыка.

– Да ладно тебе, давай послушаем, – мило улыбнулась одноклассница.

Марк попытался найти еще какую-нибудь причину для того, чтобы в одиночестве насладиться любимой музыкой, но на ум ничего не приходило, и он зацепился за спасительную соломинку, которая помогла бы ему приятно скоротать время.

– Мои наушники предоставлены только на два уха, – невозмутимо пожал плечами Зильберштейн.

– А у меня есть вот такие, – она достала из кармана маленькие белые наушники и протянула их Марку. – Надеюсь, ты не настолько брезглив, насколько кажешься.

Было без десяти три, когда ребята прибыли на вокзал. Неожиданно для себя Марку оказалось приятным слушать музыку с Евой – во всяком случае, ей понравились некоторые песни, и кое-какие она попросила позже ей скинуть.

В ту ночь, помимо учеников девятых классов школы Зверя, на вокзале было еще несколько разных школ, которые также собирали своих учеников. Марку и Еве хотелось как

можно скорее начать поиски своих одноклассников, и, чтобы родители Романовой им в этом не помогали, они сослались на то, что «вон там наши». Оставшись одни, подростки подошли к информационному табло и нашли время отправления своего поезда.

Ребята сориентировались достаточно быстро, найдя свой класс в центре зала, где учеников встречала Галина Николаевна, которая так же, как и Анна Александровна, сопровождала своих подопечных. Ребятам было немного, в кругу собравшихся было временно тихо; Ева присела на стальную скамейку, положив сумку в ноги. Марк попросил ее присмотреть за его вещами, оставив рядом свой багаж, и вручил ушанку, в которой спрятал плеер. Девушка, скромно улыбнувшись, попросила у юноши разрешения воспользоваться им в его отсутствие, немец благосклонно кивнул и ушел туда, куда ему только ведомо.

По помещению гулял Сквозняк, известный всем как аномалия (S. T. A. L. K. E. R. – detected), и Марк, который в машине совсем, не заметив для себя, спарился, расстегнул пальто. Вскоре к утреннему насморку прибавилось слабое першение в горле.

Посадка на поезд началась без десяти четыре, что разозлило Анну Александровну, поскольку ей еще предстояло распределить учеников по местам. Пассажиров в плацкартном вагоне было немного, поэтому школьников было сложно успокоить. Кира и Ева сразу заняли верхние полки отсе-

ка и только после заметили, что напротив них расположился сурового вида мужчина, который с ненавистью наблюдал за девятиклассниками. Они лишь с сожалением пожали плечами, понимая, что на них за предстоявшую ночь и утро будут жаловаться, и не раз...

Затем в конце вагона началась какая-то потасовка между мальчишками, которую усердно пыталась разнять Галина Николаевна. Нет, в этот раз зачинщиком стал вовсе не Марк, – он одним из первых вырвался из центра событий (откуда уже доставили двоих в госпиталь с огнестрельными ранениями, а одного с полуобглоданной голенью – табличка «Сарказм»). Немец устало приземлился на нижнюю полку рядом с Евой и спрятал лицо в руки, обессиленно прошептал:

– Как можно быть такими говнюками? – потер глаза и выглянул в коридор. – Я уже спать хочу, а они там баттл затеяли. Уроды motherfucking'ские¹⁸.

– Откуда столько агрессии, Марк? – усмехнулась Кира, которая удобно устроилась на верхней полке и как минимум до конца поездки не планировала оттуда слезать. – Да и вообще, что за драка, шума нет, а ты здесь?

– Андрей и Матвей, без меня им превосходно, но неинтересно, – с придыханием произнес Зильберштейн и опустил свою головушку на хрупкое плечо Романовой. Та на него ошалело оглянулась. – Тебе можно, а мне, щито, ара, нельзя?

¹⁸ Motherfucker – ублюдок (англ.)

– Не знаю, чуваки, что у вас там было, да и знать, в принципе, не хочу, – заверила Кира, выглянув в коридор, но обзор ей загораживала двухметровая толстая женщина. Ой, извините, нехудая.

– Чувак – это кастрированный баран, – скуксившись, отреагировал на слово Марк. – По-твоему, мы похожи на баранов? А уж тем более кастрированных?

– Насчет Евы я не знаю, а вот ты выглядишь очень подозрительно, – оглядев одноклассника, произнесла Саванова и ухмыльнулась.

В итоге Зильберштейн остался вместе с девчонками, поскольку вновь отправляться в бучу ему совсем не хотелось. Вскоре появился четвертый человек, который также занял место внизу, под Кирой. Это был Матвей, правый глаз которого был подбит. Савановой не понравилось, что одноклассник будет спать под ней, ведь она прекрасно помнила, что в прошлом году он был в нее влюблен.

Поезд отправился с вокзала в пятнадцать минут пятого – Марк сверил точно до секунды, отсчитывая их вслух. Drei, zwei, einz...

– Бах! – сложив руки в пистолет, нацелилась на Марка Ева.

– Изображаешь из себя Дантеса? – оторвав взгляд от наручных часов, спросил Зильберштейн. – Я вроде на Пушкина не похож.

– Может, ты его реинкарнация.

– Надеюсь, нет. Пушкин – шлак, а вот Лермонтов был королем, – сказал Марк. Ева пропустила его слова мимо ушей.

Матвей все время молчал и, игнорируя все разговоры, смотрел в окно. Мимо отсека ребят не раз проходил Андрей, словно хотел привлечь внимание заклятого друга, но ему этого не удавалось.

Спрятавшись на верхней полке, Романова сняла куртку и, повесив ее на крючок, улеглась на жесткий матрас. Ей все время было неудобно. В отличие от подруги Киру уже давно клонило в сон, и, наевшись всякого печенья, она умиротворенно посапывала на верхней полке. Сон Марка сняло как рукой, когда он увидел, что они проезжали мимо кладбища. Забравшись с ногами на полку, Зильберштейн нацепил наушники и, включив музыку, прикрыл глаза. Но попадающиеся композиции не нравились парню, и он решил самостоятельно собрать любимый трек-лист. Не в силах постоянно щуриться и приближать экран практически к самому носу, парень решительно полез к своей сумке, которую убрал к стенке. Места она занимала немного, вещей с собой он взял с гулькин нос – все, что ему могло бы понадобиться в эти три дня. Чехол с очками был в самом верху аккуратной стопки одежды, педантично утрамбованной. Взяв его в руки, Марк облегченно вздохнул, но затем насторожился, заметив, что по весу чехол был легче, чем обычно. Он поспешил его открыть. Очков внутри не было.

Марк иступленно смотрел то на пустой чехол, то на пле-

ер, который не давал ему покоя. Однозначно, так не могли обстоять дела, он не мог взять да забыть самую необходимую вещь. Стараясь как можно тише пошурудить в сумке, Марк все еще надеялся найти очки, но это было напрасно. Должно быть, так и оставил их возле компьютера после просмотра того фильма. Да, кажется, он настолько увлекся просмотром очередным «Страхом и ненавистью в Лас-Вегасе», что врожденный педантизм дал сбой, и, так до конца не собравшись, парень побежал на встречу к Еве. Расстроившись, Марк ногой отпихнул сумку и, приняв позу лотоса, попытался сообразить, что делать дальше. Тогда он подумал, что без чтения можно прекрасно прожить несколько дней.

– Эй, Марк, чего грустишь? – прошептала Ева, осторожно спустившись, и ловко перелезла на полку Марка, не коснувшись пола.

– Очки – nein¹⁹, – печально произнес юноша.

– Все-таки ты их забыл, – понятно кивнула Романова и, поправив волосы, собранные в пучок, сказала: – Не переживай, что-нибудь придумаем.

– Если хочешь, ну, если не будешь спать, то можем вместе музыку послушать, – нерешительно предложил Марк. Ева, немного подумав, охотно согласилась и достала сверху свою сумку, из которой извлекла беленькие наушники. Романова легла рядом с Марком, который сидел у самого края на расстоянии, которое позволяла длина проводов наушников.

¹⁹ Nein – нет (нем.)

Больше всего Еве понравились любимая Марком группа Placebo. Под «Protégé Moi»²⁰ она вовсе заснула. В тот момент девушка показалась Марку особенно милой – ее волосы выглядели золотистыми при свете лампы для чтения. Одета она была в нежно-серый свитер-платье и лосины темного цвета, сделанные под джинсы. Бережно укрыв ее одеялом, парень полез к ней в сумку, чтобы убрать наушники обратно, так как разводить беспорядок в отсеке ему не хотелось. В сумочке Романовой был жуткий кавардак – она-то свои вещи собирала впопыхах, брала чуть ли не первое, что попадалось под руку. Среди «ненужного хлама», как посчитал Марк, нашлось несколько книг. Скинув наушники просто так, парень заинтересованно достал две первые попавшиеся – «Алиса в Стране Чудес» и «Бойцовский клуб».

– Первое правило Бойцовского клуба, – улыбнувшись, вспоминал вслух Марк, – не упоминать о Бойцовском клубе.

– Марк, ты о чем? – заворочалась Ева за спиной одноклассника. Тот моментально напрягся, произнеся:

– Ничего, мы еще не приехали.

Убрав «Бойцовский клуб», Марк удобно улегся и попытался почитать «Алису». Не то чтобы он считал, что сможет, но, тем не менее, некоторые слова он все же различал, догадываясь о смысле по наитию. Юноша даже удивился тому, что довольно-таки неплохо понимал этот странный русский язык, грамматика которого ему толком не давалась. Един-

²⁰ «Protégé Moi» – «Защити меня» (*франц.*), песня группы Placebo.

ственное, что ему нравилось в литературе – это поэзия, но об этом он не распространялся.

Прошло около часа. В вагоне царила принцесса Грез, и Марк, сам того не заметив, втянулся в интуитивное чтение-угадывание, но, внезапно, Ева, которая до этого лежала носом к стенке, перевернулась на другой бок и положила голову на грудь Марка, после обняв его. Парень смущенно оглянулся; Матвей, который спал на соседней полке, точно ничего бы не увидел – он полностью укрылся простыней. Как только немец облегченно вздохнул, с верхней полки послышался ехидный смешок. Саванова, которая проснулась незадолго до этого момента, пристально наблюдала за парой.

Парень торопливо выбрался из объятий Романовой и сел, склонившись над столом. Он поспешил убрать книгу в сумку и достал из своего багажа тетрадку, о которой мы уже однажды говорили. Немного поразмыслив, Зильберштейн стал что-то писать, а Кира с любопытством наблюдала за ним.

Хотелось бы сказать, что на этом события в поезде закончились, но вовсе нет. Поэтому переключимся на происходившее в другом конце вагона. Андрей, который от злости не мог заснуть, пытался придумать, как можно вывести приятеля на эмоции, но кроме бесполезных телодвижений ничего лучшего придумать не смог. Андрюша, как его ласково называли как девочки, так учителя, был совсем не таким, как Егор, чтобы одним своим появлением взбесить народ, долго и мучительно ворочался на своей полке. Поясняю суть кон-

фликта девятиклассников. Так уж случилось, что не только Матвей в свое время был влюблен в свою одноклассницу (правда, позже он переключился на девушек постарше), но и Андрей обратил внимание на одну из них. Нет, друзьям не нравилась одна и та же девушка, Боже упаси, скорее, Матвей не одобрял выбор Андрея, который положил глаз на Лизу (вот так взял, вынул из глазницы глаз и положил на ее милую уложенную прическу). Поэтому на вокзале, когда Андрей изъявил о своем желании признаться в любви, Матвей попытался его отговорить, сказав, что это будет слишком глупый шаг, а он не раз подобным образом ошибался с Кирой. После чего между мальчишками произошел конфликт, который выражался то в оскорблениях, то в глупых тычках. Их разняли, но Андрей все равно не успокоился, поэтому он решительно встал и направился к отсеку Матвея, прихватив с собой сок, желая облить недоброжелателя. Для него это был коварный и хитрый план.

Когда Андрей шел по коридору, он случайно задел плечом того мужчину, который спал напротив отсека Киры и Евы. Тот раздраженно покосился на подростка, отчего Андрей поежился, но не отступил. Так уж вышло, что отсек был чуть ли не крайний.

– Марк, а что это ты там пишешь? – кокетливо улыбнувшись, поинтересовалась Саванова, сложив руки на бордюре верхней полки. – Неужели стихи?

– Вообще-то, правильно говорить «стихотворение», –

утомленно потерев переносицу, произнес Марк и, так и не подняв взгляда на Киру, продолжил записывать первое четверостишие.

– А можно прочесть? – продолжила донимать его Кира, повысив свой голос так, что он казался невероятно противным. Немец поморщился.

– Не для твоих глаз и не для твоих ушей.

– Хм... Марк, а мне вот интересно, – девушка перевернулась на спину, – а ты можешь придумать рифму на любое слово? Вот, например, скажи мне что-нибудь в рифму на... Хм... «Она меня увидела, ее я полюбил».

– Но вот она заснула, и я ее убил, – поджав губы, сказал Марк.

– Да ты романтик, Зильбр... тшейн, – запнулась Саванова и рассмеялась. – Пока твою фамилию произнесешь, язык сломаешь.

– Во всяком случае, моя фамилия легко переводится, – начал немец, но его быстро оборвали.

– Дай попробую перевести. В конце концов, я же с первого класса изучаю немецкий, – гордо пояснила Кира. – Так... «Зильбер» – это у нас «серебро», а «штейн»...

– Вообще-то, правильно, «штайн», – украдкой поправил парень, но Кира это проигнорировала:

– «Штейн»... Кажется, «камень». Точно, «камень». Значит, выходит, «серебряный камень»! – радостно воскликнула Саванова. Марк, усмехнувшись, сымитировал аплодис-

менты; он до сих пор искренне сомневается в языковых способностях одноклассницы.

Андрей остановился около отсека и, приготовив стакан, собирался облить Матвея. Марк же заинтересованно взглянул на него, Кира его тоже заметила. Все, наверное, прошло бы нормально, если бы внезапно не вскочила Ева, очнувшаяся ото сна. Она с тревогой посмотрела на Марка, потом на Андрея – от резких движений Евы тот дернулся назад и пролил сок на постель того вечно сердитого мужчины.

– Я что-то пропустила? – прошептала Романова, моментально приняв положение сидя, стоило ей заметить, что она лежала рядом с «приятелем».

Сок успешно пролился на кровать пострадавшего, и Андрей, пока того не было видно поблизости, закрыл пятно покрывалом, в крайнем испуге оглянувшись, поставил стакан на стол ребят и быстрыми шагами направился обратно. Ева в недоумении посмотрела по сторонам: Марк будил Матвея, а Кира, потеряв интерес к данной ситуации, боролась с запутанными наушниками.

– Маркуш, – позвала немца Ева, осторожно потянув его к себе за плечо.

– Девушка! – хлюпнув носом, ответил тот. – Не видишь, что на Родькина была попытка покушения?

– Брось. Он не Кеннеди, чтобы на него покушались. И уж тем более не Линкольн, – фыркнув, заметила девушка, – а ты на деревенского секьюрити даже не потянешь.

– Эмм... Причем здесь секьюрити?

– Марк, что за кипеш? – разозлился проснувшийся Матвей. – Из-за вашей болтовни невозможно уснуть!

– Наша болтовня довольно интересна, – возразил Марк.

– Да пошли вы в ад, грешники, я спать хочу, – буркнул Родькин и накрылся одеялом.

Равнодушно усмехнувшись, Марк вновь вернулся к тетрадке, а Ева продолжала с неким недопониманием оглядываться вокруг, словно пыталась что-то вспомнить. Затем, увидев записи Зильберштейна, которые издали напоминали стихотворения, она тотчас вспомнила, что ей хотелось кое-что рассказать парню. Причем так сильно, что она забыла о своем сне, в котором присутствовали все люди, которые оставили неизгладимые впечатления на всю жизнь.

Девушка нерешительно начала:

– Как ты относишься к сновидениям?

– Ну, сны – это разное, я люблю фантазировать.

– Мне приснился такой странный сон...

– Все события, которые происходят во сне, являются тем или иным отражением реальности, – с заумным видом отозвался Зильберштейн.

– Я что-то не помню, что мы когда-то говорили о Пушкине.

– Было-было, – энергично закивал головой Марк, развернувшись к Еве. – Причем совсем недавно... В общем, вели достаточно мо-ра-лис-ти-чес-ки-е и интеллектуальные бесе-

ды.

– Да, Марк, это так похоже на нас, – хмыкнув, согласилась Романова, понимая, что Марк любит лишний раз приукрасить действительность. – В общем, мне приснился невероятно странный сон...

– Это я уже понял. Он был странным из-за того, что был связан с Пушкиным?

– Ну, можно и так сказать... – потеряв висок, сказала Ева.

– Расскажи уж, раз рассказывается.

– Ну, хорошо, – смущенно улыбнувшись, девятиклассница села как можно удобнее. С Кирой, своей единственной подругой, Ева не привыкла делиться сновидениями, поскольку та не интересовалась подобным. Ей было в диву услышать то, что кто-то, а именно Марк желал послушать ее. Немного растерявшись, Ева начала свое повествование: – Имена именами, но люди выглядели совсем иначе... Выходит, жизнь – театр, а все мы в нем актеры. Банально, правда?

– Ближе к делу.

– Ладно-ладно... События разворачивались в 19 веке...

«События разворачивались в 19 веке, а именно – 1837 год, февраль. Усадьба Болдино была наполнена тревожными мыслями Натальи Гончаровой, чью роль исполняла Евгения Романова, еще не совсем привыкшая к новому амплуа. Девушка, утянутая корсетом из натурального китовьего уса и пышной кринолиновой юбкой, очарованно оглядывала себя. Просим, пройдемте далее. Позвольте поинтересоваться,

насколько вы успешны в истории? Я нет, но, тем не менее, события 1837 года помню превосходно. Память – удивительная вещь.

Волосы Евы были собраны элегантно драгоценной диадемой, которая была украшена камнем в виде слезы. Поразительно, насколько красивой была девушка. Она никогда бы не подумала, даже во сне, что может в одно мгновение стать замужней женщиной, да не просто замужней, а женой великого русского поэта, прозаика и драматурга – Александра Сергеевича Пушкина.

– Готова ли ты к балу, Ева? – распахнулись двери просторной библиотеки, в которую вел узкий коридор. Роль Александра Сергеевича исполнял, как бы то ни было, Марк Зильберштейн, никогда особо не ценивший русское. Одет он был в белую рубашку апаш и темные штаны. Выглядел старше своих лет. – Как же я не люблю эти светские рауты, – он на ходу прыгнул на софу, вытянувшись в полный рост и закинув руку на голову, дабы создать утомленный вид. – Не вынуждай меня принимать это приглашение.

Жена посмотрела в кадр и с иронией произнесла:

– Драматизирует, падла.

– Твои слова, душенька, бурлеск чистой воды! – хмыкнул Марк и...»

Мужчина, чья полка промокла, в темноте не заметил, что кровать была влажной, и шустро улегся в нее, плотно закутавшись в одеяло. Затем до него начало что-то доходить (или дотекать). Глазами по пять рублей он посмотрел на разгова-

ривавших подростков, затем на пустой стакан из-под сока.

– Какого хера тут произошло?! – крикнул он, вскочив с кровати.

– Упс, – ойкнула Ева, прервав свой рассказ, оставив его для более светлых времен.

– Где ваш гребаный классный руководитель? – завопил мужчина на весь вагон. Он был широкоплеч и хорошо накачан. Визуально его оценив, Матвей невольно сглотнул. – Я вас спрашиваю, засранцы, где он?!

Опешив, Ева хотела позвать Анну Александровну, но та пришла сама – в полусонном виде она сначала посмотрела на своих подопечных, затем на недовольного пассажира. Учительница, вздохнув, представилась и поспешила выяснить проблему, из-за которой ее вызывали. Мужчина, чуть ли не плюясь от злости, рассказал, что эти «сранные школьники испоганили» ему кровать, и теперь он не сможет на ней спать, потому что она мокрая. Анна Александровна с укоризной посмотрела на Марка, верно, посчитав, что это он набедокурил. Вскоре подросла Галина Николаевна, которая в итоге мирным способом разрешила весь конфликт. Классная руководительница только хотела поговорить со своими учениками, но коллега ее увела, обеспокоенно посмотрев на Зильберштейна. Тот, не понимая, что произошло, хлопнул носом и вновь уткнулся в тетрадь. Превосходное начало дня.

Полдень. Поезд остановился на Московском вокзале, и пассажиры моментально ощутили холод приморского горо-

да. Романова благополучно оставила свою шапку дома, поэтому Марк, который с неким умилением наблюдал за тем, как девушка натягивала капюшон, надел на нее свою ушанку, добавив: «Не спи, замерзнешь». Примерно через полчаса школьников посадили в автобус, который отвез их на первую экскурсию вместо того, чтобы дать им возможность отдохнуть в гостинице. Сначала Ева села с Кирой, но после уютной пытки под названием экскурсия, где они бродили, рассматривая какие-то камни, место с Савановой занял Стас, активно рассказывавший однокласснице что-то о новом фильме, который скоро должен был выйти в прокат. Поэтому Ева пересела к Марку, сидевшему перед Кирой и Стасом, и вновь поблагодарила за ушанку. Тот лишь хмыкнул.

Внезапно Ева нутром ощутила, что поездка ей выйдет боком, и встревоженно окинула взглядом автобус. Вероятно, ей так показалось из-за Марка. Мало того, что в поезде были весьма неоднозначные моменты и непонятный сон, так в автобусе ему стало совсем плохо (считая небесных овечек, Романова проглядела, как Марк начал заболеть). Сначала она подумала об этом с неким беспокойством, но приняв всю серьезность ситуации, успокоилась и задумалась. Марк лбом прижался к запотевшему окну и прикрыл глаза. Вернув ушанку однокласснику, Ева повернулась к Кире. Они со Стасом играли в PSP и что-то активно обсуждали, комментируя происходившее на крохотном экране.

– Что? – спросил Стас, оторвав взгляд от игрушки.

– Похоже, Маркуша заболел, – голос Романовой прозвучал немного обиженно и по-детски. Она вопросительно посмотрела на одноклассников, и Кира выдала:

– Ну... Скажи Анне Александровне.

– Она опять начнет говорить, что не хотела нас с собой брать, «такая ответственность», а она «не справилась»... Да и тем более, не стоит ее беспокоить после той ситуации в поезде. Вдруг она подумала, что это сделал Марк? Она так на него посмотрела, брр... Может, ему полегчает? – с надеждой в голосе предположила Ева.

Ребята пожали плечами.

Но Марку не стало лучше. На свое самочувствие он не жаловался. В автобусе стояла полная тишина, лишь где-то в конце салона слышались посапывания и храп. Ева заправила за ухо прядь и достала из кармана куртки, ворот и капюшон которой были подбиты пушистым мехом, телефон. Два часа дня. Она натянула на нос горло свитера. Даже несмотря на включенный обогрев, озноб по-прежнему пробирал до костей.

– Марк, давай поменяемся местам, – осторожно потревожила сон приятеля. Ей не хотелось, чтобы, заболевая, он сидел возле холодного окна.

Одноклассник что-то проворчал и натянул сильнее капюшон. Он закутался в серую кофту и полностью ушел в себя. Нацепил старые наушники и почти не слышал обеспокоенной девушки.

– Марк! – настойчиво повторила Ева и ткнула парня вбок, на что тот лукаво усмехнулся и проигнорировал Еву.

Так бы все и закончилось, но, спустя еще одну неожиданную экскурсию, класс наконец-то добрался до гостиницы «Охтская» у Невы и был готов для расселения: девочки с девочками, а мальчики с мальчиками. Некоторые были очень огорчены этим правилом, но кое-кому удалось его обойти. В том числе также поступила Ева. Она кое с кем поменялась для того, чтобы оказаться в одном номере вместе с заболевшим Марком. В конце концов, она переживала за него и ощущала чувство вины, несмотря на то, что вернула шапку. Во время этого действия Марк сидел в коматозном состоянии на диване. Заодно выгодный обмен случился и у Киры, у которой были свои планы на поездку, она заселилась в один номер «с каким-то там Стасом из параллельного класса», и Ева неожиданно вспомнила, что он Савановой был симпатичен с пятого класса. Теперь ей стало понятно, почему та уделяла ему много внимания и поехала вместе с ними в больницу.

Ах, да, раз уж речь зашла о больнице... Ева предпочла бы компанию в лице Влада, но, во-первых, маловероятно, что он бы согласился нарушить правило, а, во-вторых, он не поехал. «Надо будет ему набрать... Или хотя бы написать», – подумала девушка, вспомнив о выписке. Впрочем, ей уже было все равно на неудавшиеся планы, она перестала быть «разочарованной», как любил говорить Марк. Это одна из немногих реплик, въевшаяся токсичным ядом в подкорку. Правильные

эмоции.

Смутно представляя, как ей придется заботиться о Зильберштейне, Ева положила на свои скудные познания в медицине. Впервые за долгое время она почувствовала себя незаменимой, несмотря на то, что парень неоднократно отказывался от предлагаемой помощи. Он хотел начать самостоятельную жизнь (только вместо этого заболел), но не успели они войти в 203 номер, как Ева, подобно заботливой матери, уложила юношу в кровать и пообещала, что пока тот не поправится, никаких экскурсий не будет. Они не будут их посещать. Вместе.

Поначалу это звучало отвратительно. Если Марк чувствовал свою вину, он, как правило, старался исправить случившееся и вел себя лучше, сообразно своим представлениям. Таким образом, благодаря слабому иммунитету Зильберштейна, одноклассники «болели» вместе. Марк казался невероятно милым, особенно когда молчал.

Тайком Еве удалось выбраться на улицу, когда сосед по комнате уснул. На другом берегу возвышался величественный старинный монастырь, которому не менее трехсот лет. На мгновение девушке представилось, что она на экскурсии, одну из которых планировала пропустить. Небольшая группа людей. Женщина-экскурсовод, ей около сорока пяти лет, на голове аккуратный баклажановый берет, а сама она в утепленном пальто. Она рассказывала, как гостиница строилась на берегу Невы с видом на монастырь – насколько я помню,

женский. Девушка была очарована видом, освещенным медленно заходившим осенним солнцем.

Недолго думая, девятиклассница набрала своей подруге, пригласив ту пройтись по городу, поскольку экскурсии на сегодня завершились. Кира пришла минут через десять, когда Романова уже вдоволь налюбовалась местными красотами; она ввела Саванову в курс дела. Девчонки, пораскинув мозгами, решили сходить в магазин, о котором говорила Галина Николаевна, когда уходили Таня и Сурикова. Он должен был быть совсем неподалеку, чуть ли не через дорогу, в переулке.

– У меня топографический кретинизм, – пожаловалась Ева, оглядываясь по сторонам. – Я здесь не вижу никакого магазина.

– У меня тоже. Во всяком случае, так говорит Леша.

Завернув в мрачный переулок, соответствовавший представлениям Романовой о старом Лондоне, времен так Джека Потрошителя, Ева напряженно затаила дыхание. У нее возникло знакомое ощущение тревоги, сердце забилось чаще. Перед глазами вновь встали образы с места того убийства, кажется, даже возник тот мерзкий запах, но нет, все было нормально – это было заметно по безмятежному выражению лица Киры. Она взъерошила волосы и, задрав голову, считала пролетающих над ними птиц. Каркавшие вороны... Нет, определенно здесь было что-то от викторианского Лондона, но Ева выбросила эти мысли из головы и успокоилась, напомнив себе о лишней впечатлительности. Она

постаралась как можно глубже вдохнуть, выдохнуть, и найти какое-нибудь занятие по пути в магазин. Стены переулка были оклеены афишами, плакатами и объявлениями. Одно из них особенно привлекало внимание, и Ева, словно зачарованная, остановилась, приглядевшись. Плакат в сине-фиолетовых тонах с несколько размытыми буквами. На нем запечатлена красивая девушка. Слева наклеена желтая реклама такси, справа информация о продаже котят.

«МетамфетоМиР, – внизу плаката была надпись, выполненная в цифровом стиле, – с премьерой своего нового альбома ММР – Never Give In²¹». Помимо девушки на плакате было еще два человека. Артистка была подписана как Христина, а парни, стоявшие за ее плечами, как Кай и Дария. Кай, стоявший слева, был в очках и кепке, одет во все черное, руки скрестил, и на локтях были отчетливо видны татуировки, плюс проколота губа. Дария – красноволосый парень с кислотно-зелеными глазами, изогнувшись, держал гитару и хитро улыбался. Христина была обладательницей шикарных пепельных волос, завитых к кончикам. У нее волевые черты лица, показавшиеся Еве поразительно знакомыми. Пухлые губы. Курносая. На ключице небольшая татуировка в виде дракона, под которым красовалась надпись на латинице, очертания слишком размыты. Что-то не так. Вновь оглядев девушку с плаката, Ева отпрянула назад и наткнулась на

²¹ «Never Give In» – «Никогда не сдавайся» (англ.), альбом группы МетамфетоМиР.

встревоженную Киру. Татуировка... Дракона. Надписи.

У той мертвой девушки была такая же! Действительно, насколько же память может цепляться к таким деталям, которые, по сути, могли бы оказаться забытыми под массой впечатлений. Участница рок-группы была абсолютной копией убиенной. Или это был один и тот же человек?

Вернувшись из магазина с легким пакетом, в котором был Терафлю и немного вкусностей, Ева поставила его рядом со своей тумбочкой и посмотрела на спавшего Марка. Между их кроватями стояла чуть теплая батарея – в номере было невероятно холодно, да так, что Ева усомнилась в том, что скромного размера батарея сможет их спасти этой ночью. Невесело усмехнувшись, девушка подошла к шкафу, на лицевой стороне которого было зеркало. Отодвинув дверцу, она увидела, что на верхних полках лежало два теплых одеяла, и, встав на носочки, Ева решила достать их. Мысленно она все еще была погружена в тот диалог, который произошел у них с Кирой:

– Старая афиша ММР, – печально произнесла Саванова, с интересом разглядывая ту. – Вроде как, они должны были выступить здесь.

– Должны были? – удивленно переспросила Ева. Ей не хотелось говорить подруге о своих подозрениях, мало ли, она считает это мнительностью, а остричь было неуместно.

– Христину, солистку, нашли мертвой, с перерезанным горлом. Я же рассказывала тебе об этом. Говорят, это сделал

маньяк-фетишист, который или подражает The Поэту, действовавшему в 90-х годах, или это он и есть.

– Кто такой The Поэт? Я ничего о нем не слышала, – Романова была удивлена, что ни разу не видела упоминаний об этом убийце.

– Откуда я знаю? – ухмыльнулась Кира. – Мне бабушка рассказывала, что в новостях по четвертому каналу о нем говорили. В общем, какая-то ерунда, а ММР жалко – песни у них были хорошие. Ладно, пошли, ты же знаешь, не люблю я подобные темы... в подобных местах. Слишком уж здесь тихо. И пахнет неприятно.

Если Саванова сообщила то, что было на самом деле, то это непременно стоило перепроверить – Еву не на шутку заинтересовала история о некоем, под именем The Поэт. Черт знает, убили тогда в ее районе кого или нет, но ночные байки она слышала не раз: не все были солнечными и радужными.

Минут через пятнадцать проснулся Марк, выглядевший совсем раскисшим. Ева поставила кипятиться небольшой чайник из буфета и предложила посмотреть телевизор, на что Марк согласился. Романовой так понравилась его покладистость, что парень начал ей импонировать, что, с другой стороны, Еву несколько настораживало, поскольку у нее (по плану автора) развивались отношения с Владом. Что же, видимо, сложно устоять перед немецким обаянием, но немец не сразу сообразил, что этим можно воспользоваться. Еще до самой поездки стало понятно, что все изменится.

– Кстати, Марк, хочешь услышать продолжение моего сна? – во время рекламы поинтересовалась Ева, Марк кивнул и добавил:

– Ну, раз там есть я, причем в роли Пушкина, то почему бы нет? Только, я надеюсь, у меня нет этих кудрей и чмошной бородки?

– Нет, Марк. Тебе лишь на вид лет эдак двадцать семь, – с сожалением произнесла девушка, припоминая дальнейшие события сна. Зильберштейн торопливо пересел на кровать к своей однокласснице и повязал на шею шарф. – Ты что, собираешься меня заражать своими бациллами?

– Зараза к заразе не липнет.

– Хорошо. Так вот... События разворачивались в 19 веке... – монотонным голосом начала Романова.

– Стоп! Ты с этого начала в прошлый раз.

– Серьезно? Ах, ну, да. Какой из меня шикарный рассказчик, ничего не помню... Позволь узнать, на чем я остановилась?

– На том, что... эмм... ну, мы с тобой разговаривали о предстоящем бале. Я типа не хотел туда ехать, а ты сказала, что поздняк метаться, мол, приглашение принято.

– Точно, точно... Значит, бал... Знакомство...

«Знакомство Евы с Дантесом (кого в нашем произведении играл Владислав Берднев) произошло совершенно случайно, и, вероятнее всего, не соответствовало исторической действительности. Он

был невероятно красив, умен и образован, к тому же был к Еве отнюдь равнодушен: демонстрировал свое внимание на людях, пытался ей всячески угодить, когда мужа не было поблизости. Да и при муже не ограничивал себя, что не просто раздражало, а выводило из себя Марка.

– Messier²², прошу вас держаться подальше от моей жены, – произнес Марк, опираясь на пудовую трость. – Иначе я буду вынужден отстаивать свою честь.

– Неужели вы изволите, сударь, устраивать конфузию при даме? – усмехнулся Влад, зыркнув на стоявшую поодаль девушку. – Ева – превосходная лилия, но в этом болоте ей не место. Вы собираетесь и дальше держать ее в этом гадюшнике?

– С вашего позволения хотелось бы уточнить, что это вовсе не мой гадюшник, а ваш, – лукаво улыбнувшись, заметил Зильберштейн.

– Марк Александрович, даже простые холопы знают, что сердце госпожи принадлежит вовсе не вам, я бы сказал даже больше, что... Года так с тридцать пятого.

Улыбка сползла с лица Марка и убежала из зала прочь. Крепче вцепившись в трость, он с ненавистью посмотрел на Влада, присутствие которого ему уже порядком надоело, но, поскольку речь идет о 19 веке, подобные проблемы решались иным путем:

– Надеюсь, уважаемый Владислав Игоревич, вы одумаетесь и принесете мне свои извинения. Я не стану долго ждать, – произнес Марк, добавив: – Смею вас

²² Messier – господин (лат.)

заверить, что я готов отстаять свою честь и честь своей фамилии!»

– Апчхи! – прикрыв рот платком, чихнул Марк, поспешно отвернувшись от Романовой. Она, прервавшись, произнесла с легкой улыбкой:

– Будь здоров.

– Спасибо... Прошу, продолжай!

«– Ни я, ни кто-либо еще не станет просить извинений у высокомерного гордеца, – с пренебрежением бросил Влад.

– Я пришлю к вам секунданта, – стукнув тростью об пол, сообщил Марк и, гордо развернувшись, удалился из зала.

Весть о дуэли разлетелась с поразительной скоростью по Городу на Костях. Ева и другие приближенные пытались уговорить Марка отказаться от поединка, но им всего лишь удалось отсрочить его.

В один из вечеров, когда время близилось ко сну и противостоянию, девушка трезво оценила шансы мужа, и они были отнюдь не пятьдесят на пятьдесят. Ева считала своим долгом остановить его, вот только она понятия не имела, каким образом это можно сделать. Марк заранее был убежден в поражении своего противника.

– Прошу тебя, одумайся, Марк, – тревожно шептала Ева, обняв его со спины, когда он стоял у окна. – Каждый раз дуэль – это смертельный риск! Царю когда-нибудь это надоест, а в Сибирь никто не хочет.

– Это дело чести, – равнодушно произнес он.

– Дело чести – быть выше таких беспринципных личностей, как Берднев, – в жизни Ева такого ни за что не сказала бы. Марк развернулся к ней и, опустив голову, всмотрелся в ее беспокойные глаза. – Просто пойми, я боюсь, что ты не вернешься с очередной дуэли.

– Боишься? Або ждешь? – усмехнувшись, он вскинул бровь.

– О чем ты таком говоришь? – Ева настороженно отступила на шаг назад.

– Я знаю все о ваших письмах. В свете всем известно, что между вами происходит общение... Ты даже не пыталась от нас сокрыть сие. А эти анонимные послания... Владислав получит то, чего хочет – придет его смертный час, – с гордостью провозгласил Марк, затем посмотрел на Еву. – А ты... Что же. Твое имя теперь не только твое, – Марк направился к выходу из кабинета, но Ева его удержала за плечо, обняла. – Что же это значит, душенька?

– Я не могу тебя отпустить, не смогу, – в ее глазах блестели слезы. – Я же... – не сумев подобрать подходящих слов, Ева руками обвила шею Марка и поцеловала его».

– Апчхи!

– Да будь ты трижды семь раз здоров, Марк, – хихикнула Романова, которой было неловко рассказывать о настолько откровенных моментах сна, и она была невероятно рада прервать описание подробностей.

– Продолжай, чего уж. На самом интересном моменте остановилась, – лукаво улыбнулся немец, поймав потупленный взгляд Евы. – Мне, конечно, интересно, почему тебе приснилось такое, но анализировать не буду... – Романова облегченно вздохнула. – Ан нет, уже проанализировал. Видимо, я либо тебе слишком нравлюсь, либо ты слишком много обо мне думаешь. Продолжай в том же духе! – парень хлопнул ее по плечу.

– Помолчи, а? – сердито буркнула Ева. – А то больше не буду рассказывать.

– Все. Молчу, – сделав вид, что застегнул рот на замок, Марк замолчал.

– Хорошо... Значит, они поцеловались...

– Мы поцеловались.

– Марк!

– Ладно-ладно, все, молчу.

– Но ей не удалось отсрочить дуэль, назначенную на другой день...

«Но ей не удалось отсрочить дуэль, назначенную несколько позднее и по иным обстоятельствам. Тогда Владислав был женат на сестре Натальи Гончаровой, Екатерине, чья роль – cameo принадлежала Кире Савановой. Зима. Место встречи под Городом на Костях. Секундантом Влада выступал его старый приятель, Станислав Котлуков, игравший ныне роль виконта д'Аршиака. На удивление Евы, секундантом Марка выступил Егор Костенко, ставший во сне не

просто подполковником Данзасом, но и лицейским другом героя.

– Я смотрю, вы не струсили, Берднев, – с насмешкой произнес Марк, сняв цилиндр и отбросив его в сторону.

– Я смотрю, вы все еще живы, Зильберштейн! И по-прежнему безумны.

– Слова абсурдны. Нет подтверждения моему безумству.

– По моим подсчетам, это ваша двадцать первая дуэль. Конечно, не все из них состоялись, но, тем не менее, позабыть об этом не можете. Как с нашей дуэлью, сударь, вы вынудили меня отправить письмо при помощи моего любезнейшего товарища Станислава».

– Апчхи!

– Марк, да ты задрал уже! – возмутилась девушка, совсем сбившись с мысли.

– Прости меня, – насупился Зильберштейн. – Вечно в самом интересном моменте.

– Хорошо, что хоть не засыпаешь, когда тебе скучно, – мило улыбнулась Ева.

– Вообще-то засыпаю.

– Так вот почему ты тогда лежал на уроке физики, – задумалась Ева. – Ладненько, продолжим. Условия дуэли...

«Условия дуэли были смертельными и не оставляли шанса уцелеть обоим противникам. Во время противостояния Марк получил ранение в живот и упал после выстрела Влада, но не стал прекращать

дуэль. Удивительно, что дрогнула рука Зильберштейна – ежедневные тренировки не смогли справиться с врожденной физической немощью, которые все-таки подвели, как и трость пудовым весом. Дуло пистоля забилося снегом, и он приказал сменить оружие. Стас хотел было возразить, но Влад надменным взглядом остановил приятеля. Марку дали другой пистолет, ответным выстрелом которого он легко ранил Влада в правую руку.

Рана Марка оказалась смертельной. Его перевезли в дом под номером... нет, во сне номера не было видно, но из учебников по литературе можно узнать, что он был двенадцатым. Как бы доктора не боролись за жизнь поэта, прожил он около двух суток. Ева, которая была на грани обморока, сидела у кровати Марка и со слезами прощалась с ним.

– Встретимся в следующей жизни, Ива, – на прощание прошептал Зильберштейн.

Когда его дыхание оборвалось, постоянно всхлипывая, девушка поцеловала его чело».

– Эмм... – парень, который никак не мог представить себя в новом образе, удивленно посмотрел на одноклассницу, которая смущенно опустила взгляд. – Все-таки я не понимаю, откуда столько драматизма? Ладно, я еще могу понять, почему я Пушкин, но вот откуда ты Гончарова?

– Ну, вроде по отцовской линии во мне есть дворянская кровь.

– Забавно... – парень на какое-то мгновение задумался. –

Постой. Откуда ты знаешь имя моего отца?... Я всегда представляюсь вторым именем.

– Если честно, не помню... Сорока принесла.

По телевизору шла какая-то реклама подряд, ребята пропустили серию того шоу, которое смотрели. Марк отсел от Евы на свою кровать, забрал у нее пульт и начал бездумно переключать телеканалы. Романова, порядком уставшая за этот день, отправилась в душ, схватив на автомате с собой сумку, поскольку не стал абы она переодеваться при немце, верно?

В итоге Ева легла намного раньше одноклассника. Пока ее не было, он успел вскипятить себе чайник и заново приготовить лекарство, смотря при этом какой-то фильм ужасов. Крики и вопли с экрана никак не помешали девушке попытаться заснуть – во всяком случае, потому что она уже смотрела тот фильм. Переодевшись в свободную футболку с поблекшим Микки Маусом и шорты, она мигом улеглась под одеяло. Зильберштейн с умилением наблюдал за тем, как Ева первые минуты ворочалась, пряча голову под подушку. Вскоре Морфей ее встретил, и Марк, тихонько поднявшись, теплее укрыл приятельницу, склонившись над ней, и прошептал:

– Gute Nacht²³.

На завтраке Кира в ярчайших подробностях рассказыва-

²³ Gute Nacht – спокойной ночи (нем.)

ла, как они со Стасом провели ночь – сначала «шатались по отелю», а когда их чуть не подловила Анна Александровна, пошли кататься в лифте. Позже то ли в карты на желания играли, то ли в бутылочку, но из номера Насти они ушли только в полчетвертого, если не позднее. У них была удачная прогулка, о чем Ева слушала с белой завистью – не то чтобы она хотела также, возможно, с Владом, но это, пожалуй, всяко интересней, чем сидеть в номере с Марком.

Кроме этого, было кое-что, волновавшее Романову значительно больше, чем впечатления от Города на Костях. Ее мозг усиленно анализировал информацию о ММР, хотелось выйти в Интернет. Но у нее даже не было элементарной возможности посетить какое-нибудь Интернет-кафе.

– А у вас как прошла ночь с Марком? – игриво улыбнувшись, поинтересовалась Кира, размешивая сахар в кофе. – Надеюсь, ничего сверхъестественного?

– Ничего, – кивнула девушка. – Где-то в одиннадцать я легла спать, а Марк всю ночь смотрел телевизор. Без понятия, как он сейчас собирается встать.

– Ты же говорила, что вы не поедете на экскурсию, – напомнила подруга. – Планы изменились?

– Изменились. Марк заявил, что хочет побывать в Екатерининском дворце. Кто я такая, чтобы ему мешать? – усмехнулась Ева и посмотрела на вход в гостиничную столовую. – О, а вот и наша принцесса.

Утро Зильберштейна началось сурово – трехчасового сна

ему было мало, но, так или иначе, на завтрак он явился при полном параде, чему не помешала даже внезапная болезнь. Естественно, в сапогах, о чем, кажется, больше не имеет смысла упоминать, как и об обтягивающих скинни. На свободной черной толстовке был изображен красный Че Гевара.

– ГуттЕн МоргЭн, – поздоровалась Кира, помахав немцу. Его лицо перекосила гримаса гнева, но когда девушка при-
молкла, Марк усмехнулся и, взяв от соседнего столика стул, подсел к подругам:

– Ну, что у вас на уме, дамы?

– Еда, – произнесла Саванова.

– Сон, – добавила Ева.

– И мальчики, – глянув на Стаса, сидевшего за столиком у окна, улыбнулась Кира. – В общем, все, как обычно. У тебя что, Зибер?

– Ты сокращаешь мою фамилию? – с недоумением спросил Марк.

– Что в этом такого?

– Да ничего особенного, Red Head, – удовлетворенно произнес немец. – У меня же... Хм. Наверное, «Post Blue»²⁴, «To sir with love»²⁵ и «The Persistence of Memory»²⁶.

²⁴ «Post Blue» – «Пост-депрессия» (англ.), песня группы Placebo.

²⁵ «To sir with love» – «Учителю с любовью» (англ.), фильм ужасов, 2006 год, Южная Корея.

²⁶ «The Persistence of Memory» – «Постоянство памяти», картина Сальвадора Дали.

– Твои мысли когда-нибудь бывают понятными?

– Первое – это песня Плацебо, – кратко пояснила Романова. – Остальное, наверное, в таком же духе.

– Не угадала, Плэсибо, – ухмыльнулся Зильберштейн. – Второе – фильм, третье – картина. Мы же в культурной столице, нельзя позволять себе не думать о возвышенном!

Правда, не совсем это беспокоило Марка. На самом деле он все еще отходил от фильма ужасов, который посмотрел ночью. Черт знает, почему он решил сделать это, но в комнате стало чрезвычайно жутко, несмотря на мирно спавшую рядом Еву.

– Кто о чем, – хмыкнула Романова и посмотрела на часы, висевшие над двустворчатыми дверьми. – Лично мне бы хотелось выбраться в какое-нибудь кафе с wi-fi, хочу войти в сеть.

– Нафига? – пришла в изумление Кира.

– Да вот, хотелось бы почитать о ММР.

– ММР? – переспросил Зильберштейн и продолжил севшим голосом. – То бишь, МетамфетоМиР?

– Ну да, а то все-таки интересно, что стало с группой после смерти Христины, – пожала плечами девушка. – У них же классные песни были, верно? – вопросительно посмотрела на Саванову, в ответ та покачала головой.

– Если хочешь, могу дать тебе послушать на телефоне, у меня есть парочка.

– Почему тебя так заинтересовала история ММР? – поин-

тересовался Марк, незаметно пододвинувшись к Романовой, и заговорщицким шепотом добавил: – У меня есть информация, которая может тебе пригодиться, но задаром ты ее не получишь. – И, улыбнувшись, парень резко отодвинулся, из-за чего чуть не упал со стула.

Вырезки из газет и журналов не первой свежести хранились у Марка в небольшой фиолетовой пластиковой папке. В том числе там было несколько статей как о самой группе МетамфетоМиР, так и о загадочном убийстве, о котором Романова планировала хоть что-то разузнать по приезду домой. Немец никак не стал комментировать свою коллекцию, только, уходя, сказал, что это не его вещи, с ними нужно обращаться деликатно. Ева не придала его словам особого значения. У нее было около получаса на ознакомление с досье до того, как в лобби начнется собираться экскурсия.

«МетамфетоМиР – российская группа, образовавшаяся в 2005 году. Получила популярность благодаря таким песням, как „Семнадцать“, „Современный миф“ и „Налей кефиру мне, малышка“. Постоянный состав группы неоднократно изменялся, ныне в него входят Христина „Тина“ (19) – вокал, ритм-гитара, Артем „Кай“ (19) – клавишные, бэк-вокал, и Игорь „Дария“ (20) – соло-гитара. В начале лета 2006 года у ребят начался тур по городам России, затем они отправились в страны Прибалтики, где их встретили не менее радушно.

Следующий их альбом, „Never Give In“ („Никогда

не сдавайся“), выход которого был запланирован на осень 2007 года, по мнению критиков должен был стать второй волной успеха для команды. Первый сингл с альбома „Кай и Герда“ был выпущен в августе, и был он посвящен возлюбленной Кая, в свою очередь являвшейся подругой и источником вдохновения Христины, Эмили Вальтер, трагически погибшей в день презентации.

(имя Эмили Вальтер было выделено красным маркером, и Ева автоматически зацепилась за него, но продолжила читать).

Христина посвятила этот альбом своей подруге, без которой она, по ее же словам, никогда бы не решилась создать группу. Deluxe Edition²⁷, запланированное на зиму, будет содержать также новые песни, написанные в память об умершей девушке».

Вместе со статьей из журнала была любительская черно-белая фотография коллектива. Да, это действительно были те ребята с плаката, увиденного ранее Евой. Имя Эмили девушке казалось незнакомым, но она никак не могла выбросить его из головы.

– Ты еще не закончила? – внезапно открылась дверь, и внутрь заглянул Марк. Ева отрицательно помотала головой. – Ja, verstehen.

Стоило двери закрыться, как Романова принялась за следующую статью, видимо, вырезанную из местной районной

²⁷ Deluxe Edition – подарочное, «улучшенное» издание.

газеты, в которой были и слухи, и небольшие обзоры городских новостей. Вот оно! Заголовок гласил, что в районе N найдена девушка, чья личность не опознана. Предположение о темной стороне ее жизни было такое же, как и у Евы – куртизанка, причем разодетая как на последний бал. Девушку представили в негативном свете, будто та была наркоманкой, зарабатывавшей на дозу своим телом. Ева с неприязнью читала каждую строку и чувствовала, что слова лживы. Журналист выстроил свою версию, почему могла быть убита жертва – задолжала деньги драгдилеру, и тот (или подручные) ночью, подловив ее у подъезда, сделал черное дело.

В другой газете информатора привлекло больше не это, нет, даже не известная татуировка и вполне узнаваемое лицо, а то, что на теле девушки была вырезана двойка (на боку тела, были видны ребра). Причем, сделано это было невероятно аккуратно, – подчеркивалось в газете.

Впрочем, акцент статьи делался не на какой-либо «порочности» убиенной, а на почерке убийцы.

На мгновение Ева отвлеклась от чтения и посмотрела в окно, серьезно задумавшись, та ли информация у нее в руках, источник был довольно-таки мутный. Сталось, она наткнулась на очередную «утку», где большинство фактов – коммерческая фантазия автора. Снимок репортера убедил ее, что речь шла о том самом убийстве.

Накрытое черной непроницаемой пленкой женское тело, из-под которого виднелись светлые кудри и рука, сжатая в

слабое подобие кулака. На заднем фоне дверь подъезда, хорошо, что хоть Еву не сфотографировали с открытым ртом, наблюдавшую за происходившим. «Надо же, какие мерзотности нонче печатаются! – с отвращением подумала Ева. – Может, именно поэтому не сообщили о причине смерти?»

Также под снимком с места преступления говорилось, что в одном из карманов жертвы была обнаружена записка, которая ныне на экспертизе: «Мне кажется, что в мыслях ее голос. Я говорю им, думаю. О нем, о ней, да обо всем. Кем стал я времени иначе? Оставьте! P. S. Э. В.». Взгляд Евы поневоле зацепился за знакомые инициалы, оставив в сознании лишь небольшую заметку. К сожалению, текст был размыт, поэтому достоверно разобрать содержимое не представлялось возможным, и за полный смысл сообщения никто не мог нести ответственность. Еще не установлено, относилась ли записка к убийству или нет. «Быть может, The Поэт, писавший ранее стихи своим жертвам, перешел к новым методам?»

Все же автор усомнился в общепринятой гипотезе и выдвинул свою: это мог быть The Поэт или его последователи, впрочем, имени убийцы он не упомянул, написав:

«Неужели, Он вернулся? Или это какой-то „шутник“ пытается повторить Безумца?»

«Почему „он“ с большой буквы? – удивилась Романова, перечитав предложение. – Насколько я знаю, с большой буквы пишутся все упоминания Господа, даже местоимение „Его“. Они что, сравнили этого The Поэта с Всевышним? –

недоуменно сделала заключение девушка, все еще находясь из-за первых нескольких абзацев в прострации».

Отложив листок недорогой бумаги, годной для солдатского туалета, Ева обратила внимание на другой, не менее важный, заголовок. Вырезка из какого-то журнала о знаменитостях. О смерти Христины Рихтер, известной более как Тина из группы МетамфетоМиР, называемой иначе как ММР. Ее тело было найдено на той улице, где она сама когда-то жила до начала карьеры. Соплемянники и поклонники в трауре. Выпуск нового альбома отложен на неопределенное время, тур отменен и не факт, что будет продолжен. Участники трио наотрез отказываются комментировать что-либо.

Но так и не было упомянуто, каким именно образом была убита девушка; также ни единого слова о загадочном убийстве 90-х. «Причины смерти по-прежнему остаются неизвестны, – прочитала Ева под фотографией папарацци, где Христина расписывалась на фотографии для поклонника, – но из первоисточника нам известно, что это убийство. Неужели кто-то мог покушаться на жизнь Христи?».

«Почему в этих заметках не прослеживается связь? Будто говорится о смерти двух разных людей»

«У приближенных Христины нам удалось выяснить, что девушку нашли мертвой на той же самой улице, что и ее близкую подругу – Эмилию Вальтер – по-вашему, настолько крепки дружеские узы, чтобы умереть рядом? Или это – невероятное совпадение, ценою в жизнь?»

– Значит, на этой же самой улице была найдена Эмилия Вальтер... Но кто же она такая? – задумчиво пробубнила Ева, хмурясь. Она пристально смотрела на вырезки, будто бы надеялась, что они могут показать ей истину. Она никак не могла выбросить из головы инициалы, которые совпадали с инициалами девушки. – Если в газетах говорилось об одном и том же, значит...

– Хей, Ива, ты еще долго? – нетерпеливый Марк распахнул дверь и заглянул в комнату, не решаясь зайти. – Я, конечно, все понимаю, разбираться с бумагами достаточно интимное дело, но, черт, все-таки я тебя жду.

– Зачем ты меня ждешь? – развернулась Ева и посмотрела на одноклассника, который в ответ лишь усмехнулся и облокотился на дверной косяк. – Марк, ты случайно не знаешь, кто такая Эмилия Вальтер?

Он задумчиво поднес палец к подбородку, но, после нескольких минут раздумий, отрицательно помотал головой. Обескураженно вздохнув, она собрала бумаги и сложила их обратно в папку, после чего Зильберштейн все-таки решил зайти в комнату.

– Тогда почему у тебя ее имя было обведено в каждой статье? – пристально посмотрев, спросила Ева. – Вот, смотри, в этой статье, – и она протянула однокласснику вырезку, поведовавшую о феномене МетамфетоМиРа.

Быстро пробежавшись взглядом по строкам, Марк вновь помотал головой, добавив:

– Нет, не знаю. Это, на самом деле, не я собирал, мне МетамфетоМиР никогда не нравился, – равнодушно сообщил Зильберштейн. Ева удивленно вскинула бровями:

– Да ладно? А чего ж тогда с собой таскаешь эту «макулатуру»? – для большего эффекта Ева пальцами показала кавычки. Немец, с неким презрением посмотрев на приятельницу, сел на кровать и попытался высказаться как можно короче, что у него не особо хорошо получилось:

– Понимаешь, это не совсем моя коллекция. Там собрано много про МетамфетоМиР и то, что в итоге стало с группой, – парень говорил достаточно уверенно, но в его голосе слышалась нотка беспокойства, – но мне это неинтересно. Главная моя задача – сохранить ее целой, поскольку именно я несу ответственность.

– Ты ее дополнял?

– Последние две вырезки, ја, – утвердительно кивнул Марк.

– Почему, если ты говоришь о сохранности, взял папку с собой?

– Вот именно для этого. Если бы я оставил ее дома, то мама могла бы включить пылесос. Она не одобряет «мои бумажные игрушки», как Mutter²⁸ их называет, считая этого своего рода манией или фанатизмом. В каком-то смысле она, определенно, права, но повторяюсь еще раз – меня совершенно не волнует МетамфетоМиР.

²⁸ Mutter – мать (нем.)

Романова толком не слушала, о чем говорил Марк, скорее, она наблюдала за его речью – она была довольно-таки правильной и не резала слух. Может, все его речевые ошибки были чем-то вроде привлечения внимания?

– Ты сейчас специально стараешься говорить загадками?

– Импровизирую, – хрипло усмехнулся парень. – А на самом деле... Просто я не знаю, как объяснить иначе, не прибегая к подробностям личной жизни.

– А что, на темы личной жизни табу?

– Не то чтобы... Просто, если ты еще не заметила, мы с тобой никогда не разговаривали о таком.

– Можем попробовать пообщаться, я, в принципе, не против, – белоснежно улыбнувшись, предложила Ева. – Скажем так, новый этап отношений.

– Интересное предложение. Может, ты начнешь?

– Хорошо, – охотно согласилась Ева, – но с чего?

– Ну, скажи, допустим, был ли у тебя такой человек, близкий, ради которого ты готова пойти на многое?

– Эмм... – девушка неуверенно посмотрела в сторону. – Наверное, ну, родители. А что?

– Я не совсем это имел в виду. Исключая кровные узы, – Марк усмехнулся. – Впрочем, мне кажется, я уже знаю ответ. Девушка обиженно засопела.

– В общем, соль не в том, был у меня кто близкий или нет – скорее, это был вовсе не близкий человек, каковым я мог его считать, но, тем не менее, я продолжаю блюсти то, что

в свое время начал он – коллекционировать общедоступную информацию про МетамфетоМиР.

– Если не секрет, кем был этот человек? – с интересом в глазах спросила Романова.

– Не секрет, конечно же, – добродушно отозвался Марк. – Моя сестра, но, ты только не обижайся, я не горю желанием рассказывать о ней. У нас были паршивые отношения, и, мне кажется, я должен перед ней извиниться... Давай, я как-нибудь тебе в другой раз об этом расскажу, хорошо?

С романтической точки зрения поездка в Город на Костях была замечательна – на второй день у Киры со Стасом завязались отношения, да так, что их видели не только державшимися за руки, но и целовавшимися. Прошел слухок, что между ними было нечто большее – эта новость появилась в школьном блоге, о котором я расскажу в следующий раз. Тем не менее, это были всего лишь слухи, которыми обожали делиться ученики школы Зверя.

Самочувствие Марка, сравнительно с предыдущим днем, заметно улучшилось, несмотря на сердитый вид из-за отсутствия очков. Еве же было немного обидно от того, что подруга позабыла о ней в связи с новой страстью, впрочем, Зильберштейн с радостью составил приятельнице компанию. Во время того, как класс в автобусе ехал до Екатерининского дворца, парень увлеченно что-то рассказывал. Романова, выглянув в проход, увидела сидевших вместе Киру и Стаса – он

приобнял девушку, и они вместе слушали музыку. Еве стало почему-то так горько, словно ее забыли, как мимолетный сон. Все получали удовольствие от поездки, а она гонялась за подробностями какого-то убийства в силу того, что больше ничего ее не привлекало.

– ...но потом мне надоело отвечать на ее сообщения, и я ее начал тупо игнорить, – воодушевленно рассказывал Марк, но потом, заметив, что Ева смотрела куда-то в сторону, прервался. – Хей, Иви, что с тобой?

Почувствовав себя одинокой, Ева недовольно фыркнула и повернулась к Марку. Она прильнула к нему, внезапно обняла его и положила голову на грудь, и его рука машинально плавно опустилась на плечо девушки. Парень в недоумении посмотрел на одноклассницу, хотя внутри что-то екнуло; она бездумно уставилась в спинку кресла.

– Наверное, это слишком странно, – в итоге пробубнила она.

– Знаешь, да, – улыбнувшись, кивнул Марк. Но он быстро скрыл улыбку за безразличием, как делал то раньше.

– Я решила, что смогу почувствовать себя Кирой... ну, то бишь быть такой же счастливой, как она, – Романова выкарабкалась из объятий. – Извини.

– Не за что просить прощения, – хмыкнул одноклассник. – Обниматься всегда довольно-таки приятно, по крайней мере, это тепло. Просто... ну, наверное, остальные подумают что-то не то, ты ведь из-за этого, ja?

– Йа-йа, натюрлихь.

– Выучила из рекламы пива? – скептически глянув на одноклассницу, спросил немец.

– Из нее, ага.

– А вообще, Иви, не парься ты из-за этого – насчет обниманий я настроен спокойно, гаптофобией не измучен, впрочем, к излишним прикосновениям отношусь с подозрением, мол, чего это вы все ко мне, как мухи на гуано, – тепло ухмыльнулся Марк. – Не сомневаюсь, все у тебя будет круче, чем у Киры.

– Хорошо, – Еве было невероятно приятно услышать подобные слова, а уж тем более от Марка. Иллюзия проблем растаяла мгновенно. – Марк, а ты классный.

– Ты тоже ничего, Ева.

Девушка все-таки положила голову на плечо приятеля, взяла под локоть и прикрыла глаза, улыбаясь своим мыслям. Возможно, она, по своему скромному мнению, обрела нового друга. Зильберштейну было приятно смотреть на Еву, но он старался больше не коситься на прекрасную соседку, чтобы не привлечь к ситуации особенно досужих и дерзких на язык. За некоторое время, проведенное вместе, он успел заметить, что девушка зависела от общественного мнения. Его это удручало. Сам он никогда не переживал, как относится к нему publicity²⁹, засим искренне не воспринимал школьную субординацию, по которой ребята выстраивали иерархию –

²⁹ Publicity – общество (англ.)

с кем можно общаться, а кто этого не достоин. Он считал окружающих шаблонными, калькой неправильного взрослого социума, но у Марка было такое глупое чувство как надежда, что Ева не настолько зомбирована.

Экскурсия началась в два часа дня, туристов было немного. Учеников разделили на две группы. Ева и Марк были в той, за которую отвечала Анна Александровна. Экскурсоводом была женщина средних лет, увидев которую, Романова сразу же вспомнила о том гиде из своего мимолетного видения. Может быть, она действительно встречала ее прежде, поэтому лицо показалось ей знакомым, или просто похожа на кого? Ева встряхнула головой, прогоняя странные мысли.

– Екатерининский дворец был заложен в 1717 году по приказу Екатерины Первой, под чутким руководством немецкого архитектора Иоганна Фридриха Браунштейна, – повествовал экскурсовод. Звали ее то ли Анна, то ли Алла; то ли Владимировна, то ли Вадимовна. – Здание представляет образец позднего барокко...

Не в силах сосредоточиться на монологе, Ева постоянно смотрела по сторонам; сначала она хотела найти ту сладкую парочку, которая незаметно увильнула с другой группой из передней зала, затем решила пошептаться с Суриковой, втихоря читавшей модный журнал, – девчонки обсуждали, какого цвета сапоги лучше брать на зиму. Марк с усмешкой наблюдал за неугомонными одноклассницами, но вскоре ему это наскучило, и он продолжил слушать экскурсовода.

Нагнать вторую группу удалось примерно через полчаса, когда была пройдена восстановленная янтарная комната. Романова заметила, что Кира и Стас отстали, и решила посмотреть, где они. Естественно, она их обнаружила в янтарной комнате, где никого, кроме них, не было. Во время поцелуя они ее не заметили, и Марк вовремя вытянул приятельницу из помещения. В одном из залов школьникам разрешили фотографировать. Сказать, что Марк не умел фотографировать – ничего не сказать. На одном снимке, сделанном им, у Евы не было шеи, а на другом не вошел подбородок. В конце концов, когда девушка уже порядком устала улыбаться на фоне живописного окна, она забрала фотоаппарат и самостоятельно продолжила снимать местные артефакты, как бы Марк не пытался мешать этому.

– Улыбочку! – направив объектив на приятеля, произнесла Романова. Марк поднял большой палец вверх, улыбнулся, обнажив идеально ровные зубы.

В фокусе. Вспышка.

В конце экскурсии рассказали о восстановлении Екатерининского дворца после Великой Отечественной войны, которое продолжалось до сих пор. Для контраста показали изображение послевоенных развалин. Марка это настолько впечатлило, что слушал он чуть ли не с открытым ртом. Когда экскурсия подошла к завершению, парень достал из кармана кофты блокнот с ручкой и начал судорожно что-то записывать, не упуская свою музу.

Незапланированная прогулка по парку Екатерининского дворца выдалась скверной из-за холодного моросившего дождя. Кто-то побежал покупать сувениры, а кого-то привлекли стеклянные разноцветные цветки, стоимостью около полутора сотни. Девочки падкие на все яркое и блестящее, поэтому они первыми рванули в крохотный киоск, размером с собачью будку, стоявший под огромным дубом. Достав из сумки темно-зеленый зонт, Анна Александровна встала в начале тропы, куда в скором времени должен был подъехать автобус. Следить за детьми ей не нравилось, но справляться с ними было всяко проще, когда рядом была Галина Николаевна, учитель со стажем, легко находившая общий язык с детьми. Девятый «А» был первым классом в начале тернистого жизненного и профессионального пути Анны Александровны, словом, *Per Aspera Ad Astra*³⁰. И она справлялась довольно-таки неплохо.

Созвонившись с фирмой, у которой заказывали автобус, Галина Николаевна подошла к коллеге и с упоением стала наблюдать за детворой, обсуждавшей, как ей казалось, свежие впечатления. Ева Романова, никогда не выделявшаяся из толпы, увлеченно фотографировала дворец вместе с ансамблем с разных ракурсов, затем перешла на съемку однокашников. Кира Саванова, невероятно яркая внешне и совершенно непонятная внутри, гуляла за руку со Стасом, чьи оценки оставляли желать лучшего, но, впрочем, парнем он

³⁰ *Per Aspera Ad Astra* – через тернии к звездам (*лат.*) (с) Луций Анней Сенека

был неплохим – всегда был готов помочь по первому зову. Таня Пуголовкина лбом прислонилась к витрине с теми стеклянными цветочками, скорее всего, она купит себе один, но свой любимый, розовый. Сурикова с отрешенным видом стояла спиной к подруге, нацепив солнцезащитные очки и надев наушники, по очкам стучал дождь, но ей было плевать. Сурикова всегда выглядела пафосно (особенно в костюме Винни Пуха). Но даже наушники не смогли уберечь ее от писклявого вскрика Тани, увидевшей «миленькую розовенькую шняжку»; девушка раздраженно обернулась и что-то сказала старосте.

– А когда-то и ты была такой, Анечка, – с непонятной гордостью произнесла Галина Николаевна. – Ты же у меня училась, верно?

– Да, у вас, – кивнула та, продолжая смотреть за подопечными.

– Кстати, что ты планируешь делать с Егором? Я слышала от твоих девчонок, что он опять что-то натворил.

– Ничего я с ним не собираюсь делать. Родителям говорить бесполезно. На меня не реагирует. Ребята с ним разбираться не хотят, – Анна Александровна покачала головой, – один только Марк не побоится его осадить. Может, он ему вправит мозги, если будет подходящая «головоломка».

– Зильберштейн? – обеспокоенно уточнила учительница. – Ох, Анечка, прошу, присмотри за парнем.

– Что же в нем такого особенного, что Вы так о нем оза-

ботились?

Тем временем Марк, оставшийся в одиночестве, уселся на скамью, смахнув с нее дождевые капли, и, положив на колени свою небольшую сумку, достал из нее приготовленный его матушкой пудинг, упакованный в банку из-под майонеза.

– Тяжелое детство у ребенка было, – опечаленно выдохнула женщина. – С отцом у него были очень... напряженные отношения, поэтому вырос он без него. Слава Богу, что ему помогали сестра и мама.

– В наше время многие растут в неполных семьях.

– К сожалению, это так. Только не над всеми в детстве издевались родители. Одному Богу известно, что пришлось пережить этому чудному юноше, но мне бы не хотелось, чтобы у него вновь были проблемы со сверстниками. Ты пойми, у него вовсе не дрянной характер, – как бы то ни было, характер Марка все-таки не был примером для подражания. – Возможно, минувшие проблемы оставили глубокий отпечаток на психике.

Выдержав скромную паузу, Анна Александровна, размышляла; во-первых, взглядом отыскала Зильберштейна, за обе щеки уплетавшего содержимое майонезной банки, во-вторых, она выглядела Еву, с интересом показывавшую снятое за день. Такие разные.

– Ну, Марк неплохо общается с Евой, – не то чтобы женщину нисколько не тронуло то, что поведала коллега по поводу ученика. Просто она не знала, как правильно отреаги-

ровать в данной ситуации.

– Дай Бог, если так.

Почему так много Бога?

– Люблю хэппи энды, – сдержанно улыбнулась Ева, когда они с Марком вышли на миниатюрный балкончик. Одноклассник, хлюпнув носом, согласился и закурил, вежливо предложив однокласснице. – Нет, спасибо. Мне больше нравится, как пахнет. Знаешь, иногда табак пахнет намного приятней, чем самые дорогие духи. Хотя, как я заметила, самые дорогие – это те, что брендовые, а я больше по селективам.

– Парфманьячка что ли? – усмехнулся Марк.

– Немного, – улыбка Евы вмиг стала смущенной. – Мне очень нравится твой парфюм.

– А ты неплохо разбираешься в запахах!

– Это точно, – кивнула девушка и печально добавила: – Но еще от Влада вкусно пахнет, мне нравится.

– От Бреднева-то?

– Почему Бреднева?

– Потому что он – бред.

– Бред – это то, что я никак не могу выбросить из головы тот странный запах, – отстраненно сообщила Романова, не решившись заступаться за друга.

– Что за «тот» запах?

Она неуверенно закусила губу.

– Рядом с той мертвой девушкой очень специфично пах-

ло...

– Покойники гниют, разлагаются, – усмехнулся Зильберштейн, сделав затяжку.

– Нет, не то. Это был такой... терпкий аромат, но холодный. И привкус как у крови, – Ева сжала руку в кулак.

– Удовый.

– Прости, что?

– Удовый запах – это смесь лекарств и свежей крови. Такие у «Свободной Республики Апельсинов» и «Montale» – они занимаются их созданием. – Марк на минуту замолчал. – Кстати, тебе помогла как-нибудь моя коллекция?

– Можно и так сказать, – Романова сложила руки за спину. – Следуя ей, некий The Поэт вернулся. Жертвой под вторым номером, очевидно, стала участница группы МетамфетоМиР, что ты уже и сам мог заметить, если собрал, на первый взгляд, совершенно несвязанные статьи.

– Ты весьма наблюдательна, только, прошу, не смей корчить из себя детектива, – скривился Марк. – Тошно от таких интриганов. Но по поводу The Поэта – случай очень интересный. Когда я изучал историю нашего округа, то кое на что наткнулся. Когда вернемся домой, покажу тебе мои наработки. Возможно, проанализировав, сумеем обнаружить что-нибудь новое.

– Жду не дождусь! Чувствуется, нас ожидает нечто интересное, – Ева любила, когда люди говорили с ней на интересные ей темы, а поскольку это бывало редко, то она от

переизбытка эмоций обняла Марка за шею. В принципе, к подобным сюрпризам он уже привык, но в этот раз все вышло немного иначе: собираясь отпустить приятеля, Ева на какое-то время замешкалась, внимательно посмотрев в глаза парня и томно приоткрыв рот. Не правда ли заманчивый момент для того, кто хочет сделать первый шаг? Но вместо этого Марк, наклонив голову, чихнул, и Романова отпустила его. Мне кажется, ей не понравился такой поворот событий, или она просто поняла, что поцелуй стал бы фатальной ошибкой для только начавшейся дружбы. – В общем, я пойду спать. Спокойной ночи. Не засиживайся!

– Гребаный Город на Костях! – выругался Марк, кинув окурок вниз.

– Марк? – на соседнем балкончике показалась Анна Александровна.

– А, здравствуйте! – несколько ошарашенно произнес парень.

Думаю, эта поездка ребятам еще не скоро забудется, а впереди их еще поджидали сюрпризы.

– Что ты делаешь в номере Евы после отбоя?

Ноль – четыре. Hair back, collar up, jet black, so cool

*Looking at myself in the broking mirror
Eve my reflection now I hated
Hard to tell myself that isn't real
When everybody saying
That you are loser*

(Mushmellow – «Loser»)³¹

Декабрь. 2007 год.

Ничем не примечательное декабрьское утро. Приближалась пора тренировок новогодних танцев, если конкретнее – вальса, в которых участвовали ребята с седьмого по одиннадцатый. От каждого класса должны были представлены минимум три пары (естественно, минимум не соблюдался). Заявки на участие надо было оставлять у классного руководителя, затем, как правило, через несколько дней начинались репетиции после уроков. Помимо присутствия на репетициях кому-то надо было подобрать красивое платье, а кому-то прийти хотя бы в парадных штанах, накрахмаленной рубаш-

³¹ Смотря на свое отражение в разбитом зеркале, Ненавижу даже его. Трудно объяснить себе, что это не так, Когда все говорят, Что ты неудачник. Mushmellow – «Неудачник»

ке и лаковых штиблетах. Торжество происходило двадцать восьмого декабря, в последний учебный день перед зимними каникулами. На выступление приходили посмотреть родители; конечно, кто был бы не рад увидеть своих чад, участвовавших в настолько грандиозном, по меркам школы Зверя, зрелище? Большинство считали участие в новогоднем концерте престижным, учитывая, что это могло улучшить отношения с учителями.

Но, как правило, сами ученики были от него не в восторге – после всего это цирка начиналось жалкое подобие дискотеки, а пришедших родителей отводили на какое-то чаепитие в столовую, где они с притворной любезностью общались друг с другом и педагогами.

Конечно, были и такие ребята, которые всегда хотели попасть на данное мероприятие в качестве участников, но каждый раз им что-то в этом препятствовало: то все пары составлены задолго до объявления о наборе, то никто даже не хочет быть твоим партнером из-за того, что ты кого-то не устраиваешь... В общем, не все оказывались в счастливых парочках.

К Еве это, конечно же, не относилось. Она была примером для подражания – как только она перешла в седьмой класс, так ее немедленно завербовали в состав постоянных участников шоу, поскольку на нее всегда можно было положиться. Влад также относился к этим ребятам, и у Романовой было желание участвовать в этом году в паре именно с ним, но ей больше всего хотелось, чтобы это предложил Влад собственной персоной, иначе бы она попросту отказалась от участия. Осточертело ей каждый раз возвращаться в семь часов после школы, а уж тем более зимой.

– Guten Morgen³², Ива, – поздоровался Марк перед первым уроком, в то время как в кабинет русского языка постепенно стекались одноклассники.

– Утро добрым не бывает, – хмыкнула девушка и выжидающе глянула на дверь. Влада все еще не было. В этот день Анна Александровна должна была объявить о наборе для бала. Ева догадывалась, что в этом списке учительница хотела бы увидеть не только ее и Влада, но и Киру, которая в

³² Guten Morgen – доброе утро (нем.)

последнее время была слишком занята на своих спортивных танцах. – Слышал о таком?

– А ты слышала о том, что скоро провозгласят объявление?

– Чего это ты еврейничаешь и отвечаешь вопросом на вопрос?

– Чем тебе не угодили евреи?

– Просто так говорят, – пожала плечами девушка. – Ладно, что там насчет танцев?

– Эмм... – Марк смущенно отвел взгляд и почесал затылок, затем, неуверенно улыбнувшись, посмотрел на соседку по парте. – Я тут хотел у тебя спросить... В общем, не хочешь со мной... ну, записаться на этот гребаный вальс?

– Мне не нравится, что ты постоянно ругаешься, – дружески улыбнулась Ева, склонив голову набок. – Если перестанешь, может быть, подумаю, – и она вновь посмотрела на дверь. В этот момент как раз зашел Влад, и, поймав на себе ее взгляд, он мило улыбнулся и помахал ей рукой.

– Обещаю... – вполголоса произнес Марк, но потом увереннее повторил. – Клянусь!

Да только мысленно Ева уже была в предвкушении предложения от Влада. Проходя мимо ее парты, он, как бы незаметно, положил перед ней записку. Не мешкая, Романова раскрыла ее и увидела, что печатными буквами на вырванном из тетради листе было выведено: «В вальсе поведу я, ты не против?»

Незаметно для Евы Зильберштейн подсмотрел в записку и, разобрав текст, вернулся на свое место и скрыл лицо в руках. Ему стало невыносимо стыдно. Но нет, совсем не из-за того, что он пригласил Еву, и она, вероятнее всего, выбрала бы Берднева, а за кое-что другое.

Школьное утро началось, как обычно, с объявлений. В большинстве случаев Марку нравилось такое начало дня, но в этот раз он был не в своей тарелке. Он понимал, что в последнее время начал слишком много мести языком, и впервые за долгое время ему стало за это неловко. Ах, да, вы же еще не знаете, чего же он такого успел наговорить! Как было сказано, по утрам ему нравилась сводка школьных новостей, но в этот день она была готова стать не самой приятной, поскольку основным объявлением должен был быть анонс предновогоднего мероприятия.

– С появлением нового директора ничего не изменилось, поэтому, как то было и раньше, в конце декабря, перед Новым Годом, состоится ежегодное торжество, которое отличает нашу школу от других, – лишенным эмоций голосом начала Анна Александровна. Марку стало стыдно уже в тот момент, когда она упомянула о торестве. Ему хотелось покинуть класс, но что-то удерживало его на месте. – Как и раньше, для выступления требуется три пары. Первая пара уже записалась.

– Какая? – недоуменно поинтересовалась Кира, припоминая, что прежде никогда не было людей, которые страстно

рвались на эти танцы.

– Ева и Марк, – глянув на список, сообщила учительница. На самом деле она прекрасно помнила, как Зильберштейн подошел к ней за несколько дней до объявления и сообщил, что он будет выступать в паре с Евой. Пожалуй, сказать, что ее это удивило, было бы слишком слабо. Анна Александровна считала, что такая послушная девочка, как Романова, будет вместе с таким примерным мальчиком, как Берднев. В американских фильмах любят показывать таких героев – шаблонная пара хороших ребят. На выпускном балу именно они становятся королем и королевой. – Первая репетиция состоится сегодня в актовом зале на восьмом уроке. Ребята, которые хотят записаться, останутся после урока, – затем учительница окинула класс внимательным взглядом. – Также я бы хотела видеть Киру и Влада.

Реакция Евы была весьма неоднозначной. Откуда-то с задних парт ей передала записку Кира, в которой были прописаны глубочайшие сожаления и немного иронии над этой ситуацией. «Ха-ха», – большими буквами было написано в углу листка в полоску. Поджав губы, девушка порвала листочек и так свирепо глянула на Марка, что тот, ожидая даже большего, поежился. «Сморозил – так сморозил» – обеспокоенно подумал юноша. На протяжении всего урока парень несколько не задумался о том, что Анна Александровна рассказывала о создании «Евгения Онегина». Он думал о том, как можно исправить ситуацию. Сказать учительнице, что не

сможет принимать участие в новогоднем бале? Конечно, ему этого не хотелось, но какая, к черту, разница, что ему хочется?

По звонку с урока Ева с лету взяла в охапку все свои вещи с парты и, повесив сумку на плечо, рванула прочь.

– Чего успел натворить, Марк? – безобидно поинтересовался Влад, не планировавший наживать себе врагов. – Не стоит ссориться с Евой перед репетицией, иначе повториться история прошлых лет. Если ты понимаешь, о чем я, – одноклассник украдкой подмигнул, на что Марк невесело усмехнулся. К сожалению, теперь Бреднев был одним из тех, кто мог рассказать лишнего – в «А» классе никто не знал о промахах Марка, поэтому парень беспокоился за сохранность репутации «хладнокровного мизантропа». Именно так посчитал немец, решив, что с тем не стоило портить отношения.

– Разошлись во взглядах. Наверное, стоит принести извинения.

– Правильно мыслишь. А я, пожалуй, приглашу кого-нибудь другого на танцы, – улыбнулся Влад. Его улыбка всегда напрягала Марка. Слишком уж правильным казался ему этот Бреднев.

– Почему бы не с Кирой?

– Она еще не уверена, что сможет, поэтому лучше попробую с кем-нибудь другим... Эй, Сурикова! – Влад подозвал девушку, которая почему-то все время находилась около Ан-

ны Александровны.

Берднев носился чуть ли не по всему классу в поисках партнерши, что-то кому-то объяснял, уговаривал. Поглядев на это, Марк невозмутимо развел руками и поспешил за Евой, которая, скорее всего, была уже на первом этаже в кабинете физики. На первом этаже было шумно, похоже, что у коридора, ведущего к спортивному и актовому залам, вывесили объявление, которое более всего влекло внимание младшекласников, наслышанных о загадочном и таинственном новогоднем бале.

В 106 кабинете было невероятно тихо. На кафедре были разложены тетради для контрольных работ и варианты тестов.

– Ощущение чего-нибудь... – улыбнулся Марк и посмотрел на Романову, занимавшуюся своими ногтями. Стоило ей заметить «другана», она схватила со стола свою сумку и пересела к Кире, которая, скорее всего, продолжала размеренно жевать булочку с джемом и сосиской вприкуску где-нибудь в столовой. Зильберштейн удивленно хмыкнул, нахмутив брови, и занял свое место, разложив вещи на парте.

Физику Марк никогда не любил не потому, что ее не понимал, а из-за того, что кто-то вбил ему в голову, что он – стопроцентный гуманитарий. Также ему не нравились учебники темно-синего цвета. И тесты... Много тестов. Scheisse Teste³³! Он их терпеть не мог, как и вся страна. Обычно Зиль-

³³ Scheisse Teste – чертовы тесты (нем.)

берштейну помогала Ева, умница-разумница, которая никогда не оставляла поэта-безнадегу в беде. На нее всегда можно было положиться.

– Итак, на следующем уроке будет пробный мониторинг по пройденному материалу девятого и восьмого класса. В конце февраля пишем городскую контрольную, – сообщила Людмила Васильевна, учительница физики, опираясь на кафедру. – Записываем в тетрадях тему урока: «Ньютонова механика».

Тем временем Ева что-то с улыбкой обсуждала с Кирой и Владом, специально подсевшим к ним, за парту к Ангелине. Так уж вышло, что у Людмилы Васильевны не существовал план посадки, и она не обращала внимания на то, что кто-то сел из-за «великой и чистой любви».

«Устраиваешь показательные выступления? Рановато, Ева», – мельком взглянув и укротив взгляд, Марк подпер рукой голову и принялся неторопливо выводить заголовок в тетради, прекрасно понимая, что все действия Романовой не более чем демонстрация. Загадка: что именно она хотела этим показать?

Но вернемся к главной теме – новогодний бал. Знаете, при одном упоминании о бале сразу вспоминается один мультфильм, «Анастасия», кажется. С невероятными историческими коллизиями и приятными песнями, такими родными детскому сердцу. Да, но почему Анастасию называли Аней? Абсурд.

Итак, о бале. Влад не растерялся и вместо Евы пригласил ту самую Ангелину, которой срочно надо было исправлять двойку по литературе. В общем, они нашли друг друга. Да и вместе их пара смотрелась несколько гармоничней, чем будь он с Романовой. В паре они... слишком противны, как соевый шоколад на зубах. Ангелина показалась бы зрителям интересней, пониже Влада, учитывая, что Ева с ним почти одного роста. Несмотря на всю свою хрупкость, Геля была, что называется, «бой-бабой», палец которой в рот не клади. Длинные накрашенные ресницы и тональная маска, которую Анна Александровна любила называть посмертной. У нее были шикарные медные волосы по пояс. В отличие от Зильберштейна, Еве не нравилась пара Влада и Гели. Ревность – жуткая и страшная штука.

Перед репетицией Ева поспешила в раздевалку, игнорируя непонимающий взгляд Савановой, которая все-таки решила участвовать в выступлении и запоздало спохватилась с поиском партнера. С Владом она, насколько я знаю, даже не думала танцевать – из-за женской солидарности. Впрочем, она искренне сомневалась в силах Евы – маловероятно, что игра стоила свеч.

После уроков Зильберштейн собирался поговорить с подружкой для налаживания отношений, но она оказалась невероятно шустрой, как хомяк, и покинула кабинет истории точно по звонку. Возможно, она предвидела действия Марка. Когда Романова неслась вниз по лестнице, ее волосы

красиво развевались и, казалось, пытались ее догнать, но не тут-то. Марк заворуженно глядел ей вслед, но, одернув себя, пробубнил под нос:

– Не о том думаешь, приятель, – и моментально отвел взгляд. Больше всего ему хотелось догнать ее, но весь мир был словно настроен против него, утрирую, конечно – не мир, скорее, школа. Навстречу девятикласснику попала толпа малышей с продленки, сквозь которых пробраться было невозможно. Они напомнили Марку маленьких зубастиков (Critters, 1986, if u remember³⁴). Далее он натолкнулся на бывшего одноклассника, с которым вместе сживал когда-то за первой партой перед учительским столом. Его звали Гришей, был он спортсменом и при каждом контакте с двуногими обращал тех в религию здорового образа жизни. Лучшим другом был Леша – они дружили с детского сада.

– Марк. Марк! – позвал немца Гришаня, остановив того в дверях. – Ну, чо, как у тебя дела в новом классе? Будешь пытаться вальсировать в этом году? – парень изобразил, будто прижал к себе невидимую партнершу и сделал с ней несколько проходов.

– Не знаю, – угрюмо процедил Марк.

– О, рили? Что, опять с мамашей придешь?

– Я не понимать, о чем ты говоришь, – буркнул Зильберштейн, и, задев Гришу плечом, отправив того на пол (воз-

³⁴ Critters, 1986, if u remember – «Зубастики», 1986 год, если вы помните, американский фильм ужасов.

можно, в реанимацию), немец направился к выходу. Ева, к тому времени, проскочила мимо секьюрити, и Марк поспешил за ней, несмотря на то, что на улице было слишком холодно даже для декабря.

Романова пошла не обычным путем, а мимо детской площадки, расположенной напротив школы. В иные времена она хаживала иначе: по левую сторону от школьного подъезда.

– Stop³⁵! – побежав за девушкой, Марк покинул территорию школы и нагнал ее около горки в форме динозавра. – Donnerwetter³⁶! – растерялся он.

– Чего тебе? – резко остановилась девушка, развернувшись к однокласснику. Ранее заговорить с приятелем у нее не хватало духа.

– Почему ты завелась так? Разве нельзя было просто сказать: «Fucking³⁷ Марк, я тащусь от Бреднева и хочу плясать с ним», чего сложного?

– Меня просто бесит, что ты принимаешь решения за меня! – в ее глазах заблестели слезы. – Причем это не в первый раз! Что с Юрой тогда, что сейчас...

– Я очень хотел танцевать с тобой и не знал, что ты неравнодушна к Бредневу. Мои извинения, – сооротив клоунскую гримасу, Зильберштейн сделал реверанс, но его нервы были на пределе. Хлюпнув носом и утерев выступившие сле-

³⁵ Stop – стой (англ.)

³⁶ Donnerwetter – черт возьми (нем.)

³⁷ Fucking – чертов (англ.)

зы, Ева бросилась обнимать Марка. Похоже, она давно ждала этого момента, чтобы вновь почувствовать себя под защитой немца, когда тот крепко обнимал ее в ответ. В который раз Зильберштейн был удивлен. – Ты... очень экспрессивна.

– Просто... ну, мы же друзья, в конце концов, я очень не хочу с тобой ссориться, если честно, – быстро бормотала Романова, нервно смотря по сторонам. Ей едва ли хватило сил наступить на глотку гордости, поэтому ее слова прозвучали крайне невнятно. Завидев выходящую из школы Анну Александровну, она отступила от одноклассника; учительница шла по направлению к ним – многие курильщики из школы дымили именно у тех ворот, поскольку они были ближе всего. – И знаешь, как обидно, когда друг подобным образом подставляет.

– Друзья, значит, – сощурившись, произнес Марк и цокнул языком. – Что же ты тогда раньше не сказала, что тащишься по Бредневу? Может, я бы чем-нибудь смог тебе помочь.

– Почему ты так упорно повторяешь, что он мне нравится? – взволнованно поинтересовалась Ева, скрывая волнение за улыбкой. – Будто мантра какая-то. Омм, Влад хороший, Влад хороший...

– Пфф, вот еще. Делать мне больше нечего! – возмутился Зильберштейн.

– Марк? Ева? Разве вы не должны быть на репетиции? – Анна Александровна с удивлением посмотрела на школьни-

ков. Затем она, похоже, заметила, что немец был без куртки и с непривычки дрожал от холода. – Марк, ты чего, совсем с дуба рухнул? Почему без куртки выбежал? Простудить себе все удумал?

– Ничего от меня не убудет, поверьте мне, – отмахнулся тот. – Я болею раз в два сезона – осенью и весной. Остальное время я могу делать все, что угодно, поэтому, пожалуй, я покурю, а ты, Ива, отправляйся в актовЫй зал, – скомандовал парень и пальцами сделал в сторону школы. – Анна Александровна, – по слогам выговорил он, – надеюсь, вы не будете возражать, если я постою здесь с вами?

– Ну, вообще, Марк, курение – не есть хорошо...

– Вы же сами курите, – невозмутимо произнес Марк, пожав плечами, и достал из кармана пачку крепкого Marlboro. Достав сигарету и зажав ту губами, он быстро прикурил и спрятал зажигалку обратно в пачку.

– ...но я не могу агитировать за здоровый образ жизни, поскольку сама курю, и это собственный выбор каждого человека, – Анна Александровна снизу вверх посмотрела на Зильберштейна. Тот лишь опять усмехнулся и посмотрел на Романову.

– А я не курю, – радостно сообщила Ева, почувствовав неловкость.

– Молодец, – сказала классная руководительница.

– Прошу, Ева, иди в школу. Я не хочу, чтобы ты простудилась. У тебя нет такого сногшибательного иммунитета,

как у меня.

Спорить Ева не стала – сразу отпало желание, когда она столкнулась с удивленным взглядом Анны Александровны, но для себя девушка поняла, что если еще повторятся подобные выходки, то она даже не имеет представления, как себя поведет в следующий раз, очевидно же – Марк невероятно конфликтный человек, и сейчас ей просто повезло.

В актовом зале, тем временем, Влад настойчиво объяснял Ангелине, куда и как нужно ставить ноги. Сусанна, одноклассница ребят, добрейшей души человек, согласилась наиграть на старом пыльном пианино, которое, вероятно, не трогали до этого года три, какой-то вальсок. Инструмент, разумеется, был расстроен, и звучание было паршивым. Саванова с усмешкой наблюдала за тщетными попытками Влада, устроившись в первом ряду, выстроенном перед сценой, свободной от оборудования и мебели.

Все основные события, произошедшие на улице, Кира успела увидеть из окна. Этого ей было достаточно для того, чтобы сложилось мнение о данной ситуации. Поправляя шторку, Red Head поинтересовалась:

– Как думаете, Ева нравится Марку?

– Дык еще же с первого класса, не? – удивленно спросил Берднев, протягивая руки к Ангелине. Та от него вырвалась и заинтересованно посмотрела на Саванову, с которой дружила в классе так четвертом-пятом.

– А разве они не встречаются? – недоуменно спросила Ге-

ля, похлопав глазками. – В отеле они же даже жили вместе.

– И что? Мы со Стасом тоже жили вместе, и ничего же! Так ничего и не вышло, – недовольно бросила Кира, скрестив руки на груди. – А Ева просто утирала ему сопельки, ведь «Маркуша заболел», – язвительно добавила девушка, ехидно улыбаясь. Влад изумленно посмотрел на Саванову.

– Действительно? Ни о чем таком не слышал.

– Да их даже Анна Санна спалила! – хохотнула Кира. – Она еще Марка отчитывала за то, типа «что он забыл в номере Киры и Евы». Впрочем, я так поняла, Зильбертшейну ни за что никогда не влетает, так, да?

– Чо? Серьезно? – Ангелина вопросительно уставилась на Киру.

– Да не то чтобы ему никогда не попадает... Просто Галина Николаевна всегда, скажем так, опекала его, – напряженно произнес Влад, мельком посмотрев на дверь.

– С чего бы это?

– Если честно, не интересовался. С Марком как-то не общаюсь, но я слышал, что он настолько трудно переживал развод родителей, что его записали к психологу.

– Эт самое, – Саванова щелкнула пальцами, усиленно стараясь что-то вспомнить. – Точно, да! Об этом мне что-то говорила Таня, ну, мол, рос он без отца, на нем это сильно сказалось... Что-то вроде того.

Двери актового зала распахнулись, и в проеме показалась довольная Ева, которая так и не услышала компромата ни на

Марка, ни на себя. Лица одноклассников моментально приобрели безразличные выражения, словно всего этого разговора не было вовсе. Не отметив появления подружки, Влад продолжил тренироваться с Ангелиной, которая большими удивленными глазами смотрела на одноклассницу. Ева несколько не обратила на это внимание и, постаравшись проскочить мимо вальсировавшей пары, села на край сцены и выжидающе уставилась на распахнутые двери зала.

Для человека, который прежде никогда не выступал с партнершей, Марк танцевал слишком хорошо, но вот Еве было почему-то неловко танцевать вместе с ним. В седьмом классе ее кавалером был Леша, в восьмом Матвей – со всеми ними она была знакома с самого детства, поэтому на репетициях она не чувствовала той неловкости, которая возникала от прикосновений Зильберштейна. Впрочем, услышь она тот разговор, состоявшийся пятнадцать минут назад, думаю, ее мнение бы кардинально изменилось. От смятения Ева даже по неосторожности наступила немцу на ногу, после отлетов от него в сторону, смущенно краснея.

– Прости, – прикрывая рот ладошкой, хихикнула она. В зале было всего несколько пар. Незадолго до официального начала репетиции, назначенной на три часа, пришел Юра Айерченко. Марк время от времени бросал на него ядовитые взгляды, на что тот никак не реагировал. Юра помог Владу расчистить несколько рядов стульев, придвинув их к стене. С опозданием пришла партнерша десятиклассника мадмуа-

зель ЛаЛаури, которая по совместительству являлась его девушкой.

Царившая праздничная атмосфера в школе Зверя наполнилась трепетным ожиданием Нового Года. Со дня на день планировали ставить елку, и кого-то из девятого класса обязательно запрягут ее наряжать, но пока отвлечемся на другую часть истории. Надеюсь, вы не против. Помните, в начале главы Марк и Ева поссорились? Естественно, это был не первый и не последний раз, поэтому мне бы хотелось рассказать об очередном инциденте, который произошел также в кабинете русского языка и литературы.

Зима. Поэтичное время года, вдохновлявшее поэтов девятнадцатого века. Возможно, мне бы захотелось упомянуть какое-нибудь стихотворение Пушкина, да вот его творчество мне никогда не нравилось. Репетиции были не основными событиями в школе. Помимо прочего близились новогодние каникулы, чему Ева была невероятно рада. Наконец-то она смогла бы спокойно отдохнуть от своего класса. Вот только прежде чем спокойно уйти на не совсем заслуженный отдых, девятый класс «А» должен был сдать отрывок из «Евгения Онегина», недаром мы начали разговор с Пушкина. Девушки опечаленно учили длинное письмо Татьяны, а парни, стиснув зубы, зубрили письмо Онегина. И вроде бы всех все устраивало, и было время спокойно все повторить до сдачи, как Марка пробрало. Я думаю, вы знаете, что это значило – близилась беспокойная пора. Немец в очередной раз перечи-

тывал заданный отрывок и, поморщив нос, отбросил учебник в сторону прямо посреди урока. Тот отлетел к мусорной корзине.

– Я не хочу учить этот шлак! – недовольно воскликнул ученик. Соседка по парте посмотрела на него с нескрываемым ошеломлением. Уроки с ним всегда проходили довольно разнообразно. И это было, как правило, чревато последствиями. Временами парень напоминал ей капризного ребенка, которого не пустили на горки или, что еще хуже, которому не дали посмотреть «Скуби-Ду». – Почему я должен учить Пушкина, если мне он в жизни не пригодится?

– Программа такая, Марк, – совершенно спокойно сказала Анна Александровна, хотя прекрасно понимала, что еще немного, и она сорвется на этого полоумного. Галина Николаевна по-прежнему рассказывала о «сложностях» ученика, поскольку по неизвестным причинам желает ему добра. – Подними свой учебник, псих-одиночка, – сказала она с легкой усмешкой.

– Но мне не нравится Пушкин! Я его ни хера не могу запомнить, – пожаловался парень, поднявшись со стула. Он вяло, немного ссутулившись, поплелся к доске – странно, что книга не попала в самое ведро. Затем парень немного смутился, ведь он дал обещание Еве, что не будет «некрасиво выражаться» и материться. Но на этот раз Романова ничего не заметила; ее больше интересовала сложившаяся в данный момент ситуация. – Seriously, я мог бы выучить что-нибудь

даже более длинное, но только не этого Онегина, – сказал Марк и лукаво посмотрел на классную руководительницу.

– Например, что? – поинтересовалась Анна Александровна.

– Несколько отрывков из «Демона» Лермонтова. Запросто, – самоуверенно заявил немец.

– А какие именно отрывки? – вопросительно вскинув бровь, спросила учительница. Ее действительно заинтересовало то, что Марк мог выкинуть дальше. И смог бы он справиться с таким заданием до конца недели.

– Эмм... – Марк замялся и посмотрел по сторонам. Одноклассники внимательно наблюдали за развитием сюжета, и его взгляд зацепился за Еву, которая, видимо, потеряла к этому всякий интерес и мило перешептывалась с Владом. – Обращение демона к Тамаре, признание в любви, – нерешительно произнес он и отвел глаза, когда Ева посмотрела на него. Отреагировала она вовсе не на его слова, а на источник звука – мельком глянула и вернулась к первоначальному занятию. – Я все-таки считаю, что лучше делать, то есть, учить то, что тебе нравится, – добавил Марк.

Закончив, Марк неуверенно поджал губы и, закрыв учебник, направился к своему месту. Только когда он дошел до парты, учительница сказала:

– Хорошо, если так хочешь – можешь вместо Онегина рассказать признание Демона. Начиная с его обращения к Тамаре вплоть до клятвы. Причем даже если ты расскажешь

все правильно, балл снимается уже за то, что ты рассказываешь не по программе, – наконец-то сообщила свое решение учительница, и Марк довольно улыбнулся.

Не то чтобы люди привыкли к выходкам немца, но пока учителя не воспринимали его в штыки, все было довольно мирно. Они с Егором на пару надоедали окружающим, но в классе не может быть двух человек, которых все ненавидят. В итоге должен остаться один.

Ева несколько расстроено вздохнула и посмотрела на соседа по парте. Тот, довольный, достал из сумки тоненькую исписанную тетрадку. Сначала девушке показалось, что там были его стихотворения, но затем она заметила заглавие «М. Ю. Лермонтов. Демон». Ей всегда нравился почерк приятеля.

Вместо того чтобы вместе с классом разбирать «Евгения Онегина» и записывать материалы для сочинения, Марк принялся заранее учить «Демона», периодически прикрывая текст и шепча вирши так, чтобы никто ничего не разобрал, но Ева краем уха услышала его и, оторвав нос от тетрадки, спросила:

– Что делаешь?

– Учу, – отвлеченно ответил Зильберштейн, перелистывая изрядно потрепанные листы.

Можно было ожидать чего угодно, особенно общаясь с этим «чудаковатым немцем». Перечитывая часть Тамары, Марк невольно задумался – если он рассказывает все от лица

Демона, то не может же он пропустить часть его возлюбленной? Иначе ощущение от произведения будет не то. Поэтому было необходимо придумать какой-нибудь интересный маневр! Марк сощурил глаза и, посмотрев по сторонам, уцепился взглядом за Романову. Очень интересный маневр...

– Анна Александровна, – обратился к учительнице Марк, когда Кира и Ева вместе с доброй половиной класса покинула кабинет. Перед учительским столом, помимо немца, также стояли Влад с Ангелиной, – можно ли кто-нибудь поможет рассказать мне «Демона»? Часть от Тамары...

– Могу помочь, Марк, – хохотнул Влад, Геля поддержала его смешком.

Проигнорировав шпильку, парень продолжил:

– Кто-нибудь из девчонок. Пусть просто прочитает часть от лица Тамары, хотя бы с выраженьицем, мне этого будет достаточно. Можете кого-нибудь попросить? Если вам, конечно, не сложно.

– Хорошо, Марк, – классная руководительница посмотрела на Ангелину. – Геля, не хочешь?

– Нет, – протянула она в ответ, замахав перед собой руками, – Анна Александровна! Я и так в этом вальсе участвую, – возмущенно добавила рыжеволосая и, взяв сумку с первой парты, пошла к выходу. Проводив ее взглядом до двери, Влад наклонился к Марку и шепнул на ухо:

– Смирись, у рыжих нет души, – и ребята одновременно прыснули.

Неизвестно, что Влада не устраивало в рыжих, но Марк решил, что как-нибудь использует эту фразу, уж больно она ему понравилась.

Единственным очевидным кандидатом, по мнению Анны Александровны, была Ева, которая всегда охотно общалась с Зильберштейном. Одно время ей казалось, что те не в ладах, но, тем не менее, напряжение с девичьей стороны прошло. Именно поэтому она решила, что ту можно попросить исполнить роль прекрасной Тамары, в которую влюбился Демон. Встретив ученицу после шестого урока, она попросила Еву заглянуть в ее кабинет.

Анна Александровна вкратце рассказала о просьбе Марка. Девушка была удивлена тем, что друг сам не попросил ее помочь ему. Неужели он считал, что на нее нельзя положиться? Это обидело Еву, и, если бы не вмешательство учительницы, она бы отказалась. Романовой была неприятна данная ситуация, но она не стала развивать из нее возможного конфликта – ей было достаточно узелка на память.

Дни проходили невероятно быстро, в каком-то особенном темпе, когда: то уроки, то репетиция, то нудная болтология Марка и острые шпильки Киры. Поэтому, думаю, пренебрежем той частью, которая ну уж совсем не относится к делу.

Итак. Это был один из свободных вечеров, когда участники выступления из девятого «А» класса остались единственными в актовом зале. Периодически кто-то да появлялся, но, в основном, это были зеваки из незадействованных в шоу,

подготовка к которому шла очень неспешно. Марк сидел на сцене, свесив ноги, а Ева стояла рядом с ним. Партнерши Влада, Ангелины, в очередной раз не было, после первой репетиции на прочих ее ни разу не видели, что парня бесило, и он грозился, что либо найдет ей замену, либо откажется участвовать вовсе. Лишь Кире было на все плевать, и она периодически становилось временной партнершей Влада.

– Darlings, should we start our repetition-competition?³⁸ – с насмешкой поинтересовался Марк. – Признаться честно, у меня есть кое-какие дела, не хотелось бы задерживаться в вашей милой компашке дольше требуемого, – под «кое-какими делами» парень имел в виду, что ему хотелось покурить.

– Почему ты не можешь спокойно подождать Георгия Павловича, чтобы мы нормально закончили репетицию? – устало спросил Влад, искоса смотря на одноклассника. Зильберштейн стал его раздражать после того, как он буквально увел у него Еву, ведь она была для него идеальной партнершей: с отличным чувством ритма.

– Да я танцор от бога! – усмехнулся немец. – Зачем мне еще какие-то Джорджи Павловичи?

– Ох, и плутоват же ты, шельма, – хмыкнула Романова и, сложив руки на груди, направилась к рабочему столу, который был торцом расположен к сцене.

– Эээ... Щито? – недопонял парень.

³⁸ Darlings, should we start our repetition-competition? – Дорогие, не могли бы мы начать нашу соревновательную репетицию? (англ.)

– Дурак ты в общем, Марк, – улыбнулся Влад и посмотрел на Еву. Та ухмыльнулась ему в ответ, подмигнув. Берднев снял полосатую кофту и, оставшись в футболке с таким же узором, облегченно выдохнул: – Как же тут жарко.

– Идиоты, – проворчала Кира.

– Вот щас как станцую, так у вас глаза от удивления выкатятся! – Зильберштейн вытянул левую руку вперед, дернул правой ногой, но дверь актового зала внезапно открылась, и на пороге показалась девочка, скорее всего, одна из семиклассниц, которые очень старались, подготавливаясь к школьному Новому Году.

Это была Анечка, дочь Нины Матвеевны. Ростом она была на голову ниже Евы, глаза у нее были голубые, а волосы медового цвета. Увидев ее, Зильберштейн напрягся, даже как-то побагровел. Ева пыталась вспомнить, откуда она знала об этой семикласснице, но, заметив реакцию немца, ее осенило – это же та самая девчонка, которая донимала парня на mail.ru.

– А... вы тут не видели моих одноклассниц? – робко спросила Анечка, оглядываясь. У нее были невероятно большие глаза, а вид в целом хрупким и даже прозрачным.

– Не-а, – мотнул головой Влад.

– Больше всего меня радует на спортивных танцах то, что там есть рагга, – далее невозмутимо продолжил Марк. – Ну, Кира меня сейчас понимает.

– Неужели тебе нравится вилять задом перед судьями,

Марк? – хихикнула Саванова. – Как-то я не могу тебя представить на танцах, а уж тем более на баттле.

– Ты недооцениваешь мою мощь, женщина! – гордо ответил тот. – И да, у меня достаточно привлекательный зад, чтобы его не стыдиться демонстрировать, хочешь, покажу? – несмотря на то, что это было шуткой, во взгляде Марка можно было прочесть вызов, мол, не побоится ли Кира продолжить своеобразную дискуссию.

– Вот скажи мне честно – тебя в детстве не роняли?

– продолжала насмехаться над одноклассником девушка. Вероятно, за словами немца она не видела ничего специфического, в отличие от Евы. – Ладно, я девушка, то, что я во время танцев виляю жопой и сиськами – это от меня ожидается, но ты – то парень.

– Причем, мне кажется, мужественный, – скромно вставила свои три копейки семиклассница и невинно захлопала глазами, покраснев.

– Мужественный?! – в один голос переспросили Кира, Ева и Влад.

– Мужественный? – сам того не ожидая, вполголоса уточнил Марк. – Ясен красен я прекрасен.

Аня, еще более покраснев, быстро закрыла за собой дверь. Девятиклассники озадаченно посмотрели ей вслед. Оказывается, у таких ребят, как Марк, могут быть воздыхательницы – так что, доктор, вы не огорчайтесь, у вас все впереди. Но вернемся к тому, что нас беспокоит, а вернее, к Зильбер-

штейну, который всерьез планировал исполнить нечто «лезгинка-образное». Зрелище, если честно, не для слабонервных. Родительский контроль: если вам нет восемнадцати – просьба отойти от экрана.

– Балда, завязывай со своими танцами! У меня сердце кровью обливается, когда я вижу этот кошмар! – жалобно простонала Кира, прикрывая глаза руками, словно увидев нечто поистине страшное. – Мне, как человеку, умеющему танцевать, невыносимо смотреть на это.

– Брось, Кира! Марк же для своей девушки старается. Только жаль, что она уже убежала, – хмыкнул Влад, и Зильберштейн чуть ли не с кулаками бросился на одноклассника. – Не ревнуй, будь джентльменом.

– Уже полшестого, а мы до сих пор здесь, причем мы даже толком не репетировали, – как бы невзначай напомнила Ева, смотря по сторонам. – Почему бы нам не повторить более продуктивно в четверг?

– В четверг у вас общага, – задумчиво напомнил немец, отставая от Влада. – Опять придется до чертиков сидеть в школе? Нахер надо, – затем Марк усмехнулся и прикрыл рот рукой, внезапно вспомнив о негласном договоре, касавшемся того, что от нецензурной брани он откажется.

Девушка не сразу поняла, в чем дело, но стоило ей отметить реакцию приятеля, так она довольно улыбнулась и, уперев руки в бока, встала в проходе между сиденьями.

– Нарушать клятвы нехорошо, Маркуш. Хватит ругать-

ся, – склонив голову набок, сказала Ева и поинтересовалась: – Как ты уживался с Галиной Николаевной? Нам она отпустила замечания, даже если кто-то просто чертыхнулся... А у тебя же вообще чуть ли не через слово мат.

– Этого я тоже не понимал. Никогда, – подтвердил Влад.

Мне бы хотелось напомнить о событиях, произошедших в Городе на Костях. Скажем так, небольшое отступление. Иногда хочется, чтобы кто-нибудь проанализировал поведение людей. Скажите, вот как вы думаете, почему Галина Николаевна достаточно субъективно относилась к Марку? Неужели он был образцом для подражания и идеалом, что его дерзость прощалась? Я не Лев Толстой, чтобы вкладывать разжеванную информацию читателям в голову. Всегда приятней, когда он сам размышляет и строит собственные догадки. Что же, развивайтесь!

– Я – невероятный обаяшка, – зловеще улыбнувшись, Марк ткнул себя в грудь.

– Да чем же ты отличаешься от нас, Зильберштейн? – Влад вопросительно посмотрел на одноклассника и ухмыльнулся.

– В отличие от вас, я уйду под громкие аплодисменты, – немец самодовольно улыбнулся и, разведя руками, пошел прочь из зала.

Вскоре все ученики девятого класса «А» покинули актовый зал. В школе к тому моменту почти никого не осталось, лишь те, кто еще не отрепетировал свою часть, и те, кто готовился к экзаменам по физике и истории. Никто из компа-

нии не собирался сдавать эти предметы, хотя все четверо сошлись в одном – обществознание считалось самым простым для сдачи. Что в формате ГИА, что по билетам.

По иронии судьбы вышло так, что расходиться подросткам в разные стороны – Влад и Кира идут направо, а Марк и Ева налево. Но прежде, чем разойтись, ребята постояли у ворот детской площадки, где Кира и Марк решили перекурить. Зильберштейн по привычке предложил сигарету Романовой, и она вновь не смогла устоять. Не то чтобы ему нравились курившие девушки, но его радовало, что подруга берет именно его сигареты, а не Савановские. Парень всегда обращал внимание на детали, что ему, например, пригодилось, когда он скрупулезно собирал вырезки из газет. Даже такие мелочи наталкивали его на приятные мысли.

Стоило школьникам разойтись, Марк воодушевленно возобновил беседу – все-таки одноклассники его более чем напугали:

– Кстати, может, ну ее к черту эту ретепетицию во вторник? – беззаботно ухмыльнувшись, предложил Марк. – Сгоняем в киношку на какой-нибудь слэшер...

– Ретепетиция? Что за...? Хотя, ладно, я поняла. Хорошо. Но насчет четверга сомневаюсь – мне еще письмо Татьяны доучивать, да и Тамару кое для кого готовить, – с укоризной посмотрев на Марка, рассуждала Романова. – В общем, маловероятно, что выйдет. Может, на выходных? Да и позвать Киру и Влада можем, думаю, они согласятся, особенно Кира

с ее вечным нытьем, что она в кино хочет.

– К сожалению, выходные принадлежат вовсе не мне, – горько вздохнув, сообщил Марк.

– А что такое?

– Ну, в субботу я освобождаюсь только вечером, а в воскресенье свободен лишь ранним утром, что еще более печально, чем суббота.

– Чем же ты таким занят? – хихикнула Романова, на что Марк покачал головой.

– Я в этом году заканчиваю музыкальную школу по классу акустической гитары... Неужели, я тебе не говорил? – удивился Зильберштейн, потянувшись за второй сигаретой. Когда он оставался наедине с Евой, то всегда курил на одну больше. У каждого своя вредная привычка, не так ли, Иви?

– Впервые слышу, – улыбнулась девушка и, смутившись, попросила: – Может, как-нибудь сыграешь мне?

– Может, как-нибудь сыграю тебе, – согласился одноклассник. – Кстати, слышала школьные новости?

– «Кстати» это к чему? – усмехнулась девушка. – Ну, в общем, ладно. Что за новости?

– Таня, похоже, с Егором начала встречаться.

– Откуда узнал?

– Сурикова рассказала, а они ж с Таней, как-никак, лучшие подруги.

– Марк, ну, ты и сплетница, – засмеялась Ева и пошла вперед. Тогда у Марка зародилась интересная идея, о кото-

рой я расскажу несколько позже, но, а пока немец торопился за подругой, которая ускорялась. Видимо, ей очень хотелось домой.

В школе Зверя не любили тех, кто говорил много лишнего. Естественно, Марк изначально не вписывался в данную канву – обсуждать чужую личную жизнь он любил, чего никогда не скрывал. Главное – быть честным с самим собой, а потом и с окружающими. Так вышло, что ту новость Марк подслушал абсолютно случайно, и информация была секретной. Разумеется, такое никому бы не могло прийти в голову: ни ему, ни Еве, которая вечером обо всем рассказала Кире, которая уже рассказала обо всем Стасу. Таким образом, началась Грандиозная Паутина Сплетен, иначе именуемая как ГПС.

Кто бы мог подумать, что именно она станет причиной дальнейших проблем в школе? Уж точно не я.

ГПС разрослась настолько быстро, что к следующему утру уже оба девятых класса знали, что Егор обзавелся подружкой. Марку от этого было ни тепло, ни холодно, но вот стоило Егору прийти в школу, так на него обрушились заинтересованные девичьи взгляды и ехидные смешки мальчишек. Когда пришла Таня, то одноклассницы сразу же накинулись на нее с расспросами, мол, когда они так успели. Девушка отреагировала намного спокойней, чем ее новоиспеченный молодой человек: тот сразу же начал отнекиваться от разного рода связей с женским полом и чуть ли не признался в

любви к мальчикам.

– Какая падла не следит за языком?! – разозлено процедил Егор, когда мимо него проходил Зильберштейн, насвистывавший мелодию из любимого фильма «Убить Билла». Не то чтобы Костенко мог предположить, что источником проблем мог стать Марк, но такого варианта он никак не мог исключать, так как у них были чрезвычайно напряженные отношения; неудивительно, если тот решил досадить ему таким способом. Мелочно? Да, но это всего лишь рассуждения стандартного представителя школы Зверя.

Отследить источник слуха было довольно-таки просто.

Это было двенадцатое декабря. В тот день Марк начал задумываться, стоит ли ему что-нибудь дарить Еве. Если и стоит, то что? Ему было непривычно делать какие-либо подарки на Новый Год, он едва мог подобрать что-нибудь достойное своей матушке. Фантазия у парня в этом плане была весьма скудна.

«Что бы ты хотела на НГ?» – написал Марк на клочке бумаги, вырванном из словаря, и протянул соседке по парте. Она с ленцою развернулась к своему месту и, увидев записку от приятеля, удивленно вскинула бровь. Развернув ее, она посмотрела на запись и, улыбнувшись, взяла первый попавшийся карандаш и написала ответ: «Импровизируй, милаш. Я же не спрашиваю у тебя, что тебе дарить;))»

Это был урок русского языка, когда Анна Александровна разбирала вместе с классом ошибки, которые наиболее ча-

сто совершают в ГИА. План посадки каждый раз менялся. В этот раз за Евой и Марком разместился Егор, который, узнав о слухе, решил «по-дружески» потолковать с немцем. Ему было известно, кто слишком болтлив.

Егор всегда одевался в спортивном стиле да любил спорт в целом. У него не было проблем с тем, чтобы найти себе девушку, даже если дело касалось не чистой любви, а чего-то более интимного. Ева никогда бы не подумала, что Костенко сможет стать для нее кем-то вроде родственной души.

Насколько мы помним, Марк – конфликтный человек, а Ева, к всеобщему сожалению, как правило, шла за стадом, следуя девизу: «Один за всех, и все за одного».

– Эй, Зибер, – подозвал Егор одноклассника.

– Ja? – отвлеченно наклонившись назад, спросил Марк. Он так и не посмотрел назад, но стоило ему наклониться ближе, Егор схватил того за воротник черного поло.

– Расскажи мне, педрила, каково жить с таким длинным языком? Видать, хорошо наработан? – прошипел одноклассник, Марк испуганно глянул в его сторону и вырвался из сильных рук, но его лицо оставалось по-прежнему невозмутимым. Немец блефовал. Ева заинтересованно повернулась на шум, затем еще несколько человек. Влад с пренебрежением наблюдал за внезапной стычкой ребят, впрочем, в последнее время его самого преследовало сильное желание дать Марку по шам. Среди парней того считали смазливый и замечали основном в девчачьем окружении – Ева да Кира.

Лишь изредка ситуацию спасал сам Берднев.

– Не понимаю, о чем ты, – Зильберштейн поджал губы.

– Все-то ты понимаешь, – ухмыльнулся Егор. – Что, давно стрелу не забивали? Соскучился по былым временам?

– О чем он? – обеспокоенно поинтересовалась Ева.

– Почему же вы все такие... – не сумев подобрать нужных слов, замолчал Марк. Всем было прекрасно известно, что задеть Егора словом было невозможно. Марк знал об этом не понаслышке, но, тем не менее, всегда старался оставаться хладнокровным к чужим речам.

И быть более тактичным.

– Или сестренки не хватает? Говорят, она была невероятно хорошенькой, особенно если дело касалось не разговоров... Кому не понравится малышка, которая как только, так сразу бежит защищать своего братца? – упрекнул его Егор, и тут, кажется, именно тут у Марка снесло голову. Сознание помутнело. Он смутно понимал, что делает. Го лова безумно заболела, словно что-то сжало. Послышался ультразвук. Такой тонкий, едва слышный. Вывести Зильберштейна из себя непросто, но Егору удалось это сделать.

– Ты слышишь это? – прохрипел не своим голосом парень.

– Костенко! Зильберштейн! Я вам не особо мешаю?! – прикрикнула на подростков Анна Александровна, но ее слова были проигнорированы – Марк же их вовсе не заметил.

– Ты чо, совсем больной? – нахмурился Егор.

– Ты слышишь это? – настойчивей повторил Марк, мигом

взглянув на потолок, повысил голос и с улыбкой добавил. – Я помогу тебе услышать, – после чего врезал ему одной правой. Не ожидав такого, Егор свалился со стула, прикрывая нос руками. Тем временем Зильберштейн решительно поднялся на стул и, с презрением осмотрев весь класс, произнес:

– Почему люди стремятся употреблять столько омерзительных слов в адрес того, кого они даже не знают? И, судя по всей их нахальности и распущенности, никогда не узнают. Кто-то настолько пуст и безобразен, что не увидит ничего дальше своего носа, – Романова осторожно потеревила парня за штанину, но он ее не заметил. – И после этого мне надо укорачивать язык? Во всяком случае, я никогда не скрываю того, о чем думаю, и не являюсь лицемером. Скажу даже более – люди, – он сделал неосторожную паузу, поскольку от перевозбуждения закружилась голова, – похожие на Егора, не достойны жизни. Мне кажется, они вообще ничего не достойны, – Марк обессиленно вернулся на свое место.

В классе наступила тишина.

Никто не смог сказать что-то против слова Марка. Даже Ева, которая смотрела на того с диким изумлением. Таня подскочила к Егору и, приобняв его, повела того к двери. Видимо, она решила проводить его к медсестре. Проходя мимо Зильберштейна, она чуть ли не плевком в лицо сказала про таких, как он; цитирую: «Таких, как ты, надо убивать еще в зародыше». Попахивает жестокостью в стиле Валерии Гай Германики, но что поделать, если не все так просто? Впро-

чем, спешу заверить вас, что обойдется все большим реализмом, нежели как в творениях той леди.

– Держите меня. Сейчас будет море крови, – сделав глубокий вдох, Анна Александровна встала у доски и испепеляющим взглядом посмотрела на Марка. – Это что сейчас было, Зильберштейн?!

– Самозащита, – уверенно заявил немец, хотя понимал, что еще немного, и его голос задрожит как последний осенний листок. То странное чувство его все еще не покинуло, но ультразвук затих.

– О своей самозащите будешь директору рассказывать! Все, с меня хватит. Собирай вещи, будем твоих родителей вызывать, – скомандовала классная руководительница.

Остальное было как в тумане. Даже не помнив, как собрал вещи, Марк послушно шел за Анной Александровной, которая тихонько материла все на свете себе под нос. Одноклассники шокировано провожали парня глазами, пока тот вовсе не скрылся в коридоре. Для школы Зверя произошедшее было нестандартной ситуацией, когда кого-либо вызывают к директору. Пожалуй, это был первый случай, о котором знала Ева. Такого поворота событий она никак не ожидала.

Только уже сидя на стуле перед столом директора, Марк более-менее пришел в себя. Мысли смешались в кашу и напоминали сумбурный поток местоимений и нецензурных существительных.

До матушки Марка так и не удалось дозвониться, поэтому девятиклассника отправили домой; ее собирались вызвать в школу на следующий день. Зильберштейн искренне не понимал, почему учительница на него так взъелась – начал же не он. Тем более, не он перешел на оскорбления членов семьи. Он лишь постоял за себя и расставил все точки над «і». Разве в этом могло быть что-то плохое?

Ученики девятого класса «А» с ненавистью пожирали глазами выходявшего из кабинета директора Марка. Ева вместе с Кирой и Владом сидела на первом этаже у входа, и они что-то обсуждали. Судя по недовольным возгласам Берднева, они говорили о сегодняшнем инциденте. Романова внимательно слушала, что ей говорили ребята, будто в мыслях что-то оценивала. Нацепив на скорую руку пальто, даже не застегивая его, он поспешил к Романовой.

– Слушай, Иви, ты не против, если я тебе сегодня позволю? Надо бы отрепетировать «Демона», – это был единственный разумный предлог, который сумел придумать Марк.

– Хорошо, буду ждать, – любезно улыбнулась девушка и, как ни в чем не бывало, продолжила беседовать с друзьями, лишь изредка поглядывая на парня.

Марку больше ничего не оставалось, как пойти к выходу. Следующее утро в школе началось внезапно холодно и недружелюбно. Марк с удивлением отметил, что его либо не замечали, либо смотрели на него с лютой ненавистью. Впервые ему стало не по себе от полных пренебрежения и непри-

язни взглядов. Все бы, конечно, ничего – можно спокойно прожить, игнорируя общественное мнение, но что делать, если может отвернуться самый близкий человек? У него уже возникли сомнения на сей счет. Изначально у Марка было предположение, что на Еву могло повлиять случившееся, вчера он не смог дозвониться до нее – то ее не было дома, то занято. А на звонки на сотовый, судя по всему, она не реагировала. Впрочем, их было не особо много, Марк ненавидел быть назойливым.

В отличие от Зильберштейна Ева в тот день пришла с опозданием, что было для нее чем-то невообразимым, но таким приятным. Наконец-то она смогла хоть чуть– чуть, но подольше поспать. О встрече с Марком она не думала ровным счетом до того момента, пока внезапно не увидела его в классе. Ева, немного колеблясь, прошла мимо приятеля и села вместе с Кирой – вчера ей промыли мозг по поводу того, что с немцем нельзя общаться, и она пока не решалась возобновлять контакт. На некоторое время она посчитала нужным затаиться и более не светиться в «неправильной компании». Парня обдало приятным жасминовым запахом духов подруги, от которого у него сначала закружилась голова, затем он почувствовал что-то еще. Точно. Духи перекрывали запах табака, который девочки, шифруясь, маскируют туалетной водой или зажевывают жвачкой. Или все вместе и разом; после этого пахнет от девиц как от дешевенького автомобильного ароматизатора.

Обстоятельства сложились так, что Марк не мог найти подходящего момента, чтобы поговорить с Евой – ее постоянно куда-то таскали «друзья», к которым Марк относился с пренебрежением. Что же. Отныне с пренебрежением относились к нему.

Анна Александровна, не зная всей проблемы изнутри, удивлялась, насколько класс оказался сплоченным, раз они поддержали Егора в столь непростой ситуации. Во время большой перемены после второго урока учительница вышла в коридор на третьем этаже, где заметила свой класс, собравшийся возле кабинета географии. Ребята о чем-то переговаривались, весело смеясь. Затем Анна Александровна обратила внимание, что немного левее стоял Зильберштейн, державшийся обособленно от коллектива. Как было сказано ранее – Бог любит троицу, именно поэтому чувства Евы не пережили очередного конфликта и расстройств.

Все были на стороне Егора. Иной же стороны не существовало. Марк с презрением посмотрел на то, как он сидел с Таней на скамейке, приобняв ту за талию. Когда взгляды врагов встретились, лицо Егора окаменело, и он действием показал Марку перерезание горла.

– Ева, ты не против, если я провожу тебя до дома? – поинтересовался Марк после уроков, когда Кира и Влад распрощались с Романовой.

– Мм... пожалуй, неплохая идея, – пожала плечами девушка, с недоверием посмотрев вслед уходившим друзьям, и

направилась к выходу из школы. Марк недовольно хмыкнул и последовал за одноклассницей.

За дорогу до дома та не проронила ни слова. Максимум – кротно отвечала на заданные вопросы, касавшиеся литературы и сдачи выученных отрывков.

– В чем trouble³⁹, Ева? – остановившись перед третьим подъездом, поинтересовался Зильберштейн. Задумчиво покачав головой, приятельница невнятно ответила:

– О чем ты? – где-то глубоко в своей светлой головушке Ева понимала, что совершала разом множество ошибок, но она находила себе оправдание в том, что игнорирование – выбор большинства. Впрочем, ей стало неуютно из-за того, что она вновь последовала за общественным мнением... впервые ей стало стыдно за это.

– Знаешь, моя матушка очень воспитанная. Настолько, что ее можно принять родом из Англии, – переведя дух, начал парень. Ева посмотрела на него с недоумением. – Таким же образом она воспитывала своих детей. «Провожая девушку до дома, ты обязан целовать ее руку, Марк!» – говорила она, но я никогда не слушал ее наставления. Я полагал, что это сделает меня шаблонным, и получается, я буду следовать чьим-то указам. Мне кажется, если бы я делал так, как меня учила мама, то за моими действиями на самом деле ничего не было бы.

– Это ты к чему?

³⁹ Trouble – проблема (англ.)

– А вот к чему, – произнес Марк и, присев на одно колено, поцеловал руку Евы, после поднявшись и развернувшись в сторону дома. – Good luck⁴⁰. Goodbye⁴¹.

Эти слова пронзили Еву, и она еще долго взглядом провозжала Марка. Немец же старался как можно быстрее выбросить эти мысли из головы – из-за сильных эмоций у него могла заболеть голова. Придя домой, парень закинул школьную сумку в свою комнату и направился на кухню, где взял из подвешного шкафа запечатанную оранжевую колбочку с таблетками. Кое-как открыв ее, Марк выпил две таблетки, как было назначено доктором. Одна таблетка – профилактика, поддержание назначенного курса. Две таблетки – снятия стресса, при головных болях. Три таблетки и больше – большие проблемы. Он запил их водой и, сев около окна, закурил. Матушка, разумеется, была против вредной привычки сына, поэтому он курил дома только тогда, когда ее не было.

По телевизору показывали какую-то несусветную чушь. Марк переключал каналы, пока не наткнулся на занятную передачу, которая понравилась бы Иве – все-таки установили, что найденной на той скамейке была Христина из ММР, и, между тем, голос за кадром рассказывал о возвращении легендарного The Поэта.

«Включай НТВ и радуйся жизни, Холмс», – отправил сообщение Марк и усмехнулся набранному тексту. Руки

⁴⁰ Good luck – удачи (англ.)

⁴¹ Goodbye – прощай (англ.)

немного тряслись. От волнения? В отличие от своих сверстников, Марк не умел долго злиться и быстро отходил.

Его мама пришла только под вечер. К тому времени Зильберштейн уже около получаса подбирал аккорды к песне, которую хотел сдать экзаменационной комиссией. Забравшись с ногами на кровать, он сел в позу лотоса и внимательно следил за правильным положением рук.

– Малыш, ты не забыл принять свои таблетки? – заботливо поинтересовалась мама. Марк посмотрел на дверь, которая была приоткрыта. Там стояла низкая пухленькая женщина с выразительными серыми глазами. Обесцвеченные короткие волосы были собраны в небрежный пучок, губы накрашены розовой помадой.

– Ja, Mama, – кивнул сын и собрался было возвращаться к своему прежнему занятию, но фройляйн Морозова – после развода она вернула девичью фамилию – посчитала важным побыть хоть немного вместе со своим отпрыском и зашла в комнату, где села рядом с Марком на край кровати.

– Малыш, ты же знаешь, что тебе нужно больше практиковать русский. У тебя в этом году экзамены, – заботливо сказала женщина и погладила сына по волосам. Затем резко притянула к себе и, приняв хавшись, возмущенно спросила: – Опять курил?!

– Мам! – недовольно процедил Марк, вырываясь. – Русский я практикую, да так, что скоро немецкий начну забывать. Не нравится мне этот русский, для меня он слишком...

резиновый что ли. Кстати, а хороший аргумент для сочинения на лингвистическую тему, что скажешь?

Но мать пропустила мимо ушей вопрос, осмотрев суровым взглядом комнату.

– Разбери книги на рабочем столе.

– Разберу. Как пройдет экзамен в музыкалке, так разберу, – пообещал Марк и зажал Am, после быстро переставив пальцы на Dm. В его комнате было не убрано лишь тогда, когда практически не было свободного времени.

– Ты уроки сделал?

– Да что там делать? Нам устно задали, – слукавил парень.

Было бы в школе так же спокойно, как дома. Разумеется, у юноши было желание с кем-нибудь поговорить о своих проблемах, но он ненавидел жаловаться, да и проку в этом не было. В конце концов, он что, слабак что ли какой-то? Сам разберется со всеми трудностями. Ну, а пока... Пока была большая перемена перед уроком литературы, и Марк усердно повторял «Демона», переписанного в тетрадку. Он сидел в классе. Помимо рабочей тетради и дневника, на парте была еще одна тетрадь, которая привлекла внимание Татьяны.

– Здесь твои стихи, да, Марк? – бесцеремонно взяв тетрадку со стола, заинтересовалась Таня. Рядом с ней стояла Сурикова, которой было больше интересно содержимое оной.

– Где же ваш бойкот, девчонки? – усмехнулся Марк и, вырвав тетрадь из рук одноклассницы, положил ее перед со-

бой. – Да, они здесь.

– Мы выше всех этих бойкотов, – гордо заявила Сурикова. – Правда, с Егором ты все равно неправильно поступил. За что ты его так?

– Не считаю, что вас это касается. Впрочем, одна из причин напрямую связана с тем, что Егор редкостный гандон.

– За гандона сейчас получишь! – Таня залепила Марку легкий подзатыльник, больше напоминавший шутку. Марк нахмурился.

– Вот поэтому девушкам я никогда не посвящал стихов – вечно они влюбляются во всяких чудаков, – мы – то с вами понимаем, что было сказано другое слово.

– А прочти свой какой-нибудь стих! Мне всегда было интересно, чем занимаются мои одноклассники, – увлеченно попросила Сурикова. – Вот, недавно прочитала рассказ Суанны, скоро она даст продолжение.

– Хм... Ну, ладно, – парень открыл первый лист и, откашлявшись, начал читать:

«К виску прижмешь мой шмайссер.

О боже, боже, шайсе!

Я чувствую, что Драйзер,

В трагедии был прав.

Нарушить свой устав

Была готова ты».

Но Таня оборвала Марка:

– Ни за что не поверю, что ты это сам написал.

– Ты слышала о такой вещи, как тактичность? Похоже, что нет, – насупился парень, но затем до него подобно разряду тока дошло, что сказала Таня. – Это что ты к чему? Что, неужели слишком хорошо?

– Не то чтобы... Просто сложно поверить, что человек, едва сумевший связать два слова, способен сочинить стих. Более чем уверена, что взял откуда-то из Интернета. Максимум, переделал пару слов и, вуаля, новый шедевр русской литературы!

– Ты действительно так думаешь? – осведомилась Сурикова, посмотрев на подружку. Она всегда полагалась на ее мнение.

– Конечно, Лен. Брось, это же проще пареной репы – если родной язык Марка немецкий, то и писать он, скорее всего, стал бы на немецком. Нихт вахр?

– Мэйби... Мэйби нот, – пожала плечами Сурикова и посмотрела на вошедшую в класс Анну Александровну. – О, давай спросим у Анны Санны о сдаче стиха после уроков? – девушки сдавали в четверг, а парни в пятницу. Подруги покинули Марка, оставив того в растрепанных чувствах. «Go to hell, girls»⁴², – практически беззвучно прошептал он, вернувшись к повторению «Демона». Литература на первом уроке всегда проходила сонно. До того, как начнут спрашивать девочек, Марк решил вызваться первым – пока голову не поки-

⁴² Go to hell, girls – Девушки, пройдите-ка в ад (англ.)

нула ненужная информация, нужно было отстреляться. Вместе с немцем к доске неохотно вышла Романова, держа в руке распечатанный листок с пронумерованными словами Тамары.

Голос юноши в мгновение преобразился, когда он начал рассказывать часть Демона; стал очаровывавшим, несмотря на то, что прежде не мог показаться таковым. Марк старался передавать все чувства, эмоции, будто выступал перед зрителями, время от времени жестикулируя, добавляя своей речи правдоподобности. Словно все это говорил именно он, и говорил именно Еве. Улыбнувшись своим мыслям, девушка мельком посмотрела на одноклассника – она не в первый раз замечала, что он любит выступать перед публикой, даже немногочисленной; а когда он нервничал или волновался, то частенько ошибался в словах или совершенно неправильно строит предложения, из разряда «моя твоя не понимать». Все-таки Романова отчасти добилась своей цели – она сделала наброски портера Зильберштейна, о котором думала во время знакомства.

Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!

Впоследствии последние две строчки Марк стал цитировать невероятно часто, к чему мы вернемся ближе к концу.

...Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Эти слова девушка прочитала уже без листочка. На какое-то мгновение ей показалось, что между ними установился невидимый контакт, и это вне зависимости от того, что Зильберштейн изъявил четкое желание прекратить общение. Но потом Ева вспомнила, что инициатором являлась она, и почувствовала стыд. Впрочем, когда она вспомнила о том инциденте с Егором, ей вновь стало не по себе. Тогда она почувствовала, что человек (Марк), находившийся рядом с ней, совершенно другой. Да если бы она продолжила с ним общаться как ни в чем не бывало, то ей бы тоже не поздоровилось; в школе Зверя даже девчонкам могли «забить стрелу», и сделать это при самых обычных обстоятельствах мог парень. Романовой не хотелось становиться жертвой одноклассников.

...Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всею упоением, всею властью
Бессмертной мысли и мечты...

Ева невольно отметила, что образ демона-романтика невероятно подходил Марку и делал его похожим на человека, у которого был хотя бы намек на чувственность. Тем

не менее, девушка считала маловероятным, что ему мог кто-то нравиться – едва ли он, по ее скромному мнению, к кому-нибудь испытывал симпатию.

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.

На этих словах Марк внезапно упал на колени перед Евой и продолжил свою часть «Демона». Она была в шоке, впрочем, многие из класса не ожидали подобной выходки от Марка.

В конце концов, весь рассказ уложился примерно в пятнадцать минут. Может, чуть меньше. Большая часть времени ушла на то, что «демон» пытался добавить больше эмоций и чувств в свои «сладостные речи», которые чем-то даже очаровали «Тамару». Но, поскольку, несмотря на то, что Марк выучил достаточно приличный отрывок, он допустил несколько ошибок, за что ему сняли балл. Плюс ко всему ему снизили балл за то, что он выучил не то, что нужно. В итоге он получил тройку.

– Молодец, немец, – надменно усмехнулся над парнем Егор, проходя мимо того после урока. Зильберштейн ответил взглядом, полным неприязни, но, сколько бы он не вкладывал в него эмоций, его все равно не заметили. В отличие от него, для Евы первый урок прошел значительно успешней

– получила хорошую оценку чуть ли не за то, что просто читала с листка, и за идеально рассказанное письмо Татьяны.

– Во время декламации надо представлять, что говоришь это кому-то конкретному, – делилась своим опытом Ева с Кирой.

– В таком случае, Марк признался тебе в любви, – усмехнулась красноволосая, повесив сумку на плечо. – Ладно, почапали.

«Бегу и падаю, как хочу признаться в любви», – в мыслях усмехнулся парень, подав дневник Анне Александровне, чтобы та поставила заслуженную «тройку». Не такой уж и плохой этот день. – «Так, следующий урок... Физика?»

«Школа Зверя была окутана болотно-зеленым туманом, а на небе светила манившая полная луна. На территории было безлюдно, лишь мигали один за другим одинокие уличные фонари. На дубе сидела аукавшая сова с огромными желтыми глазами. Стоило исчезнуть посторонним шумам, как в школе, в каждом помещении внезапно загорелся свет. Потом вовсе потух.

Наступила кромешная тьма.

Очнувшись с тяжелой головой, Марк заторможено оглянулся. В глазах зарыбило. Это был полумрачный кабинет физики. Удивлению парня не было предела – ведь еще совсем недавно одноклассники были на своих местах, и Людмила Васильевна кричала на Ангелину, кидавшую в передние ряды пакетики сахара. Вместо

утра глубокая ночь. Марк потянулся в карман за телефоном; его досаде не было предела, когда он увидел, что аккумулятор был разряжен. Нерешительно поднявшись со своего места, Зильберштейн прошел в кладовую, где нашел фонарик, который включился только после того, как немец хорошенько ударил его об стену, да и то – только со второй попытки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.